ДИСКО 2000

«Фантастический экспат расцвечивал небо вертикальными полосами, розовыми и желтыми, изумрудными и стальными. Отличный фильм для жизни, которая заключается в экспозиции. Бессмысленный сюжет. Бесконечно повторяющийся, сколько можно смотреть, и не знаешь в конце концов, кто кого убил.

Чарли Хилл

КЛУБ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Диско 2000» — антология культовой прозы, действие которой происходит 31 декабря 2000 г. Атмосфера тотального сумасшествия, связанного с наступлением так называемого «миллениума», успешно микшируется с осознанием культуры апокалипсиса. Любопытный гибрид между хипстерской «дорожной» прозой и литературой движения экстази/эйсид хауса конца девяностых. Дуглас Коупленд, Нил Стефенсон, Поппи З. Брайт, Роберт Антон Уилсон, Дуглас Рашкофф, Николас Блинко — уже знакомые русскому читателю авторы предстают в компании других, не менее известных и авторитетных в молодежной среде писателей.

Этот сборник коротких рассказов — своего рода эксклюзивные Х-файлы, завернутые в бумагу для психоделических самокруток, раскрывающие кошмар, который давным-давно уже наступил, и понимание этого, сопротивление этому даже не вопрос времени, он в самой физиологии человека.

- Диско 2000
  - Пэт Кэдиган
  - Николас Блинко
  - Грант Моррисон
  - Джонатан Брук
  - Поппи З. Брайт
  - Чарли Холл
  - Дуг Хоувз
  - Пол де Филиппо
  - Стив Айлетт
  - Билл Драммонд
  - Мартин Миллар
  - Хелен Мид
  - Курция Ньюлэнд
  - Дуглас Рашкофф
  - Таня Глайд
  - Стив Бирд
  - Нил Стефенсон
  - Роберт Энтон Уилсон
    - Первое условие перспективы
    - Второе условие перспективы
    - Третье условие перспективы
    - Пятое условие перспективы
    - Шестое условие перспективы

        - Седьмое условие перспективы
        - Восьмое условие перспективы
    - Дуглас Коупланд
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

Диско 2000

Пэт Кэдиган
Наблюдая за сменой тысячелетий

Не так Я представляла себе 1999 год.

Точнее, 29 декабря 1999 года.

И если уж быть совсем точной, то последние часы 1999 года — вот что я совсем не так себе представляла. Правда, когда теперь Я пытаюсь понять, чего я собственно, ждала, ровным счетом ничего не приходит мне в голову. Ну, а чего, спрашивается, можно ждать от Нового года, кроме обычной тусовки? 1999-й не успел еще нарисоваться, а я уже сотни раз слышала, что никакой это не миллениум, что конец тысячелетия наступит только 31 декабря 2000 года, и об этом, мол, знает каждый, кто умеет считать до десяти.

И кто же это у нас — кто или что — не умеет считать до десяти? Какая-нибудь шайка не весть откуда взявшихся темных богов или сам миллениум, вдруг оказавшийся вполне самостоятельной сущностью? А может, за тысячу лет мы случайно намотали лишний виток — кто-то сбился со счета, а, опомнившись, продолжил отсчет не оттуда — на один виток раньше? Неужели никто не заметил ошибки? Или от нас скрывали?

Так или иначе, Я знаю одно: 31 декабря, в 12:01 по местному времени, в Лондоне начали пропадать люди. И не только в Лондоне — по всему миру в больших и не слишком больших городах, в сельской местности, в горных деревушках, курортных городках и станах кочевников. И везде это начиналось в 12:01 по местному времени.

Эй, нет… тут нужно быть предельно точной — во всяком случае, только об этом и говорили весь день по «Си-Эн-Эн» и Радио-4 и даже в Интернете — на сайтах BroadBand, News-On-Demand и Daily Ticker. Сетевое агентство Media-Cast предположило, что это мистификация, предпринятая «Майкрософт» для рекламы какой-нибудь своей компьютерной игры. Интернет-конференции и подписные листы адептов теории заговора трещат по швам — простыни распечаток выползают из дверей интернет-кафе и стелятся вдоль улиц похотливыми белыми языками. Каждый может поднять их и ознакомиться с многочисленными версиями. Массовое похищение людей пришельцами, Вознесение, смертоносные лучи с суперсекретного спутника, вышедшего из-под контроля, или же приведенного в действие агентами ЦРУ, МИ-5, КГБ; Папой Римским,

республиканцами, лейбористами, банкирами-сионистами, феминистками, киберпанками, феминистически настроенными кибер-папистами с другой планеты, работающими на Элвиса Пресли, Мерилин Монро и Джона Ф. Кеннеди.

А что, может это и правда, но что это меняет? Пусть даже все эти версии верны, пусть только часть из них, пусть всего одна, — да хоть бы и ни одна, люди-то все равно пропадают — судя по сообщениям.

А тем временем пиратские радиостанции сражаются с официальными за место в эфире и в каждой квартире. Время от времени один голос в нестройном хоре других голосов вдруг обрывается на полуслове; тут-то все и понимают — это нервная нано-заминка перед бурей, и сейчас начнется: будут вопить об опасности для населения, численность которого падает с никому неведомой скоростью. Белые языки распечаток вытягиваются еще на десять футов, а «Си-Эн-Эн» и ее подражатели прерывают свои экстренные сообщения для передачи очередного экстренного сообщения: пропал еще один человек. На каждого пропавшего, о котором тебе стало известно, приходится невесть сколько других, исчезнувших приблизительно в это же время. А сколько приходится на каждую тысячу сообщений, которых ты не услышал, — на каждого пропавшего, о котором ты не узнал, сколько приходится тех, даже о существовании которых ты не догадывался? Спрашиваю, чтобы довести до абсурда. Абсурд ради абсурда, как давным-давно сказал один человек, — а почему бы и нет?

Вообще-то я собиралась отправиться в центр Лондона, но эта мысль одновременно пришла в голову еще миллиарду людей, и, в отличие от меня, они так и поступили. Никому неохота оставаться в одиночестве. Распространилось, по всей видимости, стихийное мнение о том, что в толпе безопаснее. Ты не исчезнешь, пока тебя кто-то видит, и поэтому лучше всего оказаться в поле зрения как можно большего числа людей; твои шансы остаться видимым — хотя бы одним человеком — в толпе увеличиваются. Ergo, ты не исчезнешь. Теоретически. Единственным аргументом в пользу этой теории является тот факт, что никто до сих пор не видел, как кто-то другой исчезает. Те же, кто действительно исчез, пропал, испарился, улетучился, растаял в воздухе, девался невесть куда, — все проделали это за кулисами, за пределами, так сказать, персональных просцениумов других людей.

Но я собиралась отправиться в центр Лондона совсем по другой причине. Ну, не совсем по другой. Ну, может только отчасти поэтому, и вообще, мне кажется, это совершенно

естественное желание — в трудный час стараться держаться вместе. Да и перестраховаться тоже не вредно. Если все это окажется правдой, я буду в безопасности, и шансов продолжить существование у меня будет не меньше, чем у других. Если же все это блеф, то я просто встречу новое тысячелетия вместе с парой-тройкой миллионов своих лучших друзей.

Только вдруг это неправда, что ты не исчезнешь, если тебя кто-то видит? Эта мысль крутится в голове, засела, как ненавистная, занудная мелодия, от которой невозможно отвязаться — ох уж эта наша назойливая страстишка! А вдруг это чье-то вранье? Не так уж это и невероятно. Мы же знаем — все вокруг врут. Мы знакомы с неисправимыми лгунами — спим с ними, выходим замуж, голосуем за них, отвечая на их ложь, своей собственной. Когда же их уличают во лжи, как правило, просто чудовищной, мы ужасаемся, хватаемся за голову, расстраиваемся, обвиняем в предательстве, как будто бы никто в целом свете до этой самой минуты никогда не врал.

И тут я вспоминаю, что MediaCast считает исчезновения майкрософтовской мистификацией. Если это и не Майкрософт, то другая фирма, торгующая программным обеспечением, которая в каждом своем продукте честно хочет видеть интерактивную поэму, когда на деле это лишь очередная банальная вариация на тему «создай свой собственный сценарий». Только, похоже, и вправду люди исчезали именно тогда, когда — как утверждают — их никто не видел.

С глаз долой, из сердца вон — вот тебя и нету, так что ли?

Если дело обстоит именно так, то я, считай, пропала, потому что вместо того, чтобы ехать в центр на других посмотреть, да себя показать, чтобы видеть и быть на виду, — вместо этого я пришла в Даккетс-Коммон, решив в одиночестве посидеть на потертой лавочке в этом заплеванном, голубями засиженном, очумевшем от пива, густонаселенном районе Харингей. Похоже, большинство жителей Харингей все же выбрались в центр, тогда как остальные набились в пабы в количествах, поражающих воображение даже здесь, в районе, где возлияния считаются призванием, благословенным свыше.

Кроме меня на улице остались лишь самые закаленные представители волосатых, несколько закоренелых бомжей и столько же алкашей, слишком пьяных, чтобы обращать внимание на декабрьскую стужу, и слишком поиздержавшихся, чтобы продолжать напиваться. Я нахожусь в поле зрения волосатых, они смотрят на меня и, должно быть, удивляются, ведь я не похожа ни на алкоголичку, ни на хипушку. А для бездомной, наверное, выгляжу слишком потерянной.

Только никакая я не потерянная. Я знаю, где нахожусь, вопрос в том, знает ли об этом кто-нибудь еще?

Тут можно, взглянув в ночное небо, вспомнить о спутниках-шпионах, которые, как уверяют фанаты теории заговора, способны запечатлеть твой вполне узнаваемый образ на пороге собственного дома. Неужели это правда?

Большой Брат, я готова сняться крупным планом.

От этой мысли я улыбаюсь небу, как будто точно знаю, что там есть кому оценить мою шутку. Но на самом деле объектив гораздо ближе к дому. Мой взгляд падает на ближайший уличный фонарь и скользит чуть дальше, к столбику у наземного перехода. Нет, камера у перехода направлена строго на проезжую часть, на случай побега виновника с места аварии. Фонарный столб — более вероятный кандидат для камеры наблюдения за парком. Для пресечения ограблений, киднеппинга, торговли наркотиками, изнасилований, прогулов, бродяжничества и несанкционированного харканья, которое в эпоху возвращающегося туберкулеза всех так беспокоит.

Жители Лондона потребовали больше камер слежения, чем жители Нью-Йорка и — Чикаго, Парижа, Берлина, Москвы, Токио, Пекина, Гонконга. А также Эдинбурга, Рейкьявика, Торонто, Рио-де-Жанейро, Сьерра-дель-Фуэго и Гонолулу. Больше, чем жители Давенпорта, штата Айова и Лоуренса, штат Канзас, Фитчбурга, штат Массачусетс, и Олд-Дайм-Бокса, штат Техас, больше, чем жители Хей-он-Уэя, Сток-он-Трента, всей французской Ривьеры, больше, чем все племена, населяющие дождевые леса Южной Америки и администрации школ всего мира. Сказано — сделано.

Кадры известные, как «съемка Запрудера», названная так по имени очевидца, заснявшего эстакаду на любительскую кинокамеру…

Настоящим вам предписывается сохранять дистанцию не менее пятисот ярдов от истца, некой Жаклин Кеннеди-Онассис…

Сегодня во Вьетнаме…

… а в Вашингтоне тысячи демонстрантов…

… избиение Родни Кинга, запечатленное на видео…

… в соответствие с принятым недавно законом, направленном против демонстраций…

… кадры, заснятые скрытой камерой с микрофоном, Ясно показывают, как посредник подстрекает жертв принять участие в махинации…

Для вашей безопасности сделка фиксируется на фотопленку…

Пригляди за моими вещами, ладно?

Очевидцев аварии произошедшей здесь в 14.45 в понедельник

двадцать четвертого…

Разыскивается девушка. Последний раз ее видели в районе…

Установленные в магазине видео-камеры, запечатлели весь процесс ограбления…

… на пленке из камеры наблюдения за торговым центром отчетливо видно, как ребенка уводит…

Как и в случае с прошлой трагедией, папарацци утверждают, что пытались помочь и не вели съемку, пока на место происшествия не прибыли машины скорой помощи. Это утверждение опровергает запись, сделанная установленными на автостраде автоматическими камерами слежения, фиксирующими превышение скорости, видео-камеры транспортной полиции засняли толпу фотографов-любителей, фотоаппараты которых были направлены прямо на искореженные обломки…

Ваша — есть, эти снимки, сделанные в момент поступления моего клиента в больницу, Ясно показывают…

… убийство заснято на видеокамеру, установленную в машине офицера полиции. Она оставила камеру включенной, когда выходила из машины, чтобы проверить документы водителя…

Новости от очевидцев…

Оче-видец…

Вы — очевидец…

CU-SeeMe(tm) — Я вижу тебя, ты видишь меня(tm).

Ты еще здесь, Большой Брат? Я еще занимаю тебя, ты еще не махнул на меня рукой? Себе еще нравится, как я тебя развлекаю? Или, может быть, я хотя бы достаточно подозрительно себя веду, чтобы быть тебе интересной?

А может я одна из тех счастливчиков, которых просто любит камера? Вдруг все, кто видит мое лицо на мониторе, моментально влюбляются в этот образ?

Или я, как вампир, вообще не отражаюсь в линзах телекамер? И не важно, что я видела свои фотографии в прошлом; видел ли их кто-нибудь еще? Недавно? Вот вам еще одна фобия конца тысячелетия: страх того, что тебя видят не те люди, а те — не видят. В последние часы 1999 года, когда жителей планеты целыми пачками повторяют судьбу экипажа «Марии Селесты», а все остальные отчаянно пытаются быть на виду друг у друга, это вряд ли можно назвать неврозом.

При условии, что ты в это веришь. Чего я пока не могу сказать о себе. В конце концов, истерия у нас в крови, и это зараза почище кори. Куда там корь — от кори можно сделать прививку. Значит, заразней, чем запущенный туберкулез. Распространяется

по большому зданию с полуслова, эта штука посильнее любого документа; факты об нее расшибаются. Что же дальше? Думаю, они так и валяются, пока кто-нибудь не подойдет, не подберет их и не употребит с максимальной для себя выгодой. Наточи свой боевой топор на точильном камне ближнего своего.

Ты тоже можешь стать виртуозом в приготовлении словесного салата с таким талантливым Миксмастером Метафор.

Один из «неформалов» решил посидеть со мной на лавочке и идет сюда. Его метровые патлы, черные от корней волос до самых плеч, ближе к кончикам отдают в желтизну. Одежда на нем какая-то… ну да, неформально истлевшая — от грязи и непрерывной носки; его обветренное лицо никак не может решить, злое оно, или доброе по отношению ко мне. У него в руке банка лагера. Я бы сказала «пива», не важно светлое оно или темное, лагер или портер, но в Харингей, такое дело, каждый знает, чем травится — никто не умирает в неведении. Он протягивает мне свою банку, грязь въелась в линии руки и под жалкие остатки напрочь обгрызенных ногтей. Я почти уже отказываюсь, и тут меня осеняет: а почему, собственно? Бывало и хуже.

— Пожалуй, я отопью, — говорю я, принимая банку. Он пялится на меня, но без враждебности.

Лагер тоже приятно удивляет. Не такая-нибудь кислая, разбавленная жижа, каким Я представляла себе его напиток, — нет, он игристый, пощипывающий и очень-очень холодный, даже холоднее, чем эта прощальная темная ночь.

— Можешь присоединяться к нам, — говорит волосатик, принимая у меня банку и отпивая. — Там у нас на всех хватит. Большинство наших, похоже, в центр ломанулись. Видела их по телеку и в Сети? Как думаешь, сестренка, думаешь, это поможет от… — он щелкает грязными пальцами.

— Черт его знает, — говорю. — Я не уполномочена говорить ex cathedra ничего такого, что может иметь хотя бы отдаленное значение.

— Ex cathedra, — смеется. — Я думал, ты как раз уполномочена — мы, католики, своего видим издалека.

— Может, вы здесь и видите, — говорю, — а я что-то не очень.

— Я тебя научу, — говорит, — Если увидишь человека, который ведет себя так, будто за ним все время следят, знай — это католик. Все католики с детства верят, что Бог своим всевидящим оком постоянно наблюдает за ними. Не можешь жопу подтереть, чтобы Он не подглядел, — смеется. — Мы с самого рождения под надзором, что нам до ваших телекамер на деревьях и фонарных столбах, что нам до спутников-шпионов — мы-то

знаем, без Него, и воробей не пролетит.

— Если собираешься мне проповедь читать, дай хотя бы еще пива отпить.

Он любезно протягивает мне банку.

— А ты американка — я так и думал.

— Да уж немудрено, акцент ни с чем не спутаешь.

— Почему, ты могла бы быть из Канады, но когда ты попросила отпить, Я сразу понял — американка. Ты сказала «пиво», а не «лагер», и не сказала «пожалуйста», — он снова хохочет и забирает у меня банку.

— Как только они обходятся без тебя в дипкорпусе?

— Сам не знаю. Я там не был, — он находит это очень забавным. Затем его взгляд привлекает что-то, находящееся у меня за спиной, и улыбка медленно сползает с его лица. Я оборачиваюсь.

В парк входит группа из трех человек, как две капли воды похожая на те, что я постоянно встречаю на Ковент-Гарден: женщина, задающая вопросы, человек с камерой и третий, звуковых дел мастер, — это обычно подразумевает затянутый мехом микрофон размером с целый батон болонской колбасы. Я никогда не понимала, что все они делают на Ковент-Гарден, берут интервью у туристов, проводят опрос или готовят курсовую по телевещанию.

Они, не задумываясь, идут прямо на нас. Мой волосатый друг приосанился и банку с пивом поближе к телу прижал, как бы защищая. Неужели думает, попросят глотнуть? Я в шоке — в центре гораздо больше народу для интервью. Вот, значит, до чего дошло. Что они надеются здесь найти? Я смотрю на волосатика и думаю, может еще раз проявит проницательность, но он пожирает глазами съемочную группу, а те устраиваются перед нами — ноль внимания на потенциальную агрессию, таящуюся в его лице.

— Здравствуйте, — приятным голосом говорит женщина. Она одета как телеведущая или думает, что одета как телеведущая, — стильное шерстяное пальто, приличная голубая блузка и грациозно закрученный вокруг шеи платок, темно-синяя юбка с разрезом. — У вас есть свободная минутка?

Звукооператор, тоже женщина, делает кислую физиономию:

— Нет, Молли, черт тебя подери, они сидят здесь, потому что очень спешат — ровно в полночь им надо быть на Лондонском мосту.

Молли невозмутима.

— Кит не умеет говорить о погоде. Светская беседа для нее непостижима. Она не смогла бы развлечь собственных гостей даже под угрозой смерти. Вы не ответите на несколько вопросов

для новогодней программы новостей на первом канале Би-Би-Си?

— Думаете, кто-нибудь ее увидит?

Молли делает несколько отработанных жестов и мохнатая «колбаса» на штанге опускается прямо перед нами, а оператор — такой молоденький, похоже, только начал бриться — наводит на нас свой объектив, как будто это базука, а он учится из нее стрелять.

— Вы можете придвинуться поближе друг к другу?

Мы с волосатиком переглядываемся, и каждый остается на своем месте.

— Мы не будем ничего изображать, — заявляет он.

— Я и не прошу изображать, Я только хочу, чтобы вы оба попали в кадр.

— А-а, — волосатик подвигается ко мне вплотную. — Так бы сразу и сказали.

— Я так и сказала, — Молли поправляет свою гладкую лоснящуюся шапку крашеных хной волос — осторожно-осторожно, чтобы не потревожить ни пряди — и ныряет в камеру.

— В эти последние часы 1999 года, когда весь Лондон собрался на Трафальгарской площади, Стренде и обеих набережных Темзы, некоторые отчаянные смельчаки вознамерились испытать судьбу, рассмеяться в лицо смертельной опасности…

— Разве говорится не «искушать судьбу»? — ни с того, ни с сего говорит звукооператорша.

— Да ладно, потом продублируем, — говорит Молли, откашливаясь. — Рассмеяться в лицо смертельной опасности, бросить вызов, гм, тому, чего другие так боятся — а именно, остаться в стороне от людских глаз, которые помогут им не исчезнуть. Скажите, сэр, вы не боитесь исчезнуть или, может быть, как раз надеетесь на это? И если да, то почему?

— А? — волосатик растерянно смотрит на меня. — Что?

— Давай по порядку, Барбара Уолтерс, — говорит звукооператорша, начиная скучать.

— Барбара? — не понял волосатик. — Мне показалось, вы сказали, что ее зовут Молли.

Оператор начинает смеяться.

— Заткнись, — говорит Молли, не оборачиваясь. — Так, все по порядку. Вы не боитесь исчезнуть?

— Никогда не исчезал, даже не могу себе представить, как это бывает.

Женщина поворачивается ко мне.

— А вы, мадам?

«Мадам? Если есть на свете справедливость, то исчезнет она,

а не я», — думаю я про себя, а сама специально смотрю себе под ноги:

— Я — фаталистка. Думаю, если мне суждено исчезнуть, то я исчезну, что бы я ни делала. А нет, так нет.

Молли наклоняется и заглядывает мне прямо в лицо, так что и мне приходится на нее взглянуть. У нее карие глаза с опущенными вниз уголками, веки тоже полуприкрыты, и это придает ей вид человека усталого и искреннего. В той части Америки, откуда я родом, женщины идут в тележурналистику, когда понимают, что карьера модели накрылась, в надежде покорить последнюю вершину — стать телеведущей. С другой стороны, возможно, Молли-то как раз пришла в тележурналистику, именно с тем, чтобы заниматься тележурналистикой. Она совсем не 90-60-90 — в моем районе, одном из самых неблагополучных в городе, где я раньше жила, сошла бы за второй сорт. За это она должна мне нравиться, но я чувствую одно только раздражение.

— Когда люди исчезают, — обращается она ко мне, четко проговаривая слова, как учительница, когда говорит «внимание, этот вопрос будет на выпускном экзамене», — как вы думаете, как это называется?

Я пожимаю плечами:

— Нирвана?

Волосатик сильно толкает меня локтем:

— Она сказала «исчезают», а не «пускают пулю в лоб».

Он запрокидывает голову и разражается в небо нечеловеческим хохотом. Через несколько секунд он понимает, что смеется один.

— Боже, как холодно, — говорит ему Молли. — Так куда они попадают, как вы думаете?

Он глядит на нее так, как будто не верит своим ушам.

— Куда они попадают? Суда же, куда попадает лопнувший мыльный пузырь, куда же еще?

— Так куда же? — не отстает Молли.

Волосатик складывает на груди руки, аккуратно, чтобы не проронить ни капли пива.

— Вы с подвохом, да?

Молли смотрит сначала на меня, а потом на своих коллег. Все начинают смеяться, и на этот раз волосатик оказывается единственным, кто не смеется. Звукооператорше приходится вытирать глаза рукавом свитера.

— Боже, — говорит она, борясь с икотой, — чего только не сделаешь, чтобы продлить свое существование.

— Эй! Э-эй! — новый голос прозвучал откуда-то сзади. — Эй,

сюда, здесь телевизионщики! У них камера, они в прямом эфире!

Соседний паб пустеет на глазах, посетители лезут из всех щелей, в том числе, наверное, из окон. Качаясь, пошатываясь и спотыкаясь, они все же неотвратимо приближаются к нам. То есть, к телевизионщикам.

Молли вертит глазами.

— Вообще-то мы не в прямом эфире…

— Заткнись, Молли, — говорит звукооператорша, глядя на надвигающуюся пьяную орду. — Раз они говорят, в прямом, значит в прямом. То есть, если ты конечно не хочешь, чтобы тебя здесь перемонтировали, как в тот раз.

Молли хотела было уже разозлиться, но передумала и зачем-то побледнела.

— Может, отдадим им камеру и смоемся?

— Отлично, — говорит оператор, — плакал мой залог.

— Выбирай — или залог, или яйца, — говорит звукооператорша, все еще глядя на приближающуюся толпу. — Выбирай, парень.

Вот только времени выбирать уже не осталось; поразительно, как быстро может передвигаться неуправляемая пьяная толпа в канун, как они считают, нового тысячелетия, особенно, пытаясь добраться до чего-то, что — как они спьяну решили — спасет им жизнь. Или душу. Мой папа был такой же быстрый, особенно когда дело касалось выпивки. Он набрасывался на каждый стакан так, как будто на дне, под мерой жидкости скрывался ответ на загадку Вселенной. Существует ли он еще, я понятия не имею.

— Ты, — рыгает некто в майке с короткими рукавами, неверной рукой указывая на Молли. От пьянства все мышцы его лица обвисли и спутались; он похож на бладхаунда или какую-то еще более морщинистую породу. — Это самое… Вы, это… хотите взять у нас интервью?

— Мы-то? Просто мечтаем, — говорит звукооператорша и сует ему под нос мохнатую «колбасу». — Ну, говорите, что вы обо всем этом думаете? Англия желает знать.

— Странно, они не похожи на «Си-Эн-Эн», — говорит кто-то.

— Нет, это новости канала «Скай», — говорит тот, что с короткими рукавами. Интересно, когда он поймет, что на улице холодно? Хотя думаю, он настолько пьян, что даже замерзнув насмерть, так ничего и не почувствует. Он начинает грозить пальцем звукооператорше, уже готовый прочитать ей какую-то лекцию и вдруг вспоминает, что должен говорить в камеру. На это уходит целая минута, но вот, наконец, он нашел направленный на него телеобъектив. В этот момент камера не более устойчива, чем он сам; оператору не нравится то, как нас

окружают люди из паба, и я его не виню. У них такие кровожадные лица; кажется что они хотят не сняться на камеру, а изнасиловать ее. Впрочем, по лицам видно, что они не уверены, как конкретно насилуют камеры, но готовы экспериментировать. Если понадобится, всю ночь.

В новом тысячелетии, если, конечно, доживу, буду помнить, — отмечаю я про себя, — никогда не давать пьяной толпе почувствовать общую цель.

Пары алкоголя во всех разнообразных ферментных формах и букетах — хмель, солод, можжевельник, виноград, всевозможные сахара — пронизывают воздух. Хороший ассортимент в этом пабе. Был хороший. Я отчего-то понимаю, что нашу съемочную группу заметили, только потому что в баре и подсобке все кончилось.

— Я про эти исчезновения много думал, мно-ого думал, — говорит чувак, качая пальцем перед камерой — Люди исчезают, а никто не знает почему. Я знаю почему. Я знаю. Это потому что средства массовой информации захватили слишком много власти, вот почему…

В эту секунду со всех сторон поднимается такой гам, что его уже не слышно. Кричат, во всяком случае, на него. Трудно сказать наверняка, каковы их общие чувства — такое впечатление, что тех, кто шумно выражает согласие столько же, сколько и тех, кто поливает его последними словами, причем каждый их них проспиртован не меньше, а то и больше, чем он. Я начинаю терять ориентацию; похоже, алкогольная истерия еще более заразна, чем ее трезвая разновидность.

Просто поразительно, как быстро Молли запрыгивает на скамейку рядом со мной и начинает махать руками, требуя тишины. Еще удивительнее то, что гомон вокруг разом стихает, от чего она столбенеет, как и все остальные, включая меня.

Молли откашливается и четко произносит:

— Дайте человеку закончить.

Повисает долгая пауза, пока до всех доходит. Наш теоретик СМИ с короткими рукавами тоже взбирается на скамейку рядом с волосатиком и оглядывает собравшихся.

— Правильно, — говорит он, — дайте мне закончить, это очень важно. Эти самые средства массовой информации захватили слишком много власти, вот. Слишком много власти захватили, получается, если на тебя не смотрит поганая телекамера, то ты никто. Ловко это у них получается, если ты не в телевизоре, значит ты пидор.

— Ты кого пидором назвал? Сам такой! — кричит кто-то из толпы.

— Да, я не то имел в виду, — кричит чувак, но все опять

начинают галдеть и спихивают его со скамейки. Тощая, как проволока женщина с плохо прокрашенными волосами цвета меди занимает освободившееся место и, требуя тишины, вздымает вверх похожие на две палки руки.

— Не только СМИ, — ревет она хриплым, но внушительным голосом, — прямо церковный орган, который смолит по три пачки в день. — Это папарацци, это месть папарацци!?ни давно уже объединились с темными силами, а когда мы два года назад попытались избавиться от них, они поклялись расправиться с нами раз и навсегда. И сделали это!

Волосатик смотрит на меня, он настороже.

— О Господи, кто оставил клетку открытой?

Не удержавшись, я улыбаюсь ему в ответ.

— А кто сказал, что она вообще закрывается?

— Чертовы папарацци! — ревет ораторша. — У них теперь есть цифровые камеры, они сканируют все что угодно прямо в компьютер! Вот где нужно искать пропавших — в компьютере! Не нужно направлять на нас свои камеры, уберите свои поганые камеры! Разобьем их, пока они не засосали нас этими пылесосами, как чертов сор, и не скинули на жесткий диск каких-нибудь онанистов, чтобы совращать наших детей — вот чем они занимаются в этом поганом Интернете…

Я не могу понять, то ли смеяться, то ли аплодировать ее остроумию и изобретательности, но вовремя соображаю, что буду единственной, кто смеется или аплодирует. Все остальные сгрудились вокруг оператора и звукооператорши в едином, искреннем порыве волнующегося людского моря. Такое можно увидеть, разве что в кино эпопеях из жизни гладиаторов.

— Остановитесь! Остановитесь! — визжит Молли, подразумевая поначалу нападение на своих коллег, а затем уже обращаясь к множеству страшных пьяных рук, стаскивающих ее со скамейки. Она заваливается задом и случайно цепляет ногой мою голову, так что я валюсь на волосатика. Мы одновременно падаем на землю, и я не пойму, то ли он борется со мной, то ли пытается помочь, то ли защищается, думая, что это я с ним борюсь. А может быть, это вообще не его руки.

Я закатываюсь под скамейку и сворачиваюсь калачиком, зажмуриваю глаза, стискиваю зубы, сжимаю сфинктер, стараясь не слышать, как съемочную группу разрывают на части, ожидая услышать звон разбитого стекла, когда они приступят к надругательству над камерой…

Время идет; в отдалении я слышу выстрелы. Нет, это Англия и Новый год, — это салют. Я еще слышу…

Я ничего не слышу, кроме стука собственного сердца.

Сначала я не могу поверить в это и прислушиваюсь повнимательнее. Салют в отдалении; никаких криков, никакого звона разбитого стекла, никаких сирен. На это уходит вечность, но, в конце концов, я заставляю себя разогнуться и разжать все, кроме глаз. Потому что не хочу видеть то, что совершила пьяная орда, объединенная общей целью, для того, чтобы искоренить педофилию в Интернете.

Когда же Я все-таки набираюсь смелости открыть глаза, после еще одного витка бесконечности, смотреть оказывается не на что, кроме оставшейся на траве камеры. И больше никого. Ничто не напоминает о том, что здесь вообще кто-то был, кроме перевернутой банки лагера, принадлежавшей волосатику. Все что в ней оставалось, теперь уже точно вылилось.

Я выползаю из-под скамейки и оглядываюсь вокруг. Бомжей нет, друзей волосатика тоже не видно.

Я подхожу к камере и поднимаю ее. Она даже тяжелее, чем я думала — ничего удивительного. Я гляжу в окошко и вижу на фоне резкого изображения даккетовской травы большие мигающие красные буквы:

ПЕРЕПОЛНЕНИЕ ПАМЯТИ

Я смотрю на фонарь и столбик у наземного перехода. На них такими же красными буквами, мигает то же самое слово:

ПЕРЕПОЛНЕНИЕ ПАМЯТИ… ПЕРЕПОЛНЕНИЕ ПАМЯТИ…

Я осторожно кладу камеру обратно в траву и снова присаживаюсь на скамейку. У меня нет часов, но я уверена, что время уже за полночь. Наступил новый год, новый век, новое тысячелетие, и ничего тут не поделаешь — раз уж я зашла так далеко, можно и подождать — чтобы увидеть, кто придет разгружать эти камеры.

Интересно, каким проявителем они пользуются?

Николас Блинко
Английский Астронавт

Гарри считал головы на танцполе, когда к нему подлетел вприпрыжку здоровенный детина со словами: «Черт побери, старина, глазам своим не верю».

Гарри поднял глаза и увидел перед собой лицо в обрамлении кучерявых волос, расплывающееся в широкой улыбке — настоящий белый африканец, большего сходства нельзя и найти. Гранджевая бородка. По подсчетам Гарри, парень был ростом никак не меньше десяти футов, а из-за прически казался и того выше. Увидев такого раз, нескоро забудешь. Гарри только пожал плечами.

— Парень, ты должен меня помнить, я Моби. Прошлый год в Гоа… ты был там с командой Йони, а я с Арно… Егалем. Вспомнил? Ну, все эти ребята…

Гарри кивнул. Возможно. И ответил: «Все мы братья-путешественники, идем по знакам».

А что еще здесь скажешь. Музыку не перекричать. В любом случае, это было в Гоа, Гоа, в прошлом. Белые пляжи, белая жара, растворяющая белизна. Он умиротворенно улыбнулся и повернулся к танцполу. Он подсчитал, что среди танцующих не менее пяти процентов были вооружены, в основном, ружьями, но попадались и механические пистолеты. Гарри был маньяк подсчетов. Процент стрелков он воспринял как соответствие и подтверждение пророчества. Эту пятерку он считал апостольским процентом. Это был вопрос математики и веры: пять процентов зажигали свечи, десять задували их, а остальные восемьдесят пять оставались навсегда потерянными для борьбы и света.

А этот Моби все крутился рядом, пытаясь заглянуть ему через плечо и дотянуться до уха: «Ну как, жутковато?»

— А?

— Ну, видеть всех этих ребят с автоматами.

Он говорил с типичным плюс-акцентом, то есть с местным акцентом, к которому добавляется американская жесткость. Он даже говорил по-американски: сказав «ребята», он имел в виду и девушек.

Мимо прошла девушка в военных шортах и бикини. На плече у нее висел автомат, свободный конец патронтажа был пристегнут к стволу эластичным ремнем. Моби улыбнулся ей и показал «пять», а потом повернулся к Гарри:

— Моя подруга. С тех пор как она мобилизовалась, я ее

совсем не вижу. Просто беда.

— Всегда надо быть готовым, — отозвался Гарри.

— Верно, — кивнул парень, мол, ничего уж тут не поделаешь.

А Гарри думал: «Быть готовым? Разве это не клубный девиз? Здесь явно какая-то несостыковка». В голову лез всякий бред.

Но тут парень опять обратился к нему:

— А ты давно в Израиле?

— Я приехал поза: поза… вчера. — Гарри решил, что парень сам сообразит сколько дней назад это произошло.

— Что? Двадцать седьмого? А откуда?

Гарри попытался что-то сообразить, но в голове у него была путаница дат и мест без названия.

Парень захохотал, «Черт, парень, ты не помнишь! Не знаю, под чем ты, но должен это попробовать. Вы, англичане, совсем сумасшедшие.»

Гарри уклончиво усмехнулся. Не сумасшедший, а просто выбившийся из ритма. Бывает, что и мелодия выпадает из синтезатора. Цифры сложились не в ту частоту. Может быть танец здесь поможет.

Вернувшись к бару, Моби рассказывал своей подружке: «Этот чувак — просто нечто невероятное. Он даже не знает, откуда приехал. Говорит, что просто дико выпал из контекста».

Моби обернулся и показал на него. Гарри пересекал танцпол как шагающий экскаватор, размахивая в воздухе руками. Клуб находился в подвале двухэтажного здания на Яффа-Роуд в центре Иерусалима. Здесь тесновато, но мест, где играют транс очень немного. Во всяком случае, Моби здесь нравилось. Он всегда говорил, что здесь можно встретить отвязанных ребят, как раз таких, каких он встретил во время последних своих каникул в Гоа. Моби ходил в клуб раз в неделю, приезжал на машине предков из Абу Гоша, в тринадцати километрах оттуда.

— Этот парень везде побывал, — рассказывал Моби, — в Ко Пан Га, Гоа, в Лунных Горах. И приехал сюда, чтобы встретить новое тысячелетие.

Илли кивнула и посмотрела на часы. Музыка напрягала, а утром ей надо быть на базе. Она поправила свой узи, переместив его на спину, встала и сказала: «Моби, мне пора».

— Ты слышала о психоделической новогодней вечеринке в Негеве?

Она слышала, только в эту ночь у нее дежурство. И вообще, она не была уверена, что хочет праздновать тысячелетие. Она еще не решила. Она прочитала статью, где говорилось, что для израильтян это не имеет значения. Потом несколько политиков подняли в Кнессете вопрос о бойкоте. Потом они сказали тоже

самое уже вне парламента, в теленовостях. Илли считала, что раз она на службе, то не ей решать, является ли встреча тысячелетия богопротивной, антиизраильской или чем-то в этом роде.

Она потянула Моби за руку, и тот поднялся: «Пошли».

Моби пошел за ней, надеясь, что англичанин увидит, как он машет ему рукой. Когда он догнал Илли у дверей, он вспомнил, что у него оставалось еще немного голландского хэша. «Хочешь, поедем в Шореш и там покурим?»

— Давай.

Гарри покинул клуб часом позже, но не успел далеко уйти. Он забрал свой проигрыватель из камеры хранения, и теперь сидел на нем верхом на Сионской площади. После клубной душегубки, ночной воздух доставлял истинное наслаждение. Ему говорили, что в Иерусалиме декабрь жаркий не по сезону. Стояла хорошая погода, совершенно как в Англии весной. На площади было полно людей, рассыпанных группками или по парам. К нему подошел худой жилистый парень и спросил, не англичанин ли он. Гарри кивнул утвердительно.

— Ну и как тебе здесь нравится?

— Чистая история, итог десяти тысячелетий.

Теперь парень кивнул. «Да, приближается. И все это произойдет здесь. Средоточие, пуп земли, центр чертова мира.»

— Чертова космоса, — поправил его Гарри.

— Точно. Так что ты хочешь: кислоту, экстази, кетамин. У меня есть немного хэша и еще местная трава. Он запустил руки в карманы, поигрывая их содержимым. Чтобы Гарри не пожелал, все было упаковано и готово к употреблению. Гарри решил взять две таблетки кетамина и спросил, что из себя представляет кислота. Парень сказал, что довольно мягкая вещь, не дает таких галлюцинаций, чтоб с ног валила. Особенно она популярна в армии, потому что под рок-н-ролл идет с тем же успехом, что и под транс: «Легко можешь вообразить, что ты снова в Гоа или во Вьетнаме. Каждому свое. Универсальная вещь, каждому дает свой кайф». Он нагнулся над ладонью Гарри и положил две круглых таблетки кетамина.

— Ты их хочешь сейчас.

— Нет, подожду тысячелетия, — ответил Гарри.

— А, ну да. Ты идешь на рэйв в пустыне, про который тебе Моби говорил?

Гарри понадобилось несколько мгновений, чтобы воскресить этот образ. Он кивнул, да, длинный такой, мы действительно разговаривали. И теперь он точно вспомнил, что парень говорил о мероприятии в пустыне. Но тогда Гарри не совсем понял, шла ли речь о рэйве, фестивале или каком-то духовном воссоединении.

Пушер сказал:

— Если хочешь, Моби тебя подвезет. У его родителей Чероки — много места, и так ты точно не останешься на мели.

И после паузы снова спросил:

— Ты где остановился?

У Гарри была бумажка с адресом.

— Улица Сала эд-Дин, — прочитал он вслух.

— У арабов? Ну ладно, бледнолицый, ты будешь в безопасности, — оскалился пушер. — Только попроси Моби, чтобы подвез тебя. У его предков занятный дом. Частью средневековый замок, частью космодром. Его старик — израильский Билл Гейтс, или кто-то в этом роде.

Дело было сделано. Но когда пушер кивнул и повернулся, чтобы уйти, Гарри окликнул его.

— Слушай, где я могу найти адаптер.

— В три часа ночи — нигде. А что?

— У моего проигрывателя вилка английского стандарта.

И Гарри постучал по проигрывателю, на котором сидел. Парень нагнулся, чтобы разглядеть нечто похожее на квадратный ящик или на гигантскую косметичку. Диск был обтянут красной кожей. Потом парень заметил регуляторы настройки и круглые надрезы, оставленные иглой. Это был старый монопроигрыватель, типа «Дансетт».

— И ты привез его с собой?

— Это «Елизаветианский Астронавт» — Гарри показал на табличку над ручками настройки — название в стиле научной фантастики шестидесятых.

— А что говорят в твоем отеле, когда ты заводишь эту штуковину.

— Ничего. Я его еще ни разу не включал.

Было семь часов утра, когда раздались призывы муллы. Комната Гарри находилась на одном уровне с вершиной ближайшего минарета. Он мог разглядеть парня, который распевал свои псалмы, надрываясь как резанный. Но Гарри не думал жаловаться. Ему не хотелось тратить время на сон. Открытый «Елизаветианский Астронавт» стоял на столе перед окном. Гарри вновь сложил книги в коробку. Они аккуратно разместились на вертушке вокруг оси. Потом он снес все это вниз, в центральный холл.

Портье поздоровался и, взглянув на проигрыватель, спросил «Keef alak?!»

«Именно», — ответил Гарри.

Он был настолько осторожным, что в день приезда заплатил за свою комнату вперед, чтобы никто не мог подумать, что он

забирает с собой все вещи. Вся шутка в том, что он забронировал комнату до 2 января 2000-го, а по плану должен был съехать еще вчера вечером.

«Electrical shop?» — спросил Гарри.

— А, электричество.

Гарри продемонстрировал воображаемое бритье электробритвой, после чего вопросительно кивнул.

— А-а, — протянул портье и вышел из-за стойки. Из арабского на нем был только короткий белый пиджак, в остальном он был одет в обычные брюки и итальянские ботинки. В дверях своего отеля он указал Гарри направо и сказал «Ворота Колона», а потом разрезал воздух рукой. «Прямо. Электрический магазин».

Было яркое прохладное солнечное утро, рассвело совсем недавно, и стены Старого Города все еще отражали розовый свет. Ближайшим ориентиром была мечеть, которую называли Каменный Купол. Казалось, ее позолоченный купол, усыпанный световыми вкраплениями, вращался, как гигантский блестящий шар. Взглянув на него, Гарри вновь обрел ориентиры.

Парень в отеле указал направление вниз по дороге, в сторону вторых ворот, ведущих в галерею бистро и музыкальных магазинчиков, перед самой автостанцией. Гарри ничего не знал об автобусах, похоже, все пользовались такси, и стоянка была рядом. Такси, все до единого — длинные мерседесы, непонятно по какому поводу выкрашенные в цвет одежды для сафари. Было раннее утро, и машины уходили полупустые. Стоило кому-нибудь из шоферов взглянуть на Гарри, как они понимали, что он собрался в дорогу. «Иерихон? Рамалла? Вифлеем?» — кричали они ему.

Гарри качал головой, он путешествовал во времени, а не в пространстве. Несколько кусков электропровода — это было все, что ему нужно. Он перешел дорогу и через ворота вошел в каменный муравейник Старого города. Самые оживленные улицы, были не более двенадцати футов шириной, похожие на траншеи, прорытые между древними зданиями. Стесанная, а местами и вовсе разрушенная, брусчатка мостовой сверкала как стекло. Самые глубокие ямы и трещины были заделаны самодельным цементом. Гарри нигде не видел электрического магазина, в любом случае, из четырех только один был открыт. Остальные стояли как гаражи с наглухо запертыми ставнями, информации о часах работы не было и в помине, виднелись только арабские граффити, явно политического толка.

Гарри пошел по дороге Эль-Вад, главной улице. После долгой серии поворотов он очутился в защищенной части города.

Магазины медленно оживали, некоторые выставляли на улицу стенды с открытками и сувенирами, в остальных продавали еду; основные продуктовые марки, товары для дома. В лавке пряностей были порошки всех грязевых оттенков, рассыпанные по коробочкам размером с горошину. Следующая дверь была украшена гирляндами губок, тех, которыми чистят сковороды, влажно струящимися, как морские анемоны. Потом попался магазин битком набитый разной обувью; в другом продавались ковры, в третьем видео и аудиокассеты. И везде базарная заваль соседствовала с первоклассными марками.

Эта оживленная улица проходила по холму, взбираясь большими плоскими ступенями. Чем выше поднимались ступени, тем ниже казались крыши домов. Гарри прибавил ходу, и выйдя на открытое пространстве, очутился на Виа Долороза. Он прочитал указатель и решил, что это место вполне подходит для привала. Он поставил «Елизаветинского Астронавта» и занял вторую от креста позицию: часовни Проклятия и Упадка. Потом сел и стал наблюдать за посетителями, пытавшимися разобраться, куда идти, направо в упадок или налево в проклятие.

Рядом пристроился какой-то мужчина. На нем была английская шляпа, вроде шляп для игры в крокет, но говорил он с американским акцентом. Спросил у Гарри, был ли тот паломником. И Гарри ответил, что, скорее всего, да, но в более глубоком смысле.

— Знаешь, сегодня мир закончится, — сказал мужчина.

— Знаю, — ответил Гарри.

— Что ты собираешься делать?

У Гарри были свои планы.

— Я пока еще не решил, — это было все, что он мог сказать.

— А я вот пойду на Голгофу, буду ждать Его суда.

— Звучит неплохо, — одобрил Гарри.

Мимо проходила группа монахов, они шли, подняв вверх лица, как пришельцы из «Звездных войн» и пели потусторонними инопланетными голосами. Увидев их, американец повернулся к Гарри и сказал:

— Пожалуй, я последую за этими джентльменами.

— А я попробую это направление, — показал Гарри.

Гарри нашел магазин электротоваров пятью минутами позже. Продавцу понадобилось немало времени, чтобы сообразить, что именно Гарри искал. Когда он, наконец, понял, то посоветовал Гарри туристическую лавку, где хозяином был его кузен. Без проблем, он вызвался его проводить и даже помочь с переводом. Шнур с вилкой был спрятан в корпусе Елизаветинского Астронавта. Гарри открыл его, чтобы показать хозяину магазина.

— Нужно, чтобы он подходил.

В руках у него был трехзубый штепсель. Торговец потрогал зуб заземления, повертел штепсель в руках, и пошел в глубь магазина. Он вернулся с адаптером в руках. Гарри попробовал, подходит ли. Он подходил.

Первый парень, из магазина электротоваров, спросил:

— Хочешь попробовать?

На стене как раз была розетка. Парень широко и обнадеживающе улыбнулся. Попробуй сейчас, чтобы точно знать, что не ошибся.

Гарри покачал головой:

— Не здесь.

— Нет проблем, мой брат не платит за электричество, — и он выхватил провод из рук Гарри и был уже у самой стены.

— НЕ ЗДЕСЬ!!!

Два парня опешили от такой ярости. Они были оба здоровенные, и им всякое пришлось повидать. Но они не знали, что им делать с этим тощим английским пацаном. Наверняка это был один из тех безумцев, которые приезжают в Иерусалим, чтобы оторваться по полной программе. Гарри расплатился, вышел и зашагал вниз по дороге Эль-Вад в сторону Горы Храма, и тогда они решили послать вслед за ним мальчика. Если в квартале сумасшедший, лучше будет предупредить патруль.

На Горе Храма, которую евреи называют Святая Святых, потому что храм здесь выстроил Соломон, теперь возвышались две мечети, Эль-Акса и еще более прекрасный Купол Скалы. Гарри воспринимал это место как средоточие всех пророчеств, все здесь было проникнуто тайным смыслом. И вот Гарри был на подходе, он бежал вприпрыжку. Когда он заворачивал за угол, его чуть не сбил с ног парнишка лет десяти. Он несся как на всех парусах. Он бежал косолапо, молотил руками и шарахнул Гарри по ноге. Впереди виднелись тяжелые железные ворота Горы Храма. Ворота были заперты, а посетители проходили через небольшую дверь, прорезанную в их правом крыле. Парнишка с трудом затормозил и прыгнул руками вперед, буквально нырнул, в дверной проем. У дальней части ворот и стояла группа патрульных-добровольцев. Когда Гарри проходил в ворота, пацан стоял с патрульными, среди которых некоторые были чуть постарше его, но большинство — взрослые мужчины. Все они в упор смотрели на Гарри.

— Мы вынуждены проверить, что у вас в ящике, сэр, — обратился к нему плотный усатый мужик. Его голова с одной стороны была помята, пулей или дубинкой. Он хлопнул по столу: «Безопасность, сэр».

Гарри посмотрел на пацаненка, потом на остальных. Он взгромоздил «Елизаветинского Астронавта» на стол, поднял задвижки и предоставил одному из охранников ознакомиться с содержимым. Очевидно, этого было недостаточно. Ему следовало самому поднять крышку.

Охранники уставились на сложенные внутри книги. Гарри смотрел в сторону, на мощеные мрамором укрепления и выше — на купол Свода Скалы. Солнце поднялось и золотой купол сиял еще ярче.

— Это, сэр? Что это?

— Гарри оглянулся. Начальник охраны держал в руках книгу по нумерологии. Гарри тяжело кивнул, он никогда с ней не расставался. И ответил: «Это моя Библия».

— А это? — спросил патрульный, показывая на книгу в клеенчатой обложке с полированным крестом.

— Ну, да, это Библия. Но без книги-ключа, она — ничто.

Гарри всегда говорил, что Библия содержит в себе сырую информацию, и читать ее просто так — все равно, что разгуливать в солнечных очках в сумерки. Она требует дешифровки. Именно поэтому Гарри носил с собой книгу по нумерологии — чтобы всегда иметь доступ к тридцати шести смысловым уровням. Со временем он хорошо научился объяснять концепцию. Он обратил к охраннику просветленный взор и изрек: «Каждый знает, что Библия — это Слово, но это еще и Число. И это скрытое знание, и поэтому здесь нужна вторая книга».

Начальник охраны швырнул книгу на стол и недоуменно посмотрел на своих товарищей. В проигрывателе лежало еще пара книг, вместе с зубной пастой и чистой парой носков, но никто не проявлял к ним интереса. Они не чувствовали математики: ни слов, ни их числовых соответствий. Гарри решил оставить их во тьме невежества. Оставалось так мало времени, и далеко не каждый мог присоединиться к пяти процентам. У охраны больше не было вопросов, только прощупали бегло его одежду. Гарри оглянулся на укрепление: люди группами толпились у ворот Мечети Эль Акса напротив Купола Скалы. Похоже, что начиналась служба.

— Оставьте это здесь, — вновь вмешался начальник охраны.

— Что?

— Если хотите продолжить визит, оставьте свой проигрыватель здесь. Заберете его на выходе.

— Нет, это невозможно.

— Вам решать. С этим предметом вы сюда не войдете.

Гарри смерил его взглядом, этого охранника и его команду, и попытался представить, каковы его шансы, если он возьмет ящик,

сделает вид, что убирается восвояси, и внезапно побежит в сторону Купола Скалы с Астронавтом под мышкой. Он смог бы пробежать так ярдов двадцать пять не больше, короб был слишком тяжелый.

И он попробовал новый заход:

— Вы что, думаете, что здесь бомба?

Парень пожал плечами.

— Вы что, думаете, что я вот так вот ходил бы с бомбой? Рискуя снести себе башку в самый канун двухтысячного года? Будто я ищу смерти за день до Конца?

Никто не проронил ни слова.

— Чувствуете иронию. И все это, чтобы пропустить чертов Финал.

— Убирайся, — сказал начальник охраны.

— Что?

Его ребята пришли в состояние готовности, скрутили ему руки за спиной и стали подталкивать к выходу.

— Почему вы меня выставляете! — орал Гарри. — Проклятые дебилы, я вам ничего не сделал. Отцепитесь!

Его приподняли над краем двери и буквально выбросили на улицу. Он прижал «Елизаветинского Астронавта» к груди для безопасности, потому и не смог удержать равновесие. Он завалился на бок, ударившись плечом о древние камни мостовой, продолжая орать: «Дебилы, чертовы дебилы!».

Охранники последовали за ним на улицу, взяв его в клещи. Но ему удалось прорваться, и он побежал от них вниз по дороге Эль-Вад. Будь он столь же безумен, как его вопли, он и впрямь смог бы выкрикивать свои теории до конца света. Толпа, сгрудившаяся у входа мечети перед началом молебна смогла понаблюдать за началом злоключения. Сержант Алави, начальник дружины добровольцев, мог сдержать своих людей, но он не смог бы ничего поделать с толпой, подумай она, что перед ней один из лунатиков-фундаменталистов, убежденных, что судный день не настанет, пока Гора Храма не будет очищена от мусульман.

— Числа, читайте числа! Три шестерки. Три и шесть. Две тысячи поделить на три, получаются одни шестерки, поделенные на шесть, и получаются тройки. Это Ваш суд, негодяи. Об этом вам говорят Числа. Две тысячи поделенные на тридцать шесть — получаются пятерки. Это и есть те пять процентов, кто знает о наступлении Его суда. Так что готовьтесь, дауны!

— Уберите его отсюда, — обратился сержант Алави к одному из своих людей, — я не хочу чтобы его забили насмерть во время моего дежурства.

— Правильно, шеф, — согласился тот, собрался идти, но

вернулся.

— Сообщим евреям?

Сержант Алави задумался.

— Да, бегите на полицейский пост у Стены и дайте им описание беспредельщика, чтобы и они его взяли под контроль.

— Я получил его, послание пяти процентов! Уберите руки, ублюдки!

Парень с дикими усами и безумной шевелюрой оттаскивал Гарри за руку в сторону старого города. Гарри пытался отпихнуть его, но вдруг прочел нечто, заставившее его задуматься. Парень повернул его голову, заставляя оглянуться на Гору Храма, и спросил что-то типа:

— А тебе действительно необходимо остаться?

Гарри увидел, что вход был сплошным месивом тел, карабкавшихся друг на друга, чтобы посмотреть на него. И он решил уйти, временное отступление перед боем.

Восточный Иерусалим лежал во тьме, фонари на улицах не горели, отчего и местность приобрела мрачный нетуристический вид. В Западной части и в Старом Городе все было иначе. Электричество работало без перебоев, и толпы стекались на свет. Омерзительнейшая толпа ошивалась у Храма Гроба Господня в ожидании очередной службы. Здесь не обошлось без инцидентов: американский турист забаррикадировался в одной из часовен. Когда его вычислила израильская полиция, торжества уже начались. Часовня была выстроена на платто, которое считалось частью Голгофы, местом Распятия. Американец рассудил, что место смерти Христа станет первым местом его Второго Пришествия, и хотел быть первым в очереди за благословением. Единственный доступ в часовню был через лестницу, и американец держал эти два пролета под непрерывным автоматным огнем.

Илли Эред находилась в военном лагере в туристическом местечке Ар-Ома за Вифлеемом. Она была на радиосвязи, когда поступили новости из Иерусалима. Илли они не удивили. Она уже слушала о похожем случае в Храме Рождества Христова в Вифлееме, недалеко от ее лагеря. Один парень, кажется бразилец, разработал теорию, что Иисус должен вернуться в места, где родился. Насколько ей было известно, сейчас он находился на попечении палестинских властей. Вифлеем был на палестинской территории, так что если бы капитан хотел устроить брифинг, пришлось бы спрашивать разрешения у палестинцев. А она была уверена, что командир никогда туда не пойдет. Сегодня ночью Вифлеем ожидал два миллиона паломников, большинство которых собиралось на площади Мангер у Храма Рождества.

Согласно плану, сначала они должны были смотреть фейерверк, а потом на крыше храма должны были появиться патриархи православной и католической церквей и вознести молитвы. Илли подумала, что это будет самый подходящий момент для появления Яссера Арафата. Что вполне походило на правду: Арафат обожал фотографироваться с местными патриархами. При таком раскладе, вмешательство израильских сил было мало вероятным.

В 10.45 она услышала сигнал тревоги, взвод был приведен в состояние боевой готовности. Половина его была убеждена, что они будут атаковать Вифлеем. Один парень, он сидел в глубине грузовика, так разошелся, что стучал себе автоматом по голове. Часовые отворяли ворота, когда капитан заглянул вглубь фургона. Увидев парня, стучавшего себе по голове автоматом, он схватил его за шиворот:

— Кретин!

— Ну что, мы выступаем, да. Вставим, бля, этому подонку Яссеру по первое число, сэр?

— Заткнись! — и капитан обратился к Илли. — Какие новости?

На Илли были наушники, но перевернутые, так что одно ухо оставалось открытым.

— Нас посылают в Негев, остальные приказы поступят позже, — отозвалась она.

Тем временем мозгодолб бормотал: «Никаких, никаких, никаких чертовых маневров в пустыне, пока яссеровские молодчики не нассут нам в лицо.»

— Это не маневры, — возразила Илли.

Стоило ей это сказать, как все обернулись, разинув рот от изумления.

— Охланите, — вмешался капитан, — мы пока не знаем, что происходит.

Но можно было предположить, что чертовы египтяне вновь пошли в наступление.

Илли трясло

— Не египтяне, а израильские поселенцы, они напали на рейверов, — все, что она могла сказать.

Она могла думать только о Моби, который отрывается в Негеве, беззащитный и, возможно, с напрочь снесенной крыше. Как ему спастись?

Дальнейшие детали поступили на следующем витке пути, когда грузовик, преодолев пустыню, повернул в сторону Хеврона. Сейчас они не столько слушали сообщение военной радиостанции, сколько одиннадцатичасовые новости, всем

взводом припав к крошечному транзистору, а грузовик несся вперед по трассе.

Женский голос говорил: «До сих пор не удалось прояснить, почему патрульная группа поселенцев открыла огонь по рейверам. Судя по слухам, причиной был их протест против всякого празднования третьего тысячелетия Общей Эры».

Илли вслушивалась, не будет ли упоминания кого-нибудь из рейверов или местоположения празднества, думая, что в любом случае место вряд ли будет ей знакомо. Она пыталась вспомнить, о чем говорил Моби перед тем как отправиться в Негев.

— Сообщения о пятнадцати убитых остаются неподтвержденными.

Треск в наушниках Илли прервал сводку новостей.

— Направляйтесь в Иерусалим. Повторяю, поворачивайте и направляйтесь в Иерусалим.

Капитан поймал выражение ее лица и попытался прочесть его. «В чем дело?» — кричал он. Илли покачала головой. Она прижимала наушник рукой, чтобы лучше расслышать подтверждение приказа. Паролем сегодняшней ночи было «Мордехай». Она услышала его, повторила и рухнула на заднее сиденье водительской кабины.

Шофер развернул грузовик на 180 градусов и они понеслись по центральной дороге. Вифлеем был позади и перед ними зиял первый объездной туннель. Иерусалим был от них в десяти минутах пути, по ту сторону горы.

Голос диктора продолжал: «В Негев прибыли военные врачи…, — туннель поглотил остаток сообщения, но все продолжали напряженно слушать, — все поселенцы убиты».

И тут один из солдат, взводный, заорал: «Значит мы убиваем израильтян? Я не собираюсь убивать израильтян!!!»

Капитан приказал ему замолчать. Остальные не проронили не слова. Они приближались к Восточной части Иерусалима.

— … Предположения, что рейв был организован солнцепоклонниками или сатанистами расходятся с донесениями, что рейв был спланирован наркодельцами в сотрудничестве с так называемой Израильской пляжной Гоа-мафией.

Грузовик въехал во второй, самый длинный туннель, и радиотрансляция прервалась.

— Эред, что происходит в Иерусалиме, — спросил капитан. — Ты что-нибудь слышала?

Илли была совсем не на той частоте, она искала волну подразделения Южного Негева.

— Эред!

— Да, капитан, — опомнилась она.

— Солдат, слушайте Иерусалим.

— Прошу прощенья, сэр.

Она сосредоточилась, пытаясь заставить себя классифицировать произошедшее, отнести Моби к разряду «гражданских» и закрыть страницу.

Наконец-то поступило сообщение из Иерусалима: «Кто-то ворвался на территорию Горы Храма, сэр. Если это перерастет в беспорядки с арабскими нелегалами, городской полиции может понадобиться поддержка.

Снова Иерусалим, сержант израильской полиции получил сообщение от сержанта Алави.»

— Я узнал вас, меня проинструктировали, — сказал он.

— Спасибо, ваше лицо мне тоже знакомо, — ответил Алави.

Они вместе пересекли укрепления горы Храма, и израильский сержант указал на вершины стен: «Я могу расставить здесь снайперов».

— Тогда нам точно не избежать беспорядков. В прошлый раз, когда израильтяне поставили снайперов, те открыли стрельбу по палестинцам.

— Как же быть?

— Не знаю. Я даже не знаю, можно ли вам здесь находиться. Главный раввин запретил евреям вход сюда, якобы в это в слишком святое место.

— Все переменилось, — перебил израильский сержант, — закрыт доступ только в Свод Горы.

— Очень плохо. Лазутчик находится в Куполе Скалы. Он сидит на самой вершине скалы.

— И что он там делает?

— Ждет, что небеса снизойдут на его проигрыватель.

Сержант был потрясен. Никогда ему не приходилось слышать нечто столь запредельное.

— И как он там очутился?

— Сейчас важнее, как его оттуда убрать.

Переступив порог мечети, израильский сержант почувствовал, как холодок пробегает по спине. Он, хоть и считал себя атеистом, знал, что ни один еврей не может войти в Храм, место, которого коснулись первые лучи после сотворения света Господом. И как ему говорили, это место осветится вновь в момент прихода Мессии. Ему уже казалось, что он слышит небесную музыку. Пойдя в центр мечети, он узнал голос Карен Карпентер: «Calling Occupants of Inter Planetary Craft/Обитатели межпланетного пространства, объединяйтесь». В центре огромного круглого холла он остановился на краю баллюстрады

и посмотрел вниз, в пролет на древние пещеры. Он был удивлен, когда обнаружил, что у них нет ничего общего с обычными пещерами… так богато они были украшены тонким орнаментом. Единственным, что обнаруживало их естественное происхождение, была огромная плоская скала, расположенная внизу под ними: та самая Скала, где Авраам чуть не принес в жертву собственного сына, и где позже витала душа Мухаммеда перед тем, как отлететь на небеса. Сейчас на вершине ее восседал глупого вида парень с красным кожаным кофром в обнимку.

Гарри поднял голову и, увидев людей, смотревших на него сверху, помахал им рукой. Потом одним движением он повернул усилитель громкости. Музыка подхватила его. Он почувствовал, что почти оторвался от Земли, преодолев силы притяжения, и продолжал подниматься, становясь бесконечным. В идеальных сферах, среди всевозможных чисел, он станет бесконечностью…

Он ощутил острый шок, и сразу после — боль, растекавшуюся по телу. Он никогда не думал, что телепортация может быть такой болезненной. Но потом, когда голос Карен Карпентер понизился до шепота, он увидел вспышку света прямо перед собой. Он ощутил, как уплывают прочь его мысли, постепенно сглаживаясь, мысли, что выписывали зигзаги, как на осцилограмме. Он становился одной единственной частотой, одной прямой линией, уходящей вдаль…

В 12.03, на третьей минуте третьего тысячелетия от Рождества Христова, или третьего тысячелетия нашей эры, Илли стояла плечом к плечу с людьми, которые, насколько ей было известно, были обученными солдатами палестинского правительства, даже если официально считалось, что в Иерусалиме таковых нет. Их шеф, человек по фамилии Алави, отдавал приказы — блокировать выход со стороны дороги Эль-Вад. Как только приказ Алави был подтвержден капитаном, взвод Илли приступил к исполнению.

Позже, когда они встретились, Моби спросил ее:

— Что произошло?

Хотелось бы знать, — ответила она. Они выносили что-то тайком из храма Горы. Некоторые ребята утверждали, что это было тело. Кто-то был убит в мечети. Но ты же их знаешь — в каждом встречном они видят заговорщика. Самой ей показалось, что палестинский сержант нес покореженный чемодан, со старомодной деревянной отделкой и покрытием из кожзаменителя.

В любом случае, это было что-то важное, раз и арабы вмешались, — заключила она. И потом, посмотрев на Моби, добавила: «Я была уверена, что тебя убили».

Моби недоуменно развел руками: «С приближением полуночи, мы все устремили взоры к небу и, наблюдая за скольжением прожектора по лику Луны, считали секунды. Внезапно на окрестных скалах появились эти лунатики и открыли огонь из своих сраных ружей. Ублюдочные психопаты, ортодоксальные дауны. Пришли, якобы они самые просветленные, все постигли. Пришли, чтобы попытаться убить нас. Я тебе скажу, я их вот этими, вот этими тяжелыми говнодавами помесил как следует. Все, что у нас было в пустыне, и это — гораздо одухотвореннее, чище… Ты понимаешь, что я имею в виду?»

Илли пыталась понять. Она чувствовала, что не в силах провести черту и понять, когда Моби начинает нести бред. Но после стрельбы на нем не было ни царапины — и это настоящее чудо.

Моби снова попытался объяснить: «Как сказал тот парень, с которым я говорил в клубе прошлой ночью. Помнишь?»

Илли кивнула, кажется, она вспомнила.

— Он говорил, что мы находимся на пороге новой реализации. Если у тебя есть глаза, тебе стоит лишь раскрыть их, потому что числа все выстроились в один ряд.

— Да?

— Он сказал, что мы первые, а не последние, кому дано понять. Скоро каждый поймет, что человек может свободно парить между Небом и Землей, как астронавт.

С этими словами Моби вытащил из кармана клочок бумаги.

— Вот, я даже записал. Он сказал, что когда исчезнет первый человек, возможно, что никто не осознает, что он отправился в путешествие. Но, когда мы соберемся все вместе, все станет возможно. Усилием воли человек сможет подняться и парить между Небом и Землей, как тот первый астронавт.

— Ты действительно так думаешь?

— Да, я так думаю, а почему бы и нет. Такова моя философия.

Грант Моррисон
Я — полицейский

— А вот если взять новорожденного младенца и дать ему соску, на которой фломастером будет написано «Мать твою так! Это же „Клоака-кола!“»? — восклицает Ид. — Ну, вроде как послание от Господа Бога, понимаешь? Вроде того, как некоторые полагают, что если разрезать тутовую ягоду пополам, то на срезе можно прочесть имя Аллаха…

— «Бенеттон» сделал это уже сто лет назад, — огрызаюсь я.

Я знаю, что она меня все равно не слышит: ведь вокруг нас шумит набирающая обороты вечеринка, а на сцене самая прикольная из новых молодых групп только что начала лабать номер первый рождественского хит-парада — композицию под названием «Бинарный прототип CH1987A?». Эта песня уже стала гимном поколения: в ней впервые делается откровенный намек на истинное объяснение забавной асимметричности колец сверхновой звезды 1987A. Сама группа, «Микробиология в клинической практике», состоит из двух девушек, двух парней, одного существа неопределенного пола и одной собаки, а стиль ее можно определить как «вдохновленный экстази „бетонный джангл“, характерный для атмосферы „commence de siecle[1]“ (sic!), излюбленной поколением пост-техно, жаждущим сбросить с себя ошметки унылой психоделии независимого рока, возникшей как реакция на убийство Богини Луны Королем Солнце, произошедшим при высадке американцев на Луну в 1969 году, которую следует понимать, как попытку патриархальных властных структур установить тотальный контроль над опасно возросшей тенденцией женственности и текучести в искусстве и культуре Запада…» (по крайней мере, именно так я написал в тексте для буклета к их дебютному компакт-диску «Hello Boys», на обложке которого изображена изможденная руандийская беженка, прижимающая к груди две помятых чашки для сбора подаяния).

Я решил, что стоит сходить подышать свежим воздухом на балкон. С ружьецом поиграться.

Как только я вышел с вечеринки, утопающей в вихре фотонов и звуковых волн, в ледяную, как жидкий гелий, ночь, в лицо мне ударил вой бесчисленных глоток, уместный скорее на нацистской сходке в Нюрнберге. Миллионолюдный человечий затор, заполонивший Молл, вздувался и опадал пузырями, словно поверхность асфальтовых озер, в которых некогда безвозвратно

тонули огромные динозавры.

ОНИ НЕ МОГЛИ ВЕРНУТЬСЯ В ШКОЛУ

Мы обдумывали, как нам в наилучшем виде провести маркетинг «Клоака-Колы» — продвинутого безалкогольного напитка, сенсационной заявки, выдвинутой новой экономической сверхдержавой, в каковую превращается прямо у нас на глазах индийский субконтинент. Своему пикантному и дразнящему послевкусию «Клока» обязана добавке экстракта из пепла — того самого пепла, что образуется при сжигании человеческих экскрементов в гигантских многотонных кучах. Производители «Клоки», опираясь на тайные рецепты великих учителей тантризма, гарантируют, что мелкодисперсные продукты пиролиза человеческих фекалий повышают иммунитет потребителя и его среднюю продолжительность жизни.

— Я думаю, что, чем меньше будем мудрить, тем лучше, — говорю я.

Ид продирается ко мне через толпу танцующих клерков, ментов в штатском и экзотических девиц, словно сошедших со страниц экстрим-каталога. Все это смахивает на кадр из фильма Джармена, пропитанный ароматом парфюма «Конформист» от Кальвина Клейна, таким густым, что он почти осязаем. За четыре сотни миль отсюда, в далекой Шотландии, овчарки ворочаются и скулят во сне, учуяв это амбре.

МОРЕ ВОСТОРГА

— Я самый крутой из еще живущих писателей этой страны, мать вашу так! Мои тексты для рекламы изучают на уроках английского языка в шестом классе средней школы! Почему я так долго парюсь с этой чертовой «Клокой»?

Мне не отвечает никто.

Мне чертовски необходим слоган. Крайний срок — полночь. Если я не пошлю его электронной почтой в Нью-Дели до полуночи, то от меня останется то же, что осталось от «Челленджера». Куча дерьма. Я просру самый крутой контракт в истории рекламного бизнеса.

Ничего, пусть они у меня слегка попотеют.

Я перекидываю одну ногу через перила балкона и устраиваюсь поудобнее перед тем, как прицелиться. Шевеление толпы возбуждает мою перистальтику.

— Староржевски! Староржевски! — орут они все в голос, заметив меня.

Я делаю паузу; я кладу винтовку на колени и беру в руки большой красный мегафон. Я подношу его к губам. Я буду разить их глаголом.

«ВЫ ВСЕ ОДУРАЧЕНЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ

СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ! — вопию я. — ВАС КОРМЯТ ЧУЖИМИ ЖИЗНЯМИ, ВАС ПРИКОВАЛИ К ТЕЛЕЭКРАНАМ, ВЫ ПОЖИРАЕТЕ ОДИН БЕССМЫСЛЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ ЗА ДРУГИМ, В ТО ВРЕМЯ КАК ВАШИ СОБСТВЕННЫЕ НИЧЕГО НЕ СТОЯЩИЕ ЖИЗНИ, ЕСЛИ И ПОКАЖУТ, ТО РАЗВЕ В ВИДЕ СЛУЧАЙНО МЕЛЬКНУВШЕГО ЛИЦА В ТОЛПЕ В ЗАСТАВКЕ ПОД НАЗВАНИЕМ „ПУЛЬС СТРАНЫ“! МНЕ НУЖНО С ДЕСЯТОК МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, РЕШИВШИХСЯ НА НАСИЛИЕ, ОТРЕКШИХСЯ ОТ ЖИЗНИ РАДИ ЖАЛКОГО ВЫЖИВАНИЯ. С ЭТОГО МОМЕНТА МЫ ГОВОРИМ „НЕТ“ ОТЧАЯНИЮ И НАЧИНАЕМ НАШУ БОРЬБУ!»

Толпа ревет в ответ, и этот рев похож на рокот тысячи басовых барабанов. Разочарованный, я быстро хватаю винтовку и вглядываюсь в окуляр оптического прицела. Вот я поймал в его перекрестье молоденькую монашенку. Она падает, извергая нереальные фонтаны крови. Мое лицо раздувается у нее перед глазами до натуральных размеров, и она целует меня, проталкивая язык сквозь мои плотно сомкнутые губы.

НЕПЛОХО ПОТРУДИЛИСЬ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ

— Да они ни слова не слышат из того, что ты тут орешь! — говорит мне Ид, врываясь слева в поле моего зрения. — Боже! Какой тут дубарь стоит!

В сущности, она права, но мне насрать. Я генерирую внутри себя «тум-мо», психическое тепло тибетских лам. Мне совсем не холодно. От меня можно даже прикуривать.

— Каждое слово, сказанное тобой, отслеживается и глушится «Анти-ситуационистским комитетом» М16 при помощи новейшей электронной технологии, известной под названием «Негативный звук», — поддразнивает меня Ид.

(Эту чудовищную женщину, несомненно, сотворила подпольная группа французских биотеррористов. Они создали ее путем клонирования материала, соскобленного с плевка, высохшего на асфальте.)

— Они не услышат ничего из того, что ты говоришь.

— Я люблю Большого Брата.

— А я-то его как люблю!

Я догадываюсь, что Ид носит трехслойные контактные линзы с воздушной оптикой, которые позволяют видеть вещи, невидимые невооруженным глазом.

— Ты весь кайф сейчас пропустишь, — говорит она и фокусирует свой телескопический взгляд на толпе. — Они ждут Конца Света. Через пятнадцать минут кончатся девяностые. Кончится все. Для них, по крайней мере.

— Тащусь от технологии, — говорю я вполне искренне и

смотрю в дверной проем, за которым в величественном зале бушует последняя и самая крутая вечеринка Эры Рыб.

ВСЕ ХОРОШЕЕ РАНО ИЛИ ПОЗДНО КОНЧАЕТСЯ!

На экране проецируются некоторые из последних разворотов Ид для журнала «Хелло!», увеличенные до таких чудовищных размеров, которым позавидовал бы и Адольф Гитлер.

Вот она, в красном платье от Рея Кавабуко, смачно вкладывает крошечную жареную перепелку в открытый ротик своего старшего сынишки. Вот она неловко обливает своего бывшего дружка шампанским, вращаясь с ускорением в семь «же» на центрифуге центра предполетной подготовки НАСА. Вот она, в сверкающем наряде, в роли Единой Теории Поля, распятая на модели атома в последней сцене мюзикла Эндрю Ллойд Вебера по бестселлеру Стивена Хокина «Краткая история Времени». А вот она (этот снимок принес ей миллионы) страстно целующая взасос пациента в терминальной стадии СПИДа в госпитале в Бангкоке.

— Тебе не кажется, что это уж чересчур? — спрашивает она нервно.

— Ты выглядишь шикарно, милая! — отвечаю я.

— Даже там, где я справляю большую нужду на могиле Матери Терезы?

— Это вообще охуительно, — заверяю я ее. — Личфильд сам себя превзошел.

— Ты и правда так думаешь? — переспрашивает она, просияв. Я всегда знаю, чем ее покорить.

— Ну, конечно, — говорю я. — Я имею в виду — посмотрим правде в глаза, по крайней мере, это не…

Мне даже не приходится заканчивать фразу. Мы оба улыбаемся, припоминая тот самый злосчастный фотодневник работы Тамары Бекуит, в котором было запечатлено участие Ид в благотворительном бале в пользу «Ассоциации против истребления детенышей тюленей», организованном ее сыном и норвежским министерством культуры.

— Я знаю, о чем это ты! — брякнула Ид, испортив все волшебство мгновения.

Я вновь фокусирую свой телескопический взгляд на рекордно огромной толпе и пытаюсь представить себе, как она выглядит в объективе спутника-шпиона, в задачу которого входит поставлять таблоидам фотографии Ид, вашего покорного слуги и моря человеческого мусора, которое бушует у нас под ногами. С высоты геосинхронной орбиты, с расстояния тридцати девяти тысяч миль, эта бушующая биомасса, наверное, кажется гигантским головоногим моллюском, с трудом втиснувшим свои щупальца в узкие улицы Лондона. Как невелико расстояние от

фанатизма до фантасмагории! Я трепещу от глубины собственного прозрения, но затем, взяв себя в руки, сосредотачиваю свой взгляд на карлике в красном плаще, точь-в-точь как в романе Дафны дю Морье.

ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Словно прочитав мои мысли, Ид включила режим случайного переключения каналов. Плоский жидкокристаллический дисплей фирмы «Филипс» замигал как сумасшедший: чудовищные фотографии с показов осенних коллекций в Париже сменяли друг друга. Приз за отказ идти на компромисс даже с простейшими принципами цивилизованного общества следовало бы, несомненно, вручить дизайнеру Клаусу Шреку, представлявшему движение «Неоантинацистов — Радикальных Борцов за Права Животных», который укрепил свою репутацию enfant terrible[2] тряпичного бизнеса, выпустив на подиум uberwaif[3] по прозвищу «Маленькая Никита» в паре бриджей в обтяжку, пошитых из хорошо выделанной кожи Наоми Кемпбелл. После чего уже было нетрудно догадаться, что Шрек и таинственный международный террорист и серийный садист-убийца, получивший кличку «Джек-Скорняк» — это одно и то же лицо. Схваченный полицией пяти стран посреди брызг шампанского и вспышек папарацци, он крикнул на прощание репортерам, что сразу по выходу из тюрьмы вновь примется обличать мучителей братьев наших меньших.

Маленькая Никита, заявившая прессе, что перед дефиле «я так удолбалась экстази, что не заметила, даже если бы меня оттрахал гигантский муравей», была отпущена на поруки. Из тюрьмы она вышла навстречу прессе в зеркальном латексном трико, нанесенном на кожу путем напыления. Но публика не испытывала по отношению к ней ничего, кроме жалости: один увлекающийся модой доктор, увидев в только что появившемся на прилавках майском номере «Вог» эпохальные снимки работы Стивена Майзеля, на которых фигурировала томограмма мозга Никиты, диагностировал у фотомодели раннюю стадию болезни Крейцфельдта-Якобса.

— Может, лучше рекламу посмотрим? — заскулил я.

ВСЮ ДОРОГУ АВТОСТОПОМ

— Вот эта мне больше всего нравится! — воскликнула Ид, показывая на экран.

Я изучил еще раз толпу через окуляр оптического прицела. Повсюду видны «юнион джеки», раскрашенные шиворот навыворот. В воздухе пахнет Альтамонтом.

Я чувствую себя героем фильма «Последний из людей».

— Неужели мы должны были прийти именно к этому? — задаю я в мегафон горький риторический вопрос.

НОЧЬ СЮРПРИЗОВ

Когда я очнулся от грез, Ид громко расхохоталась.

— Ну, так и чего же это реклама? — спросил я.

— Растворимого кофе, — ответила она, шарясь в сумочке в попытках отыскать две розовые капсулы диметилтриптамина, которые положила туда прошлой ночью. — Новой марки, которую изготовляют из плодов южноамериканского падуба. Она содержит в пять раз больше кофеина, чем обычный кофе, так что после первой же чашки тебя выворачивает наизнанку.

Я смотрю, как на экране огромный доберман рвет на клочья инопланетянина. Кровь испуганного пришельца брызжет на экране с пугающей интенсивностью. Бой явно неравный: у нас на глазах ни в чем неповинный гость из мира, который добрее нашего, превращается в психоделическую кровавую кашу. Все в рапиде, с подробным смакованием деталей.

Со смешенным чувством тошноты и восхищения я смотрю на экран. Меня завораживает порнографическая страсть режиссера к демонстрации внутренностей инопланетянина, которые, каким-то шаманским образом, действительно складываются в торговую марку рекламируемого кофейного напитка. Я не могу оторвать глаз от изображения: при помощи CGI[4] технологии зритель оказывается вовлечен непосредственно в действие, показанное глазами обезумевшей от страха собаки. От этого ролика у меня по спинному мозгу пробегают электрические разряды, воскрешающие во мне инстинкты рептилии. Мне хочется заняться копуляцией, дефекацией и борьбой за территорию, причем всем одновременно.

— Я уверен, что этот ролик нацелен на провоцирование агрессивного инстинкта охраны территории, — говорю я.

Никто не осмеливается возразить мне.

ЗВУЧИТ НАБАТ

В небе сияют беспощадные звезды. Лучи квазаров из отдаленных газовых альфа-туманностей Лаймана на краю наблюдаемой Вселенной подмигивают мне.

Я почесываю череп стволом моего «Ремингтона». Черная синтетическая куртка. Черная тенниска с надписью «Крутой перец». Высокие шнурованные ботинки. Я выгляжу как злодей-противник из набора игрушечных солдатиков.

Я выгляжу зашибись.

У меня в распоряжении остаются считанные минуты. Я достаю из кармана мой «ПокетМак» — 64 терабайта на жидком диске (а чего стоит голографический дисплей с регулируемым углом наклона и управляемая голосом виртуальная мышь!). Я открываю крышку и набираю дуракоустойчивый пароль доступа:

«Я — жалкий бестолковый гомик».

— Это я нормальный, а вы — ненормальные! — ору я, вспомнив на миг, что у меня в руках мегафон.

ДЕДУШКИН СУНДУК

В это время на экране какой-то шикарный транссексуал в прикиде под Вивьен Вествуд мастурбирует на капоте движущегося автомобиля, и растерявшийся водитель врезается в грузовик, перевозящий солдат из миротворческих сил ООН. Что-то в сценарии этого ролика странным образом задевает меня за живое: персонажи почему-то кажутся мне родными и близкими, и когда ролик кончается, я понимаю, что мне их будет не хватать. И внешне грубоватого, но в душевно утонченного гермафродита, и этих молодых солдат, которые нервно перекидываются шуточками и обмениваются недокуренной сигаретой за несколько мгновений до смерти, но более всего — загадочного водителя, заброшенного волею судьбы в непонятный и странный мир. Как все это жестоко, как далеко от буколической идиллии рекламной кампании «Рено Клио», с ее бессмертными героями — Папочкой и Николь.

— Это для новой «Хонды Курсор», — поясняет Ид.

— Точно получит приз, — шепчу я, смахивая слезу с ресниц. — Я словно сам там побывал. Это почти также круто, как финальные кадры «Смерти в Венеции».

НОВОСТЕЙ ПОЛНЫМ-ПОЛНО

Я набираю несколько слов на моем «Маке». Выглядит многообещающе. Я уже слышу, как урчат роторы десяти вертолетов «Дезерт Хок» с эмблемами «Отеля Хилтон-Гоа», которые перевозят гостей с одной круглосуточной вечеринки на другую.

По MTV играет группа в новом стиле «нип-хоп». Название группы — «Октилцианакрилат»; она выражает гнев и чаяния среднего звена менеджеров на окладе в фирме по торговле программным обеспечением, принадлежащей транснациональной корпорации. Правда, у меня такое впечатление, что это все я уже где-то слышал. Я стреляю, не целясь, в толпу, — но там, похоже, никто на это не обращает внимания. Но тут кто-то в шутку отвечает выстрелом на выстрел: разрывная пуля со смещенным центром тяжести отхватывает изрядный кусок мяса от моего предплечья.

— Похоже, мне пора к мозговому хирургу, — лаконически изрекаю я, чтобы скрыть чудовищную боль в изувеченной конечности и раздробленной кости (впрочем, я говорю такие ужасы лишь для того, чтобы подразнить Ид. Речь идет, несомненно, всего лишь о кратком визите в одну из клиник

косметической нейрохирургии). Возможно, стоит кое-чего подправить в лобных долях — ты же знаешь, что у меня с памятью твориться. Да и IQ у меня, хоть и велик, но не так велик, как хотелось бы.

А ВРЕМЯ УХОДИТ

Сейчас на экране уже идут «Ист-эндерз»; у Гранта Митчелла как раз случился до жути убедительный нервный срыв. Он включил свой телек в восемь вечера в четверг и увидел на экране самого себя, смотрящего телевизор, и так далее, до бесконечности. Тиффани стучится в двери, ей очень хочется увидеть Гранта, она только что придумала имя для их маленького — Конъюктивит В Сочетании с Устойчивым К Метициллину Staphylococcus Aureus[5] В Инкубаторе Для Детей С Нарушенным Развитием (в честь дедушки) — но Грант уже потерял сознание: мозги его захлопнулись, как шахматная доска с убранными внутрь фигурками.

Тиффани все же заходит в комнату и находит там Гранта, лежащего на полу и рыдающего, будто малое дитя. Синтезаторные барабаны тщатся изобразить тему судьбы.

Группа заканчивает свое выступление энергичным гимном «Я — полицейский». Ид объясняет мне при помощи языка глухонемых, что нам пора уходить.

ВСЕ НЕ ТАК КАК ВСЕГДА

Вертолеты начинают приземляться во дворе. Смена караула производится быстро и крайне небрежно.

На настенном экране в этот момент престарелый комик, невидимый публике, которая поспешно покидает зал, разыгрывает свой номер перед толпой мужчин и женщин в масках Большого Брата из телевизионной версии «1984» с Питером Кашингом в главной роли. Нервы комика сдали после непрерывного и изнурительного трехчасового прямого эфира. У него иссяк запас шуток, и теперь он слезливо исповедуется в том, как несколько лет назад, оставшись без работы в перерыве между сериями, грабил пенсионеров, чтобы свести концы с концами.

— Это шоу собирает восемнадцать миллионов зрителей в неделю, — говорит мне Ид по пути к вертолетам.

ЧЕГО ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЖЕЛАТЬ РАНО ПОУТРУ

Мы плывем в воздухе над разражающейся радостными криками толпой, мы пролетаем на бреющем полете над воротами Букингемского дворца. Все вокруг движется медленно, словно кадры в рапиде. Звучит любимая музыка Ид — финал «Вариаций на оригинальную тему (Загадка)» Эльгара. Толпа разбивается о дворцовую решетку, словно прибой, рты беззвучно открываются и закрываются. Сотни людей затаптывают насмерть, пока мы

нарезаем круги над Моллом. Вспышки стробоскопа превращают улицу в дискотеку «Гран-Гиньоль». Я хватаюсь за мой мегафон, желая утешить страждущих и умирающих, но уже поздно. Вертолеты летят слишком быстро.

Ид фокусирует свои контактные линзы на дворце, который уменьшается на глазах, иллюстрируя классический закон перспективы. Наши сменщики — группа одинаково одетых детей со светлыми волосами и сияющими глазами — стоят на балконе и машут руками. Я даже отсюда ощущаю телекинетическое притяжение их неземного разума.

— Я уверен, что они сделают все, как надо, — говорю я.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ УЖЕ НЕ ЗА ГОРАМИ

Вертолеты раскачивало из стороны в сторону словно колокола, в то время как бойцы из элитного подразделения «Дельта» отплясывали на улицах с окончательно спятившими участниками народного гуляния.

Над головой раздался гул турбин: это пролетел бомбардировщик «B-29», выкрашенный оранжевой флуоресцентной краской: он арендован специально для этой оказии корпорацией «Клоака-Кола».

— Как мне не терпится попасть в Нью-Йорк! — радостно восклицает Ид и кладет на язык розовую капсулу. — К тому времени, когда мы закончим праздновать здесь, он будет выглядеть как город в финальных кадрах «Планеты обезьян».

ВПЕРЕД БЕДЕ НАВСТРЕЧУ

На переносном телевизоре, который я на всякий случай прихватил с собой, плывут титры только что окончившегося детектива. Затем появляется заставка «Канала О», звучат позывные и на экране возникает идиллия.

Гудят пчелы, лениво переползая с цветка на цветок. Середина лета где-то на юге Англии. Старик, сидящий посреди ухоженного садика рядом с деревенским коттеджем. Это мог бы быть сэр Джон Бетжемен, или Бенни Хилл, если бы Бенни был жив. Старик поднимает глаза к небу, и тень тревоги ложится на его морщинистое лицо. Надтреснутым голосом он декламирует стихотворение:

Неужто мы в Англии милой?
Что стало с тобой, Альбион?
В короне из свастик
Король-головастик
В Вестминстере венчан на трон.
Нет, это не Англия, люди
Жестоко карает нас Бог

Наш флаг съели черви
И прямо на гербе
Льва трахает единорог.

Камера панорамирует в сторону, и мы слышим, как где-то за кадром раздаются звуки военной команды: взвод солдат готовится к расстрелу.

— Эврика! — восклицаю я. — Срочно соедините меня с Индией!

Часы «Биг Бена» отсчитывают последние секунды уходящего тысячелетия.

ВСЕ ХОРОШЕЕ РАНО ИЛИ ПОЗДНО КОНЧАЕТСЯ

Нас показывают по всем телеканалам мира, но благодаря технологии передачи негативного звука, все услышат только то, что хотели услышать.

Ид вручает мне микрофон, соединенный с массивными громкоговорителями фирмы «Бозе», укрепленными на фюзеляже вертолета. Она почти ничего не соображает от принятого ДМТ, но через пять минут приход должен кончиться.

Высоко в небе над толщей слоистых облаков открывается бомбовый люк «B-29». Тысячи галлонов «Клоака-Колы» извергаются из стратосферы могучим библейским ливнем.

— ДИЕТИЧЕСКАЯ КЛОАКА-КОЛА! — ору я с такой силой, что в домах сотрясаются окна. — НОВОЕ ДЕРЬМО ДЛЯ ТЕХ, КОМУ НАДОЕЛО СТАРОЕ!

Люди кричат и танцуют на улицах. Мы снимаем их с камер, установленных на вертолетах. Все они — статисты в величайшем рекламном ролике в истории человечества.

ЗАБРОШЕННЫЙ В ЦЕНТР ЦИКЛОНА

Вертолеты проносятся над горящими лужами солярки, над сжигающими себя демонстрантами, пересекают линию Гринвичского меридиана и уносятся на запад следом за новым тысячелетием.

А над Лондоном застывшие в холодном воздухе капли «Клоака-Колы» падают на землю точь-в-точь как снег в конце фильма «Мертвые».

Джонатан Брук
Идентичность

1

Джеймс ехал с севера на «порше бокстер» с опущенным верхом. Город был свеж после дождя, в стекле и металле машин сверкали отблески мокрого асфальта, даже небо было чистое и голубое. У него слегка дрожали руки, он катил мимо деревьев, домов с деревянными воротами вдоль улиц, двигаясь к западу, в сторону бара. Там будет много света и людей. Он сядет за стойку в элегантном костюме и предложит безмолвный тост за смену веков. Придут Эдди и Стася, похлопают его по спине и возьмут шампанского.

Он остановился на светофоре. Рядом с ним встала машина, новенький двухместный «мерс», в котором сидели два черных парня. Джеймс уставился на них. А они уставились на него, раскрыв рты, потом вдруг закричали, но слов он не разобрал. Они, похоже, на него разозлились, но он не мог понять причины.

Они хотели поехать с ним наперегонки, но когда зажегся зеленый, он нарочно отстал, а потом заметил, что черные обернулись и смеются над ним. У него дрожали руки, и взопрела втиснутая в кожаное сиденье спина. Ехали бы своей дорогой. Но они свернули к обочине, подождали, пока он проедет, потом поехали за ним. Джеймс ехал медленно, разглядывал их в зеркало заднего обзора — словно каких-нибудь диковинных живых организмов, вызывающих одновременно интерес и отвращение. Они были не из его мира, и от этой мысли ему стало грустно — он понял, что этот мир сотворил для себя сам. Возможно, он исключил их из своего замысла.

Они подъехали к самому бамперу его тачки, и Джеймс решил, что его сейчас подтолкнут вперед, и поехал медленно, ожидая, что вот-вот они его подтолкнут, но при этом очень беспокоился, потому что Эдди начнет качать права, если машина будет поцарапана. Было слышно, как они орут. Он пытался представить себя на их месте, но не смог проникнуться ни их ненавистью, ни каким-либо энтузиазмом по поводу того, что вот-вот произойдет. Он начал смеяться над ними, потому что не хотел, чтобы это происходило, а они по идее тоже не должны были этого хотеть.

Им не понравилось, что он смеется, и они ринулись к нему, перегородив ему путь на следующем светофоре. Он не мог дать

задний ход, и заблудился в окружившем его гигантском лабиринте городских улиц. Позади в заторе стояла еще одна машина — перепуганная женщина кинулась искать телефон и закрывать двери на замки. Ему показалось, что модели поведения, из которых он мог бы выбрать самую разумную, постепенно удалили из рамок реальности, и ему стало не по себе. Из «мерса» вылез негр — уверенный, торжествующий и непреклонный. С тротуара за сценой наблюдал какой-то отморозок. Босой и голый по пояс, он сидел на приступке у гастронома. Джеймс уставился на отморозка. Негр нагнулся к окну и плюнул.

Джеймс вывернул к обочине, обогнул «мерс», дернул вниз акселератор и машина рванула на красный свет, вмяв его в сиденье. На переднем сиденье лежала коробка с салфетками, Стася вытерла с губ сперму Эдди, накрасила губы, обтерла горлышко холодной банки колы — Эдди говорит, что они пачкаются на складе — и быстро стала пить, предварительно охладив напиток до шести градусов струей газа из баллончика для заправки зажигалок, чтобы убить вкус, стирая коричневые капли с напудренных щек, тихонько посмеиваясь. Он дернул рычаг и стер с пиджака крапчатый бурый плевок. Ни в коем случае не думать о Стасе. В зеркале заднего обзора негр поспешно забирается в «мерс» — как бешеное насекомое — и «мерс» срывается в погоню.

Он понимал, что «бокстер» быстрее «мерса». Но он и так сделал все возможное, чтобы предотвратить заваруху. «Плеваться — это уже слишком», — подумал он. Он рванул в сторону, тормознул, поставил машину поперек улицы, вышел и потянулся за бейсбольной битой, лежавшей в углу выстланного серыми ковриками салона. Машина была совсем новая, и еще не успела утратить тяжелый рекламный запах кожи и ковров. Его легкие наполнились этим запахом.

Показался «мерс», водитель нажал на тормоза, колеса заклинило, и «мерс» врезался в стоявшую на обочине машину. Черные хотели вылезти и напасть на него, но он ударил по машине битой и они, передумали. Они выпучили на него глаза. Он разбил фары, ветровое стекло, долбил по дверям, пока краска не начала опадать длинными клоками. Раздолбил спицы на колесах и выломал ручки на дверях. Сломал руку водителю, когда тот попытался дать задний ход, просунулся в дверь и стал наворачивать дубиной по карминовому внутреннему убранству автомобиля. Мотор заглох. Дело происходило на тихой улочке с обилием стекла и зелени — темные маленькие веранды, прохладные тенистые комнаты. Книжные шкафы, сухие букеты на

белых каминах. Лишь двое прохожих могли наблюдать его бесчинства.

Один из пассажиров прополз по капоту и бросился наутек, а он врезал ему по голове, не очень сильно, и ударом сбоку перебил колено, чуть не выбив чашечку. Когда они перестали орать и присмирели, он вернулся в «бокстер», бросил дубину на заднее сиденье и уехал. У него по-прежнему дрожали руки.

По пути в бар он попытался уразуметь, что произошло. Ему стало интересно, могли ли события развиваться иначе, были ли они столь же мимолетны как этот город, чьи постройки из кирпича и камня так недолговечны. Многое, конечно, зависело от самого Джеймса. Но что-то ему подсказывало, что все происходит в соответствии с планом, даже самые, казалось бы, незначительные события и все, что им противостоит, и весь широкий спектр возможностей. Нет ничего незначительного. Все известно и определено, все так же огромно и неотвратимо, как очертания потайного покрова мироздания, лежащего под ногами. Но он не мог в это поверить, это означало бы, что существует Бог. Его привлекала сама идея, но принять ее он не мог, и поэтому почувствовал себя обделенным. Смутившись, он остановил машину на минуту-другую, чтобы обдумать все до конца, но не смог. Слишком много всего нужно было осознать, а это все равно, что стремиться одним глотком выпить море. Через несколько минут ему страшно захотелось выпить, и он поехал дальше.

2

Бар был переполнен. Они сидели у окна, отделенные толпой пьянствующих. Эдди что-то говорил, но Джеймса мало интересовало, что именно. Джеймс смотрел, как пухлые пальцы Эдди по-хозяйски ощупывают коленку Стаси, и думал о своем. Осталось скоротать всего два часа до конца двух последних тысячелетий. Мысль об этом бросила Джеймса в дрожь. Уже скоро.

Перед тем как направиться в бар, он спрятал дубинку в саду у дома Эдди — аккуратно завернул в войлок и, уложив в целлофановый пакет, поместил под каким-то хвойным деревом. Зная, что она там, он чувствовал себя в безопасности.

За последние несколько недель он понял многое о себе и о мироздании. Эдди изучал его, почему-то нервничал, а Джеймс ощущал, как у него в голове все рябит и переливается, а он знал, что этого-то и боится его охранник. И эти ощущения давали о себе знать. Джеймс не спал месяцами. Наступит ночь, он закроет

глаза и будет лежать смирно, пока в комнату не войдет Стася — погладит его по лбу и убедится, что он заснул. Он ждет, иногда целый час — его неуемность заперта в клетку, хранится там, как электрический ток — потом он вскакивает с кровати и выходит из дома, бесшумно, как кошка. Он найдет бейсбольную биту и будет бродить по оранжевым натриевым улицам, чувствуя, как кровь превращается в лаву, а мысли становятся все стремительнее, неистовее, противоречивее. Все трудней усваивать и воспринимать уроки Эдди. Джеймс двинется к реке, к новостройкам. Там его ждут турниры, зрелище кровавой арены, которое оживит его душу. Переломанные кости и крики побежденных — вот его правда. Он постигал новый язык. Слова Эдди — все равно, что пыль под ногами.

Именно среди новостроек он почувствовал себя дитем огня. Длинные блочные дома, поднявшиеся на обломках города, последние люди духа, желающие покорять и бороться. Отцы города поместили их в новостройки, где они были вынуждены карабкаться по лестницам социальной интеграции. «Этапная программа», обещавшая улучшение жилищных условий, временные права на вождение, допуск в городские зоны и повышение субсидий, тщательный надзор, видеоконтроль, ежемесячные поощрения в виде отчетов о ходе выполнения программы. Но Джеймс замерял стены новостроек и следил за охраной. Они не ожидали вторжения. Их внимание было сосредоточено на тех, кто замышлял побег. А внутри новостроек гармонии не существовало, и ни одну из картинок, вспыхивавших на городских экранах, в новостройках нельзя было увидеть. Люди отказывались принять «этапную программу». Были костры и открытые свалки, толпы молодых людей и женщин, озаренных светом — пьяных, диких, непокоренных, бродивших среди зданий по изрезанной шрамами земле. Это была его территория. И его гарем. Он прижимал размалеванных чумазых женщин к исчирканным граффити стенам, но ни капли не изливалось из его лона. Эдди сделал его таким. Эдди же сказал, что ему этого и не нужно.

Он обнаружил их. Его чувства обострились. Он слышал, как они втихую копошатся в машине, и смотрел на них, смотрел, как ее голова дергается у бедер охранника. И не ощущал ничего, кроме легкого отвращения, подобного тому, которое испытываешь, глядя на спаривающуюся скотину. Пока в тот вечер притворный сон не привел в его комнату Стасю. Путем неимоверных усилий он смог заставить себя не отвечать на ее прикосновения. И долгие часы спустя он все еще чуял в своей захламленной комнате запах ее тела и волос. И каждый вечер,

когда она к нему приходила, его желание усиливалось. Женщины новостроек были аномальны. Но к недоступному его больше всего и влекло. Секс. Идентичность. Равенство.

3

— Что ж, судя по всему, ваш прогноз был верен, доктор Спенс.

— Правда?

— На моих людей напали, напали с остервенелой яростью.

— Ну, разумеется. Время поджимает. Оружие у него есть?

— Деревянная бейсбольная бита.

— Подходяще. Джеймс уже ушел в клуб.

Спенса охватило желание покурить еще. Ему хотелось смотреть на султанчик серо-голубого дыма, пробирающийся через треугольные снопы света, изливаемого светильниками на потолке «люкса». Ему всегда нравилось смотреть на дым, кружащий в потоке яркого света. Это напоминало ему о топливных динамиках, блок-схемах, характеристиках воздуха. Это напоминало ему о чистой науке.

— Который час? — спросил он.

— Половина одиннадцатого, доктор Спенс.

— Они ведь не дадут мне часы, знаете, да?

— Знаю.

— А вы знаете, где сейчас Джеймс?

— Он с Фостером и его девушкой. В баре, — сказал человек за столом.

— Эдди захочет встретить Новый год за бутылкой. А у Эдди спортивные машины и женщины, он упражняется в гедонизме. Это будет для него довольно-таки неожиданно — полночный звонок.

— Мы собираемся арестовать его до полуночи. Работа уже идет. — Спенс повел бровями. Ему хотелось каким-нибудь образом прекратить разговор на эту тему, но он был слишком усталым, чтобы проявлять тактичность.

— Это будет глупо.

— И все же этого не миновать. До сего момента мы, согласно вашему совету, наблюдали и провоцировали, но после нападения сегодня днем было решено, что дожидаться полуночи слишком рискованно. Он должен быть задержан раньше. Надеюсь, вы окажете нам помощь при допросе.

— Вы поместили мою дочь в новостройки. Я не могу отказаться от сотрудничества.

— Она оказалась в новостройках, доктор Спенс, оттого, что ее отец не признавал никакой социальной ответственности. Она сможет вернуться, если достигнет требуемого «поэтапного» прогресса.

— Нам с вами известно, что это гетто. «Этапная программа» — это фарс.

— Вы рассказывали о трудностях с агентом-ускорителем. Продолжайте, пожалуйста.

Доктор Спенс жил в таких номерах последние два месяца, с тех пор, как его арестовали. Он плохо спал и терял в весе. По утрам его мучили головные боли, а также рези в паху и в грудной клетке — там, где были сделаны надрезы. Молодой человек напротив него — ничьих имен он не знал — и не догадывался, что доктора ждет смерть. Он умрет, и если его дочь еще жива, то без его поддержки она тоже умрет. Выживет только Джеймс, восприняв жизненную силу Спенса, которую тот носил в жилах, в самих клетках своего тела. Спенс считал, что держать его под арестом глупо.

— Я хочу есть. Я не могу расслабиться и вести с вами разговор, когда я голоден.

— Я устрою.

Спенс откинулся на спинку стула, и ему снова захотелось курить.

В Мексике они сидели на площадке из белого бетона, смотрели сверху на Море Кортеса, смеялись и курили. Они были заключены в стеклянные стены на горном склоне, поросшим мелким кустарником. Лаборатория была встроена в скалу под ними, там была прохлада и яркое освещение. Там не было лаборантов. Предварительные изыскания показали, что они вдвоем вполне способны выполнить предстоящее задание, так что коридоры и комнаты наполнились эхом только их разговоров и жужжанием холодильной установки. Это была частная территория. Тогда они с Эдди были близкими друзьями. Они дискутировали о том, какие у Джеймса данные, и как он себя проявит.

Он думал о том, что спросил у него Джеймс за ночь до того, как Эдди взял его из лаборатории. Они вышли под черное небо, внизу простирался океан. Джеймс сел рядом с ним на бетонный парапет, и в голове у него зрело нечто такое, чего Спенс ни за что бы не уразумел.

— Доктор Спенс.

— Да, Джеймс.

— Сколько мне лет? Я старше солнца?

Джеймс почуял какое-то шевеление на улице. Отблеск в зрачке девушки, мелькнувшая за стеклом фигура. Он ощущал напряженность. А в переполненном баре — голоса, разлитый повсюду смех, пьяный румянец заливает лица, и хромированные пластины пляшут в мерцающем свете. Шум. Эдди снова заговорил, но Джеймс не обращал на него внимания.

— Мне надо отлить. — Он встал и двинулся в глубину зала.

Линейное время есть Большой Взрыв, идущий вспять.

Он думал о том, что сказал ему доктор. Что он станет всеми одновременно. Что он комбинированный человек, коллаж из трупов. Экспериментальная модель, сложившаяся из потока образов, догадок, сомнений — достижение научной мысли. Он помнил эти слова. Доктор был одной из тех нескончаемых нитей, из которых Джеймс был создан. Доктор не доверял ему. Джеймс знал, что снаружи есть люди, желающие ему зла. Доктор должен знать об этом.

Он продрался сквозь толчею у стойки, устремившись к двери, но вдруг увидел каких-то типов, проламывавшихся сквозь толпу. Они были в черном, а в руках держали дубинки, как жандармы в новостройках. Они кричали. Позади него поднялся Эдди и выкрикнул его имя, но Джеймс не обернулся, все было кончено. Он прижался к стойке, а устремившиеся в их сторону жандармы начали молотить толпу дубинками. Он видел, как они опрокидывали людей на пол и гвоздили тела дубинками, изрыгая обвинения. И толпу охватила паника. Все начали драться, пытаясь выбраться. Несколько человек подскочили к жандармам и спросили у них, чего им здесь надо, но их уложили на пол. Некоторые даже сопротивлялись, кидались на жандармов, не понимая, что происходит, махая руками и нанося удары. Джеймс увидел человека, бившего бутылкой о стойку, на его лице озабоченность — если бутылка не разобьется, у него не будет оружия. Две девушки рядом с ним скинули туфли и забрались на стойку. Они стояли там, озираясь, не зная, что делать дальше. Джеймс пригнулся, проскользнул между толпой и деревянными столами и оказался под столом, лицом к входной двери.

Он проскочил мимо жандармов, мимо распластанных на полу тел, и вышел через дверь. Раздался выстрел. Рядом с головой треснуло дерево, и он почувствовал, как ему в шею вонзилась щепка от дверного косяка. Щепка засела у него в горле.

Если за пределами бара клон будет вести себя неуправляемо — стрелять на поражение.

Когда Джеймс ступил на тротуар, противоположная сторона

улицы озарилась вспышками выстрелов — в него стреляли. Но он спрятался за машиной и попытался вытащить вошедшую в его плоть щепку. Засела она крепко. Он почувствовал вкус крови в гортани. Двигаясь вдоль машин, он достиг ближайшего подъезда. Пригнувшись, толкнул дверь и проник внутрь. Оказался в коридоре — желтые коврики, на кремовых стенах — рисунки с изображением самолетов. Он прошел по дому, открыл еще одну дверь и проник в сад во внутреннем дворике. Перелез низенький забор и, снова попав в сад, постучал в большое окно ботинком. Ему открыли, и он вошел в гостиную. Мужчина и женщина, угрюмые после службы, на кофейном столике бутылка вина, галстук ослаблен, брюки гармошкой. Бормочущий в углу телевизор. Они видели, как он прошел позади них и вышел в темный коридор, потом дернул входную дверь и вышел на другую улицу. На улице, где находился бар, заурчали моторы. Крики раненых. Испуганные всхлипы.

Он вышел на середину улицы и побежал. С каждым шагом щепка, засевшая в горле, входила все глубже. Он закашлялся, над ним был черный свод космоса, он стремился к своей дубинке и новостройкам. Безопасность. Старше солнца.

5

Линейное время есть Большой Взрыв, идущий вспять.

— Он не может иметь генетическое потомство. Он даже не способен к эякуляции.

— Возможно, это для него и не обязательно. Мы, кажется, знаем, как обойтись без этого.

Эдди все еще дрожал. Слежка бросила его в холод, и его мозг колотился от нахлынувшего потока энергии. Ему было интересно, неужели Джеймс все время испытывал нечто подобное. Он опасался, что Спенс был прав. Молодой человек за пультом казался более обеспокоенным, чем кто-либо из них.

— После того, как попытка задержать ваш клон провалилась, хочу попросить вас говорить как можно более откровенно. Остался всего час до миллениума по Гринвичу.

Спенс был по-прежнему занят беседой со своим бывшим коллегой. Они не встречались с тех пор, как Спенса арестовали.

— Не думаю, что вам сильно пригодились идиотские проповеди, а, Эдди?

— Это была попытка. Попытка успешная. Вы бы не смогли такого добиться.

— Да ты забавлялся, вот и все. А страдал-то я. Не забывай,

что именно я обеспечил первичную нить. Это мне грозит смертью, а не тебе.

Эдди выдвинулся из кресла.

— Он знает. Последние несколько недель он не реагировал. Он чует, что время близиться.

— Эдди говорил, что Большой Взрыв вскоре пойдет вспять.

— Нет. Ты не прав, Спенсер. Джеймс из будущего. Это движение вперед.

— Забудь про него, у него шок. Но не забывай про предупреждение.

Человек за пультом улыбнулся Спенсу.

— Он, несомненно, очень агрессивный подросток, но немного на свой манер. А здоровый ген, который ввел профессор Фостер, предотвращает регенерацию. Если мы его не поймаем, он умрет. Всего за один год вы сделали из него человека девятнадцати лет, и дальше все пойдет в том же темпе. Не так ли?

— Но его потомства это не коснется.

— Потомства не будет.

— Как скажете.

6

Раньше. Он жил в мире картин, кадров из недоступных фильмов, пыльных комнат, заполнявших его сознание — покинутых, забытых, запертых на замок. Капризы, иногда ощущение потери, иногда — воссоединения, досада, отрывочные мысли, мужчина, взбирающийся на высокий холм, где его ждет женщина, черный утес под кроваво-красными небесами, ведьмы и колдуны, отправляющие торжественный ритуал… еще свежи воспоминания об их встрече и ее запах, король этой земли, гремящий по всей вселенной, возможности его психики, высокие башни и огромные каменные глыбы, спущенные флаги над крепостными стенами. Нервозность и отвага, хмурые слякотные поля, в небе — облака цвета мочи, стихи в голове, катастрофы и машинерия, тихая истерика индустрии, ржавеющие прессы, стальные платформы и поднимающиеся к застекленным крышам лебедки, звенья цепи, сверкающие на солнце. Времена года, шторма и могучие моря, разбивающиеся о белые скалы. Пустыни, равнины, выложенные гладким стеклянным хрусталем у него под ногами, черные горы на краю вселенной, сверкающая луна. Угодья, поросшие травой, такой высокой, что она доходила ему до подбородка, и он слышал смех, за горизонтами резвились дети, скрытые от взоров в густой колыхающейся зелени, масляное

солнце. Цвет и форма во всем. И мысли. Он мог представить себе бесконечность. Она была сродни чувству. Но как объяснить бесконечность тому, кому она недоступна? Его посадили под замок в школе за плохую учебу, а он нашел схему радиоприемника и сконструировал его из кусочков олова и часовых деталей — его сознание постигло все подробности схемы. Схема была неудачной. Он переделает ее. Его окружили учителя и выволокли на свет божий, улыбаясь, поздравляя друг друга с такой находкой, как будто он был золотым самородком или сверкающим самоцветом, найденным на берегу реки. А ведь его заперли, вычеркнули, отвергли. А он был подростком, неумело натягивающим рубашку, засовывающим тост в рот, опоздавшим на встречу с братом, контрольная, еще контрольная, песчаные пустыни, где никто им не помешает. Их держат за дурачков, а они взмывают в воздух, они с Уилбером отрываются от земли, как боги, восседающие на Олимпе. У него в голове была целая вселенная — влияния, взаимовлияния, психология, френология, относительность, релятивизм. Он был дендрохронолог. Человек, считающий кольца на загубленном дубе, замечающий их обесцвечивание, может быть, из-за возни насекомых, или из-за циклонов, засух; он читает запечатленную в древесине жизненную повесть, делает шаг в историю, лепит историю по собственному желанию. Оно все повидало, это дерево. Оно прожило суровый век лесного стража. И вот ему вскрыли внутренности, чтоб человек их изучал — голодный человек, ищущий. А он бывал в портах, в городах, в горах и на озерах — бинокли, микроскопы, блокноты, полные аккуратных закодированных записей, ученый параноик. И он побрел обратно в свой мир, чтоб посетить и другие комнаты. Перед ним стали открываться двери. Ему открывалась секретная, таившаяся за ними информация, круги и цвета. Это были не воспоминания. Это были живые ощущения, подлинные, настоящие. В нем жили все языки, а язык есть мысль, он управляет мыслью. Лингвисты могут спорить сколько угодно, но когда ты видишь предмет, у тебя в голове возникает обозначение этого предмета. Кто-то заложил его туда, когда ты был маленьким и еще не мог спорить и говорить: «Нет. У меня не будет этого слова. Оно мне не нужно». Мы соглашаемся и принимаем слово. Вот попробуйте не думать словами. Но Джеймса разрыв между словом и предметом не касался. Как не касалось всякое незначительное мимолетное состояние, возвышенная религиозная система, монахи, всю жизнь пытающиеся заново осмыслить каждый предмет, их девственное сознание. Джеймс все знает и все для него в новинку. Его не нужно ничему учить.

Джеймс замедлил бег и харкнул кровью на тротуар.

В глубине его размышлений проскальзывает догадка о том, чем он является на самом деле — игрушкой, моделью для двух генетиков, ищущей свою душу среди всего того мусора, которым они заполнили его сознание. Он отыщет ее в их прахе. Новый поток образов, открылась еще одна комната. На этот раз быстрее. Двери срываются с петель, грохаются на землю. Теперь появляются отрывочные образы, выплывают цвета, затопляют его, стремительные, пьянящие. Разорви швы, пусть рухнет небо и накроет дома. Пусть вновь растут деревья. Нам нужно больше деревьев. Пусть будет чистым воздух, пусть смрад прольется с небес. Пусть вернется лед.

Он быстро бежал по улицам.

7

— Этот тип, похоже, извращенец.

— Может, ты и прав. Это что на нем за бижутерия понадевана?

Двое жандармов смотрели на приближающуюся к ним фигуру. Дубинки, висевшие у них на запястьях, источали голубоватое мерцание. Позади них высились новостройки, четырнадцатифутовая стальная дверь в стене длиною шесть миль. Там были огни и проволока, стальные провода, стерегущие логово жандармов. Жандарм, стоявший на сторожевой вышке, перегнулся через перила и сплюнул. Он заметил фигуру мужчины, пересекающего границу и вбегающего на территорию новостроек. Он остановился в нескольких шагах от жандармов.

— Сдавайтесь.

Джеймс задыхался. Его костюм был залит кровью, воротник почернел и залоснился. Кровь стекала по шее, розоватая пена выступила вокруг рта, взбитая воздухом, поступавшим из легких. Щепка торчала из горла как взбесившийся рыболовный крючок и подрагивала, когда Джеймс пытался говорить. Жандармы посмотрели друг на друга, они не знали, что сказать. Один развернулся, шагнул к барьеру и набрал код на освященной клавиатуре. Стальная дверь распахнулась.

Джеймс увидел костры и фигуры танцующих, чьи тени падали на бетонные плиты новостроек. Шум разносился по всей территории — крики и сумасшедший хохот, вой, шарканье ног. На зеленом поле столпились люди, они кричали, обменивались насмешками и, как хищники, выискивали слабаков во вражеском стане. Он видел, как блеснула бутылка в свете настенного

прожектора, алкоголь новостроек, дистиллированный в ваннах, технический этанол и лакричная настойка, огромная ванная, приготовленная к вечерним торжествам, темная зловещая жидкость, таящаяся под каждой ступенькой. Этим напитком были куплены милость и обязательства. В новостройках нет денег. Толпа двигалась единым напором, пьяная и бешеная, бессмысленно, но возбужденно. Они увидели, что дверь на улицу приоткрыта и двинулись по газону к двери. Над домами и большой бурлящей центральной площадью — завеса черного дыма, на небесах — чернила, заливающие звезды.

— Ты все еще хочешь войти?

Джеймс смотрел на весь этот беспредел, исходя слюной. Жандарм поднял руку, подавая знак человеку на вышке. К нему возвращалась уверенность. На вышке был установлен водомет. Джеймс слышал, как командир снимает предохранители, проверяет напор, поворачивает дуло — и его захлестнуло волной. Он проскочил мимо ошеломленного жандарма, набирая скорость, услышал, что дверь начинает закрываться, и рванул туда, где мелькали отчаянные лица его сообщников.

8

— Доктор Спенс. С вами все в порядке, доктор?

Спенс чувствовал себя так, будто в груди его тлел огонь. Кожа увлажнилась, а его тело передергивало от вспышек боли: повсюду ныли болячки и опухоли, и зудели пока живые ткани. Еще один ученый подошел к больному и положил ему руку на висок. Кожа была ледяной.

— Спенс умирает.

— Чем он болен?

Эдди снова сел в кресло.

— Спенс дал свою ДНК, чтобы создать ядро генетической матрицы Джеймса, к которой мы привили весь остальной материал, тысячи выделенных нами участков кода. Спенс был донором. Он был стволом дерева, от которого растут ветви, скажем так.

А Спенс уже свернулся клубком. Его мышцы сократились и заставили тело принять эмбриональную позу. Человек за пультом стучал по столу пальцами с такой силой, что хрустели костяшки.

— Существует вероятность, что Джеймс знаменует собой конец эволюции. Я противник этой теории. Я думаю, Джеймс страдает определенным видом душевного расстройства, причем приближается его генетическая зрелость, достигнув которой, он

вернется к нам. Я все-таки верю в него. Как бы то ни было, если доктор умрет, у нас могут возникнуть проблемы.

— Серьезно?

— Это может означать, что Джеймс эволюционировал до той точки, когда ДНК сама дает обратный ход. Спенс был первичным агентом, поэтому он, так сказать, и разложится первым.

— Разложится?

— Да, как и все мы. Оккупанты земного шара. Но это маловероятно.

Оба уставились на доктора.

— Вы верите в случайность?

— Что, простите?

— Между всеми нами существует взаимосвязь, причем насколько она сильна, мы начали понимать только сейчас. Случайность может быть лишь одним из аспектов этой взаимосвязи, этого генетического «потока». Кое-что из этого открылось нам в результате первоначальных изысканий, в основном благодаря этому мы и получили возможность сделать из Джеймса комбинированный клон. Люди, возможно, представляют собой единое целое. Мы все происходим из одной и той же химической структуры, она развивается, но первоначальное зерно остается. Вот во что верил доктор — внешняя реальность дается в ощущениях, она вся в мозгу, а сама популяция — это мозговое семейство, в совокупности постигающее реальность. Джеймс напугал доктора. Но я знал, что если распад и произойдет, то он коснется только первичного агента.

— Почему?

— Потому что Джеймс не может связаться с другой линией помимо доктора. Доктор близок к нему, он у него внутри, поэтому Джеймс может коснуться его, причинить боль. Но я удалил у него способность к воспроизведению, к вхождению в генетическое игровое поле. Связаться с другими линиями он может лишь путем обмена клеточной структурой с женской особью, идентичной первичному агенту. Тогда бы он смог проникнуть в более широкий генетический фонд и стал бы там доминировать. Вы изолировали дочь? Я же просил.

— Но он не может вырабатывать сперму.

— Ему этого и не надо. Катализатор, который мы выработали — это агент оплодотворения. Любого контакта на клеточном уровне будет достаточно, чтобы оплодотворить женщину. В том случае, если его клетки способны достичь ее матки. Где дочь?

— Она под охраной. Но каков риск?

— Не знаю. Спенс считал, что вся галактика, возможно,

является генетической структурой. Это лишь то, что мы видим или чувствуем. Похоже, она существует только у нас в головах. Это просто наше восприятие жизни. Если сама жизнь обратилась вспять, то не знаю, чего нам и ждать. Вы еще не нашли Джеймса?

На столе стоял монитор. На нем было сообщение о проникновении на территорию и об успешном захвате клона.

— Нашли.

— Предлагаю вам предоставить его мне. Для безопасности. Если бы вы тогда не ворвались, я был бы сейчас с ним. И ваши полоумные жандармы на меня бы не напали…

— Понял.

— Тогда позвольте мне вас не задерживать.

Человек встал из-за пульта и вышел из комнаты. Эдди смотрел, как его старый коллега корчится в агонии в противоположном углу комнаты.

9

Первое наступление властей захлебнулось за несколько минут до его личного миллениума. Сперва он вел свое потрепанное войско методом «делай, как я» — люди были потрясены его бесстрашием и следовали за ним. Как сходящиеся воедино образы заполняли формами его сознание, окончательно проясняли его бытие, так и его неполноценная поначалу армия обретала форму и внутренний порядок. Он назначал командиров и раздавал приказы. Инакомыслие жестоко каралось. Он был главным на поле боя. Он обучал их тактике — как выманить на открытое место человека в униформе, а потом оттеснить его от машины. Он учил их выхватывать дубинки и обращать их против хозяев. Оккупанты были разбиты. Его залитые кровью солдаты потрясали трофейными лохмотьями и оружием разбитых полчищ, высланных на подавление восстания. Мимо него пробежал человек с растрепанной шевелюрой, в руках дубинка, шлем и радиоприемник, снятые с убитого врага. Другой приходит, чтобы получить приказ атаковать стену, и терпеливо ждет, пока командир заметит его за кучкой офицеров, столпившихся вокруг на совещание. Джеймс подходит к нему. Изо рта у него пахнет лакрицей, глаза его — как бельма. Он несет отрезанную голову полицейского, она свисает у него с пояса — это трофей.

Армию объединяет ненависть к жандармам и благоговение перед Джеймсом, но его солдаты — сумасшедшие, лунатики с косами в руках. Джеймс стоит среди безмолвствующих офицеров и разглядывает поле боя. По темной площади скользят какие-то

тени, освещенные отсветами огня от горящей техники и трассирующими пулями. Виднеется пожарная колонка, напротив — высокий бастион входных ворот. Там копятся силы для очередной атаки.

В последний час перед полуночью толпы крестьян собирались вокруг соборов и рвали на себе волосы, боясь, что солнце утром не взойдет. Они бились головами о булыжники и стенали. Священники бросались в глубокие реки и тонули в них. Но перед тем как придет его миллениум, должна наступить еще одна стадия. И она наступила. Все жители города пребывали в ожидании, сливая свои мысли в едином порыве. До новой эры оставалось всего несколько минут, что она принесет? Эта ментальная энергия, разлитая по всему мегаполису, придавала ему необходимую силу. Миллионы его подданных думали одни и те же мысли, придавая им тем самым огромные силу и значение. Джеймс был способен взять в свои руки эту мощь, использовать ее в своих целях. Все сознания работали как единое целое. В полночь будет отпразднована первая годовщина его рождения, и начнется будущее.

Девушка протянула руку к его шее. Он не знал, что она рядом, и смутился. Она коснулась щепки.

— Дай вытащу.

Она увела его от офицеров. У ворот, через которые входили правительственные войска, виднелись огни и техника, скопление боевой мощи.

— У меня нет на это времени.

— Ты должен быть сильным. Позволь мне.

До полуночи считанные секунды. Она касается его шеи нежно и проникновенно, будто ласкает его душу. Он не понимает, кто она такая. Она опускается на траву, он садится рядом. Она начинает извлекать щепку из кровавой раны в шее. Джеймсу не больно. Его накрывает потоком ассоциаций, мыслей, прозрений, взаимосвязей. Девушка протягивает к нему руки и увлекает на траву.

— Побудь со мной.

И он задирает на ней юбку, проводит рукой по теплой коже ее бедра. Она целует его. Влюбленные посреди безумия на поле битвы, их горизонт ограничен черными силуэтами казенных панельных домов, их постель — грязная земля. А Джеймс внутри нее, внутри себя. Он испытывает восторг единения в первый раз за свою короткую жизнь. А высоко над сплетенными телами влюбленных — сестра брат, папа мама; над картинами ненависти и насилия, окружившими крошечное гнездышко блаженства — величественные небеса. Звезды начинают шипеть и таять, очень

медленно, одна за другой, гаснут они на ночном небе. Звезды начинают умирать.

Поппи З. Брайт
Нектар Души

Той зимой каналы полностью замерзли. В лед вмерзло всевозможное дерьмо — либо оно упало туда, когда вода еще имела консистенцию шоколадного пудинга, либо всплыло из глубины, вытесненное илистыми массами. Там можно было увидеть каркасы велосипедов, стулья с кожаными спинками, унитазы, даже человеческую ногу (хотя последнюю вскоре заприметили и извлекли).

Время было холодное, но мы были горячи, как всегда. И хотя в нас и не было южной крови, я думаю, мы вырабатывали энергии больше, чем сотня знойных полдней в Джорджии. Так что амстердамский декабрь был нам ни по чем.

Тревор и я, мы были вместе уже семь лет. Оставив Штаты, сбросив с хвоста секретные службы, мы провели восемь месяцев сибаритствуя на Ямайке, пока не поняли, что в большинстве своем ямайцы были отнюдь не столь терпимы к геям, как наши друзья-поставщики марихуаны, их соотечественники. И мы вынуждены были покинуть эти места не без некоторой спешки. Когда мы поднялись в воздух, покидая это место во второй раз, мы поняли, что он будет последним. В аэропорту Буэнос-Айреса мы зарегистрировали свои нелегальные американские паспорта на ближайший рейс настоящей авиакомпании, чтобы оказаться здесь, в стране субсидируемого искусства, легализованных наркотиков и неприличных заработков для тех, кто здорово разбирается в компьютерах, то есть для таких, как я.

Мне было легко наверстать упущенное за восемь месяцев, проведенных в Третьем Мире. Будь это сложней, я все равно был бы впереди всей этой деревенщины, потому что досконально, вдоль и поперек изучил американские системы. Самым тяжелым было изучение языка. Это заняло почти три недели. Мозги Тревора явно не были настроены на голландский язык, но со своим арийским окрасом, широкими плечами и слегка хипповатым стилем он мог сойти за местного, хотя единственным, что он мог сказать, оставалось «Sprecht U Engels?»

Мы никогда по-настоящему не «встречались», возможно, именно поэтому мы взяли за правило назначать друг другу свиданья. Тревор целый день дома, рисует, я на работе, укрощаю машины, а потом мы где-нибудь встречаемся. В последний день 1999 года мы забили стрелку в Хеви Син Кофи-Шопе в квартале красных фонарей, чтоб скорее накуриться травы и смотреть как

неистовствует толпа при смене века. По шаткой лесенке я спустился в нижний этаж, и там обнаружил настоящую Хеви Синтяжелое зрелище: горящие рождественные свечи, европейское MTV с выключенным звуком, лишь образы мерцали в облаках сладкого дыма, и кругом было полно народу.

Увидев друг друга, всегда испытываешь это волнение, как будто это настоящее свидание: два человека встречаются, пытаются оценить свои возможности, как будто нет семи лет общей истории, любви, раздражения, семи лет в одной ванной. Что бы там ни было, я бы не хотел менять эти семь лет. Но это предательское волнение всякий раз производило на меня эффект тайной ласки под столом.

Трев уже сидел за столиком, он успел взять эспрессо и косяк. Чашка была наполовину пуста, а косяк все еще лежал нетронутый. Его волосы были собраны в небрежный хвост, переносица запачкана карандашом. Целый день он провел за эскизами Goth Squad, комикса, который он делал чисто ради денег. В целом неплохая серия, но автором была тяжеловесная рок-дива из Миннеаполиса, которая продолжала оставлять Тревору беззубые заметки на полях с тех самых пор, как увидела его работу в «Комикс Джорнал». Мне это казалось ужасно смешным, но Тревор не усматривал здесь никакого юмора.

Его утомленно-выжидающая мина прояснилась, стоило мне появиться. «Привет», — сказали мы одновременно, я, усаживаясь, а он приподнимаясь, и мы обменялись легким поцелуем. Несколько туристов посмотрели на нас дикими глазами, но они знали, что находятся в Амстердаме, а значит, раскуривая свой дозволенный косяк, обязаны Проявлять Терпимость.

Я подошел к бару, с удовольствием ощущая взгляд Тревора у себя за спиной, и, обратившись к чернокожей барменше с синими волосами: «Een Heineken, stublieft», — заказал пиво.

— Nee bier, — ответила она немного раздраженно.

— Oh ja-ax, да извините.

Несколько лет назад вышел закон, запрещающий продажу марихуаны и алкоголя в одних и тех же заведениях, думаю, чтобы заставить беспредельщиков перемещаться из точки в точку. Туристы об этом правиле не знали, а иноземные курильщики просто забывали. Я взял стакан газированной минералки себе и еще кофе для Трева. Повернувшись, я увидел как высокий крашеный блондин в черной коже наклоняется к Треву и приветственно целует его в обе щеки.

— Франц Кафка, сукин сын, — сказал я, подходя к нему сзади.

Он обернулся ко мне, изобразив оскал, перед которым

спасовала бы и акула. Я и сам подался назад, чтобы избежать его лобзаний — не потому что он мне не нравился, а потому что у меня всякий раз в таких случаях возникало желание взять парня за задницу. Такие уж от него исходили флюиды.

— Я рашден убиивать и любиить, — заорал он, словно желая подтвердить мой тезис. Весь коффи-шоп обернулся, чтобы оценить автора этого заявления, но блестящие черный глаза Франца были устремлены на меня. «Уау, Цак, как приятно вас цвай видець сдесь, на працднике нового тысячелетия!»

— Уверен, что ты сможешь нам в этом помочь, Франц, и почему бы тебе не присесть?

— Я слишком возбужден, не могу садиться. Мне и стоя хорошо!

Вертясь и жестикулируя, он продирался сквозь толпу, болтая между делом, зажигая потухший треворов косяк, который, как оказалось, на половину состоял из не до конца раскрошенного черного гашиша. И он наполнил нас своими историями, рассказывая обо всем, что с ним случилось с тех пор, как он в последний раз был в городе.

Франц был признанным фэшн-дизайнером, и можно было ожидать, что за признанием придет известность: он и его гораздо более деловая сестра Виктория открыли линию женской одежды, ювелирных украшений и косметики, ставших во всем мире мощнейшими символами социального статуса. Но на Франца нельзя было рассчитывать ни в чем, кроме вдохновения. Он был способен исчезнуть из своей штаб-квартиры в миланском квартале Каффка, инкогнито, без какого либо сопровождения, прихватив лишь два десятка кредитных карт, чтобы всплыть несколькими днями или неделями позже где-нибудь, скажем, в Амстердаме в новогоднюю ночь 1999.

Он искал общества других дизайнеров, но не тех, что делали одежду, украшения или косметику. В массе своей, они казались ему скучнейшей публикой. Францу нравились химики.

Он любил разного рода ученых, поэтому он их коллекционировал. Он считал, что наш талант имеет электрическую природу, в то время как его и Тревора был подобен акварельному мазку на шелковом отрезе. Именно так он и выражался. Но больше всего ему нравились чердачные алхимики и подвальные кудесники, которые смешивают всякие эзотерические и нередко смертоносные ингредиенты, создавая не золото, а кайф. Франц коллекционировал драг-дизайнеров и, возможно, даже субсидировал, хотя он мне об этом никогда не говорил, а я не спрашивал. А еще я знал, что для этой ночи он припас что-то совершенно особенное.

Когда мы добивали хэш, я почувствовал, как у меня в кармане, у левого яйца, завибрировал пейджер. Я не хотел таскать с собой эту штуку, но я пришел прямо с работы, из Ноорда, и мне не хотелось тащиться домой на Регулирсрахт, чтобы бросить вещи.

Сообщение было от Пита из Системс Центрум Европа, компании, для которой я много работал фрилансером. Я хотел проигнорировать пейдж, но потом мне стало жалко парня. Он сейчас сидит там в силиконовой конторе, в самый канун нового Года, и бегает к телефону-автомату, только чтобы посмотреть, что интересного происходит вокруг.

Ничего интересного. Когда я вернулся к столу, Франц, иллюстрируя какое-то рассуждение, описывал руками огромные круги, выкрикивая: «Sunday, bloody sunday!» Я нырнул в кресло у него за спиной.

— В чем дело? — спросил Тревор.

— Так, тоска.

— Нет, ты рацкажи, — настаивал Франц, и было видно, что ему действительно интересно.

— Ну, понимаешь, некоторые люди убеждены, что все компьютерные сети выйдут из строя ровно в полночь. Понимаешь, машины не распознают изменение в датах, потому что летоисчисление в компьютере — бинарное. Так предполагают, что машины примут новый год за 1900, и сойдут с ума, каждая по-своему.

— Да, я слышал об этом, — Франц кусал губы. — Но я слышу об этом уже много лет.

— И они знали об этом уже много лет назад, но никто не знает, как с этим можно справиться. Пит с командой техников следит за их маленькой системой, и они хотят быть готовыми к… — я пожал плечами. — В любом случае, техники потратили последние пять лет на то, чтобы спрогнозировать, что именно должно случиться, сами о том не догадываясь.

— Но у тебя, как всегда, есть идея, — Франц направил на меня свой безупречно наманикюренный отполированный ноготь. — Так что же цлучица в полночь с компьютерами, Цак?

— Возможно, многие выйдут из строя, но я не думаю, что самолеты начнут сыпаться с неба, как предсказывают апологеты апокалипсиса, потому что люди могут это контролировать вручную. Но я уверен, что многие записи полетят к чертовой матери и надолго.

— Записи чего?

— Всего.

— И ты не хочешь помочь, — поинтересовался Франц, еле

сдерживая изумление. — Я думал…

— Выхода нет. Сначала я хочу увидеть, что произойдет, а потом думать, чем я могу помочь.

Лицо Франца изображало одобрение. Тревор только помотал головой и артикулировал нечто вроде «Экстрадиции», ничего подобного за последние семь лет я от него не слышал. Я был не достаточно зрелым для того, чтобы заниматься тем, самым худшим, что я делал на стороне. Как бы там ни было, Тревор знал, что ему меня не остановить. В ход вступало нечто настолько огромное, что я и сам был не в силах остановить.

— Ну так что, — спросил я Франка, — какая химия запланирована на сегодня?

Он нервно оглянулся по сторонам, хотя никто за соседними столиками не мог меня услышать сквозь звуковую стену последнего хита «Foo Fighters 10».

— Пойдем в мою комнату, я тебе покажу.

— Честное слово, и я тебе покажу.

— И я тебе то же самое покажу. Но сначала я покажу тебе новый наркотик.

«Комната» Франца была огромной роскошной квартирой с видом на самый оживленный кусок Oudezijds Voorburgwal, которую ему сдавал некий безымянный друг, решивший встретить миллениум в другом месте. Через огромное окно открывался вид на каменные арки в розовых отблесках неона, освещенные фонарями электрического красного цвета, на мерцающий черный канал и плавно движущиеся толпы — все это могло возникнуть или исчезнуть с глаз нажатием одной клавиши, превращавшей оконное стекло в зеркало. Мы встали к окну спиной.

Чтобы не терять время попусту, Франц извлек неизвестно откуда крошечный пластиковый пакетик и высыпал его содержимое на стеклянную поверхность журнального столика. Получилась дорожка белого порошка, которую он начал ласкать бритвенным лезвием. Тревор был явно заинтригован, я же проявлял сдержанность.

— Нет, ребята, вы только не думайте, что это какой-нибудь кокс или спид или там, экстази, никогда не знаешь, чем разбавлено это дерьмо. Вы же знаете меня и знаете стимуляторы.

Чтобы не сдуть порошок, Франц не поднимал глаз от своего лезвия и говорил, не разжимая губ, от чего его акцент становился еще отчетливей.

— Та, та, та, Цак. А я знаю тебя и стимуляторы. Никакого кофе, порошка или кока-колы. Это что-то безопасное, для таких напряженных ребят, как вы.

Я оставил реплику без комментариев, сам я вовсе не был напряжен, но о теле моем можно было сказать обратное.

— Так что именно…

— Франц прервал меня шуршаще-цокающей тирадой, что я и смысла разобрать не смог.

— Ну ка повтори.

— Цинтеттицецкая айяхуацка.

Тревор буквально взвился: «Так это ж было у Берроуза».

— Быть такого не может, в таком безупречном виде ее синтезировали только неделю назад.

— То была не «дизайнерская» версия, а натуральный продукт из тропических лесов. Он называл его «иейдж» (яге) и ездил за ним в Колумбию, о чем пишет в конце «Джанки».

— Ну и?

— Ну и, конечно, нашел. С тех пор он кое-что об этом писал. Странный галлюциноген, — нахмурился Тревор. — Разве от него не выворачивает наизнанку?

— К счастью, при синтезе этого удалось избежать.

Франц разделил порошок на три щедрые дороги. Я с первого взгляда заметил, что у него не было ни льдистого блеска кокаина, ни яичного героинового оттенка. Он излучал тонкое перламутровое сияние, возможно, мне это показалось, хотя не думаю.

— Джентльмены!

Клянусь Богом, Франц держал в руках позолоченную героиновую трубочку. Возможно, авторскую модель семидесятых годов. Я повернулся, выдохнул, зажал пальцем левую ноздрю, нагнулся над столиком и втянул в себя дорожку этой тропической пыли.

Я приготовился к боли. Сколько раз, вдохнув что-нибудь, я чувствовал, что мне пробили нос из огнемета. Но этот продукт прошел спокойно.

— Эвкалиптовые компоненты.

— Звучит здорово.

— Таа, наркоцики цебе полезны.

Я смотрел, как Тревор разбирается со своей дорогой, окунув в нее выбившиеся из хвоста имбирного цвета волосы. Он закинул голову, резко вдохнул и улыбнулся. Я потянулся и сжал его руку, пока Франц расправлялся со своей дозой. Его длинные перепачканные в карандаше пальцы ответили мне точно таким же пожатием. Что бы ни случилось, он был рядом. И я знал, что он думает то же самое.

— Самый первый эффект этого наркоцика — невыносимая похоть, — заявил Франц.

Я взглянул на Трева. Его глаза были открыты, но сужались. не хотел ли Франц подбить нас на menage a trois? Раньше он ничего подобного не предпринимал — и, видимо, совершенно сознательно. А потом, черт подери, он же был в Амстердаме, где можно было найти материал помоложе и побойчей, чем мы.

— Так что, — продолжил Франц с улыбкой, видимо поняв наши мысли, — я вас цвай оставлю здесь ненадолго. Может быть попозже приведу еще кого-нибудь. Мне будет гораздо приятнее ложиться в постель, согретую двумя красивыми мальчиками!

Для пущего эффекта он поднял воротник своей кожаной куртки, прошагал к двери и с приветственным жестом покинул квартиру, не дав нам и слова вымолвить.

— А-а, — проговорил я с трудом, и тут меня накрыла айяхуаска. Белая и сияющая, как тот порошок: накрыла стремительной теплой волной. Белая-пребелая, такая белая, возможно, с цветными отблесками там и сям, но не возможно разобрать, очень уж все было быстро, белым-бело, и ослепляло мозг. На своих губах я почувствовал что-то теплое и влажное, я понял, что это были губы Тревора, и еще я понял, что Франц был прав.

Мы не согрели для него постель, потому что до этого просто не дошло: мы трахались перед огромным окном с видом на дикое неоновое сияние. У себя во рту я ощущал каждую пору его члена: чувствовал пульсацию спермы на языке, извергающейся сладко-соленым потоком.

А потом Тревор трахал меня, он был внутри, наши глаза были плотно закрыты, и вдруг время стало обтекать нас, и мы оказались перед телевизором. Это была скругленная модель пятидесятых годов, Джетсон ТиВи, а на экране был Уильям Берроуз.

— Yage, — простонал он. — Айяхуаска. Блаженство. Нектар души. — Берроуз выглядел худее и печальнее, чем когда-либо при жизни. — Усиливает телепатическую активность. Колумбийский ученый синтезировал на основе иейджа вещество под названием «телепатин». Согласно легенде, Отец-солнце оплодотворил женщину, проникнув в нее через зрачок и зародыш превратился в иейдж, наркотическое растение, еще пребывая во чреве. Иейдж-бог семени, секса, остающийся при этом зародышем. Иейдж может быть последней дозой.

— Последняя строчка была из «Джанки», — сказал Тревор, после чего Билл испарился вместе с игрушечным телевизором, и мы очутились на мягком ковре перед окном, наши тела сплелись, синхронно пульсируя всеми нервами. Я обхватил его ягодицы и он еще глубже вошел в меня, мы кончили одновременно, и

почувствовали это, ощутив каждую йоту, каждую клетку протекающего между нами напряжения, и это было так мощно, что, я думаю, мы потеряли сознание.

Нас разбудили раскаты грома. Мы чувствовали, как они отдаются вибрацией в наших костях. Небо над публичными домами расцвело мириадами разноцветных огней. Фейерверк. Полночь.

Мы стянули покрывало с кровати и, закутавшись в него, устроились перед окном, чтобы наблюдать шоу. Огни фейерверка — пурпурные, зеленые, золотые, огни цвета масленицы, вызывали во мне тоску по дому. Тревор посмотрел на меня, точнее в меня, в своей обычной манере, только на этот раз в его взгляде присутствовало нечто большее. На мгновение я почувствовал, обрывки ауры, смыкающиеся вокруг нас, соединяющие нас, серо-голубые, пронизанные электричеством.

— Огни цвета Масленицы.

Я улыбнулся и теснее прижался к нему.

НЕ больше, чем через полчаса вернулся Франц, один, но в хорошем настроении. Он опять приветствовал нас своим «Я рожден убиваать и любиить», чтобы не дай бог не забыли, но мы чувствовали себя достаточно свободно, чтобы высвободить наши липкие тела из покрывала и начать одеваться прямо перед ним. Он оказался добрей, чем мы ожидали.

— Ну как, видел самолеты, падающие с небес?

— Нет, только кассира, он не смог мне выбить «Доктора Пеппера», потому что его аппарат вышел из строя.

Меня в этой фразе удивило только одно: «Франц, ты пьешь Доктор Пеппер»?

Он пожал плечами, но не злобно, а скорее, виновато. «Был у меня один приятель из Техаса. Все мои друзья уезжают, а мне остаются только дурные привычки».

Нас с Тревором пронзила острая грусть. Неужели Франц был одинок? Мы и подумать об этом не могли. Эта мысль нас серьезно расстраивала, — и мы, совершенно не преднамеренно, ответили ему хором словами песни Битлз, которая вот уже несколько часов крутилась у нас в голове: «Can't buy me looo-love, nonono, NO…»

— О, да, — отозвался Франц, — многие проститутки повесили на своих окнах таблички: «Только сегодня. Кредитные карты не принимаются».

— Я их не осуждаю, — ответил я.

Чарли Холл
Петля тысячелетия

Я вижу его, хотя глаз еще не уловил очертаний. Словно вспышка света, обжигающая сетчатку, его расплывчатый силуэт возникает в поле моего зрения, когда наш фургончик проносится мимо деревьев.

Это одинокие шотландские сосны, затерянные в пустыне Северной Австралии. Наверное, какой-то чудак-поселенец оставил их после себя, задыхаясь и хрипя, жадно глотая последние капли воздуха и бросая горсть несбывшейся надежды на красный песок — печальное напоминание об обещании, данном родным («Ну, если уж ты собрался навсегда покинуть Охтерардер, так возьми с собой хоть кусочек нашей славной Шотландии!») А может, перелетная птица обронила зернышки. Как-то они все же попали сюда, пустили корни и прижились. Знаю только, что вот они, здесь — наши единственные свидетели, нестареющие и загадочные. Таинственные деревья, роняющие на песок лоскуты черно-зеленых теней и внемлющие скрипу колеса времени.

Сам не знаю, почему меня вдруг охватывает волнение, когда из кроны выпархивает стая белых какаду. Что-то щемящее закрадывается в сердце, какая-то непонятная тоска, зов далекого голоса. Я перевожу взгляд на свои заскорузлые и грязные от долгого пути ноги, на педали и замечаю возле ручки акселератора выцветший голубой значок. Не читая, я знаю, что на нем написано «Добро пожаловать в двадцать первый век». Я снова смотрю на красную дорогу, я знаю — ты уже ждешь: сардоническая улыбка, поднятый большой палец, торчащий в раскаленном воздухе. Я чувствую, как меня охватывает дрожь, но ничто уже не в силах сбить нас с пути, который ведет прямо в лапы к тебе и твоей ухмылочке. Ты даже и не глядишь на дорогу, ты уставился прямо на расплавленное солнце, утоляя жажду безумным потоком его лучей. Я понимаю, что нельзя останавливаться, но все мы уже в западне. Я переглядываюсь с Тецом, внезапная струя воздуха с шипением врывается в приоткрытые окна и высвистывает не поддающееся расшифровке слово. Мы ерзаем на своих местах, Тец улыбается в лучах утреннего солнца, а я на какую-то долю секунды, на одно лишь неуловимое мгновение вижу перед собой замыкающийся круг петли.

В Непале я опять начал видеть пауков, в Пакистане купил

пистолет, а в Малайзии у меня кончились патроны. Все наши действия по пути сюда — это морок, череда недоразумений.

У нас с Тецуо был план — проехаться на фургончике от Лондона до Сторожевой горы в заливе Байрона, что является крайней точкой Восточной Австралии, и встретить там рассвет 2000 года. Мы должны были провести там дискотеку и решили проделать наш путь на машине. Мы связались с ребятами из самых крутых клубов Европы, Скандинавии, России, прибрежных курортных городков Юго-Восточной Азии и составили график наших выступлений по всему маршруту. Дорога наша петляла и извивалась по континентам из конца в конец, но мы дали слово охватить всю землю, заткнуть за пояс все эти клубы и дискотеки и завершить наш последний тур большой рэйв-тусовкой на Сторожевой горе на рассвете 2000 года. План завершался небольшой остановкой в дождевых лесах залива Байрона, где мы собирались слегка расслабиться и поторчать.

Тец подумывал вернуться к себе в Японию, где мы с ним и познакомились, назад к своим друзьям и родным. А я был готов начать новую жизнь. Никаких дел в Англии у меня не оставалось, можно было начинать все сначала, и новое тысячелетие, мысль о котором лихорадила все человечество, подходило для этого как нельзя лучше. Отличный момент, чтобы красиво и бесповоротно уйти, так чтобы это не расценивалось, как бегство. К тому же, это было вполне в духе ветреной, беспорядочной, бродячей жизни ди-джея.

Как я уже говорил, с Тецуо мы познакомились на турне в Японии. Во время шоу в «Ликвид Румз» полетели кондиционеры. Тысяча помешанных на техно японских тинейджеров разделись до нижнего белья, как на их месте поступили бы и английские рейверы. Изможденные танцами, они засыпали прямо на мусорных бачках, в то время как другие еще продолжали дергаться и извиваться в такт музыке, а в кондиционерах скрипел и трещал сухой воздух. В этом-то кошмарном чаду ночного клуба на седьмом этаже в диско-квартале в Токио мы и столкнулись лбами в прямом смысле слова, когда одновременно склонились над коробкой с дисками. Тецуо был в тот вечер в одной программе со мной, он неплохо говорил по-английски, и вскоре мы подружились. Пару месяцев спустя он позвонил мне из Хитроу и появился у меня со своими дисками и студийным оборудованием, да так и остался. Мысль о путешествии пришла мне в голову, когда я однажды возвращался из Мельбурна, еще не излечившись от страха перед цунами, отчаявшись порвать с неумолимой круговертью аэропортов и курсов валют, как старый ковбой, который не в силах отказаться от своих шестизарядных

культов, который, безнадежно отстав от жизни, отчаянно держится за свое.

Мы проехали всю Европу, фургончик мчал как новый. Мы устраивали дискотеки, купались в дружеских объятиях и принимали их за чистую монету, вглядывались в лица, пожимали руки, соприкасались с телами, а потом исчезали, оставляя за собой лишь отголосок своей славы. Не раз мы подумывали остаться, взвешивая все за и против наших пристрастий (и любви своих неверных поклонников), словно горсть обкатанных камешков на морском берегу перед тем, как выбросить их в море. В горле стоял ком, образы наши таяли и исчезали. А наши поклонники толпились на берегу, глядя на нас, улыбаясь и махая руками. Постепенно они скрывались из виду, а мы продолжали тихо скользить по темной холодной поверхности воды, вновь и вновь пытаясь добраться до самой сути.

Основные трассы континентов везде были загружены, порой нас охватывала настоящая паника, чувство это всплывало откуда-то из самых глубин, как шероховатая спина древнего кита. Машины и автобусы стали наполняться беженцами, после того, как солидные цивилизации и культуры поддались охмуряющему шепоту мистиков, претендующих на пророчества — тех, кого сначала не воспринимали всерьез, считая чудаками с навязчивыми идеями, маньяками, одержимыми тайнами старинных рукописей и толкованием древних святых манускриптов. Слухи и всякие пророчества разрастались до размеров эпидемий. Яркие огни в небе, мистические предзнаменования и знаки, случайное слово, слетевшее с губ за стойкой бара — все это могло появиться на следующий день на первых полосах газет. Правительства и когда-то всемогущие СМИ оказались слишком нерасторопными и закостенелыми, чтобы сдерживать распространение этих бессмысленных и абсолютно алогичных идейных вирусов. Возникали новые субкультуры, наставляющие и направляющие своих приверженцев. Они не шли ни на какие компромиссы и тупо гнули свою линию. Страны погружались в состояние летаргической анархии, а люди сами решали за себя, куда им идти и постепенно разбивались на тысячи отдельных мини-государств. Не то, чтобы это выглядело так радикально, никто, конечно, не размахивал флагом на улицах и не городил баррикад. Просто после работы каждый садился перед своим компьютером, чтобы проверить последние сообщения электронной почты, закрываясь, словно в чулане, в своих ограниченных, запуганных и косных мирах. Всюду были недомолвки, шепотки, тайные послания и знаки, которые отделяли одних людей от других. Не было уже никакой общей

цели, никаких причин повиноваться, бояться, к чему-либо стремиться. Общество стало загнивать.

Лучше уж тогда выйти на дорогу, стать странником среди других таких же странников. Лучше иметь хоть какую-то цель среди бесцельных существ, населяющих этот мир. Лучше быть ножом, чем куском масла.

Первые наши выступления прошли нормально, как и всегда. Но мы хотели передать холодок того самого вируса и напомнить людям о грядущем, о том, что несется на нас из космоса, неумолимо, как само земное притяжение, и по мере нашего продвижения на восток энергия наша подхватывалась другими.

Среди шумной суеты Неаполя, этого заляпанного божницами города, Дева Мария вознесла свой перст и опустила глаза долу, но никто не мог понять смысл ее пророчеств, когда она предупреждала о том, что может произойти. И Неаполь пал на колени, и взмолился, и обратился назад в прошлое, в те волшебные времена, когда боги прогуливались по оливковым рощам, и храмы возводились вокруг выбеленных костей, инкрустированных золотом. Мы сидели за простыми деревянными столами, за которыми лилось лучшее вино. Здесь подавался пармезан целыми головками и свежайшая моццарелла. У нас были свои тайные вечери, мы простирали друг другу объятия и купались в гудящей гиперэнергии клубов. А потом мы опять уезжали ото всех — от юных гангстеров, облаченных в кожаные куртки от дорогих кутюрье, утяжеленные металлической амуницией, и от наркоманов с прыщавыми детскими лицами, сияющими наивными улыбками. И мы снова спешили вперед, скользя по волнам, рассекая холодные воды.

Мы играли под полночным солнцем у разрушенного дворца на берегу Балтийского моря под Санкт-Петербургом и потом услышали какие-то крики. Это была группа стариков, приплясывавших вокруг костра. Они бросали свои пожитки в скалящуюся пасть огня и при этом повизгивали и что-то выкрикивали, как заклинание. Они словно пели песнь освобождения. Многие из них пережили Вторую Мировую, по их жизням прошлись танками и Гитлер, и Сталин, и тогда они затворили свои сердца в ожидании дня, когда они смогут освободиться от этой памяти, от ответственности за свои воспоминания и перестанут вскармливать ими прошлое, которое беспощадно преследует их, как голодный ребенок, впивающийся в грудь до тех пор, пока не придет время оставить ее, и он сам не оттолкнет ее от себя. И вот, нехитрый скарб их горел в огне, а с губ их слетали какие-то крики, и крики те, как живые, перебегали с одних дрожащих губ на другие, и порхали над костром, словно

диснеевские синие птицы, а потом, подпалив себе крылышки, уносились вместе с дымом вверх в розоватое небо белой ночи навстречу свободе и невесомости.

Мы играли в невыносимой духоте в клубе, который располагался в подвале под одним из московских банков, где «интеллектуальная тусовка» демонстрировала чудеса слэм-дэнса под музыку Джеффа Миллза, а те бандиты, что нас нанимали, заходились от смеха, передавая по кругу водку и кокаин. Но в их смехе звучала тоска, ибо они знали, что самые жаркие денечки миновали, так и не успев наступить. Оказавшись на грязной от снега улице, холодея от пота, мы ощутили их горячее и зловонное дыхание. Мы стояли и пожимали этим людям руки, а в глазах у нас сквозило все то же непреходящее напряжение. Когда же все закончилось, то и мы, и они с легкостью разошлись, чтобы уже никогда больше не встречаться.

В Ташкенте мы играли в старом здании аэропорта, где я однажды три дня с рюкзаком за плечами дожидался своего рейса в Бангкок. Музыка наша была для них и чужой, и знакомой одновременно, она была зовом. Здесь царили беспокойство и тревога, словно какая-то ядовитая вонь поднималась из фабричных труб, и ветер сносил ее на город, и мне показалось, что я опять увидел паука, но то была высохшая искалеченная рука неизвестного бедолаги, притулившегося у бензоколонки.

В Непале наш фургончик впервые серьезно сломался и заглох. Мы не на шутку перепугались. Становилось холодно, с гор спускалась темнота, и на какое-то мгновение мы осознали всю безрассудность нашего отчаянного предприятия. Первая же трудность показалась нам катастрофой. Тецуо забрался под машину и принялся там что-то тянуть и толкать. Я расхаживал взад-вперед и наблюдал, как закат окрашивает лиловым и оранжевым снежные вершины гор. Это не помогло, я почувствовал лишь знакомую тоску одиночества, страха и заброшенности.

Но вот костлявое тело Теца выползло из-под машины, и он запустил масляные пальцы в свои нелепые синие космы. В другой руке у него было что-то вроде дохлой змеи, и он сказал, что, похоже, знает, в чем дело. Но тут уже темнота совсем сгустилась над нами, и мы почувствовали себя маленькими детьми. Отчаяние было совсем близко, как вдруг я наткнулся у себя в кармане на светло-голубой поношенный значок. На обратной стороне моей рукой был записан какой-то номер, все еще различимый.

Тецуо сказал, что это чей-то электронный адрес, вот только он не знает, чей.

— Это где-то в Австралии. Смотри. Может, позвонить? Может, у них здесь друзья?

Я откинул крышку и включил модем. В этой громаде холодных синих гор, похоже, терялись все сигналы, но вот, подзарядившись от аккумуляторов нашего фургончика, лучик, наконец, вышел на остатки станции «Мир», оттолкнулся от них и поймал спутник. Когда он вернулся на землю, на экране медленно стали возникать какие-то неясные очертания, холодные и туманные и, наконец, окно связи засветилось.

— Ага, вроде, соединяет, отлично! — Тецуо улыбнулся, и на лице его засияла надежда.

Номер высветился, соединился, и на экране стало постепенно проявляться прилетевшее из космоса изображение.

Должен признаться, я всегда боялся пауков. Связанные с ними понятия темноты, грязи, злой случайности произвели на меня неизгладимое впечатление в возрасте одиннадцати лет. Я не отказываюсь от ответственности ни за Тецуо, ни за то, что случилось позже, но я отчетливо помню то утраченное состояние счастливого неведения, те последние драгоценные секунды, пока цифровой сигнал преодолевал пространство, чтобы облечься в звук и форму и предстать пред нами в этом космическом надгробии, этом памятнике идиотизма, этой современной Вавилонской башне. Секунды капали одна за другой, словно срываясь с края переполненного кувшина времени. Весь мир раскинулся перед нами, а сами мы уносились в вечность заодно со всем творением, являя собой часть всего живого в царстве космической пыли. Уже тогда я понимал, что происходит нечто важное, но счел это лишь за чудо техники и самой природы, хотя сейчас я вспоминаю те мгновения, как самые сладостные и в то же время самые печальные за всю мою долгую жизнь. Мы с Тецом ухмыльнулись и не знали, что тем временем святая простота нашей безрассудной жизни по каплям вытекала из переполненного сосуда.

Экран дергался, человек на экране расплывался, искажался, но был вполне узнаваем.

Вот, наконец, высветилась вся фигура, уставившись слепыми глазами в направлении камеры и микрофона и размахивая руками наподобие птицы.

Человек растворялся и подпрыгивал на экране, с трудом справляясь с космической пылью и статическим электричеством. Наконец, через помехи прорвался и голос — хрипящий, кашляющий и сдавленный.

— М-м-м. Кхе-кхе. В-в-вот она! Петля! — скрипел экран. — Петля! Н-не вешай трубку, слушай, смотри. Попробуй, затормози

ее, она приближается, попробуй обойти ее… он смотрит на солнце… деревья. Если можешь, останови ее!

После этого голос исчез, а с ним и изображение.

Я начал судорожно нажимать на кнопку «Отправить сообщение» и кричать:

— Эй! Эй! Нам нужна помощь, мы застряли! Хорош чушь пороть, заткнись, нам нужна помощь, слышишь ты? Мы… Я…

— По-моему, это просто запись, и никого там нет. Просто запись…

Тец оттягивает меня от компьютера, трогательно и неуклюже обхватывает за плечи, пытаясь на западный манер успокоить меня.

— Да, Тец. Но ты видел?

— Знаешь, мне показалось, что это был твой голос и твое лицо… может, это был ты?

Мы переглянулись. Я почувствовал какой-то холодок в животе. Секунды превратились в часы, а голоса наши примерзли к гортани. При свете луны горы кренились и грозили обвалом; театральным занавесом мелькнула узкая полоска неба.

Тец нервно покачивал головой, стараясь не встречаться со мной взглядом, но, в то же время, понимая, что должен меня как-то поддержать. Он чувствовал, как во мне закипает гнев и необъяснимый страх; во мне словно сидела Годзилла, бесчинствуя, изрыгая огонь и сокрушая целые районы. Мы оба внезапно почувствовали, как растянулось и разорвалось время, и в лиловом свете луны я увидел, что деревья украшены гирляндами шевелящихся пауков.

Как это я умудрился отправить сообщение по австралийской электронной почте? Как ко мне вообще попал этот номер? Это какое-то дикое совпадение, какая-то ошибка. Нас разыграли.

«Это что же, я отправил сообщение… и сам не помню. Может, у меня появился двойник… ха-ха… Я…» Меня прошиб пот, я похолодел. Потребовалось усилие, чтобы привести дыхание в норму и побороть панику. Просто странное совпадение. Я не отправлял никаких сообщений, да и в Австралии мы еще не были.

Прошло несколько часов, мы лежали и слушали завывания ветра в ущелье. Фургончик наш качало, как лодку на волнах. Шок от полученного электронного сообщения постепенно проходил, и мы уже начали пошучивать по этому поводу. Но какая-то тень первобытного страха все еще не сходила с лица Тецуо, поэтому я был рад темноте, из которой доносилось прерывистое дыхание моего друга.

— На-ка, — он протянул мне пакетик с травой, и я отсыпал. — Когда проснемся, заведемся. А сейчас отдыхаем и

шабим, ух, ганджа, бхаджи!

— А если не заведемся, что тогда? Может, мы вообще отсюда не выберемся?

Я почувствовал, что я опять паникую.

— Не самый плохой вариант. Может, станем монахами.

Тецуо засмеялся, и пятно из желтых перьев вспыхнуло у меня перед глазами.

— Ну уж нет, у нас другая задача, приятель. Нам надо добраться до Сторожевой горы. Мне надоели эти бесконечные начинания, которые ничем не кончаются, я не хочу остаться на обочине. Я хочу скорректировать эту реальность, сделать что-нибудь правильное и увидеть, что из этого получиться.

— Тебе жить. Кстати, ты никогда не пытался относиться к жизни с точки зрения Дао? Может быть, ты прав, а все остальные так же правы, как и не правы. У нас есть одна поговорка: «Тростник, который гнется на ветру, сильнее ветра и сильнее самого крепкого дуба, который может свалиться от ветра». Если ты следуешь своей жизни, ты живешь правильно, а если ты принуждаешь себя к чему-то, ты становишься неестественным. А может, нам стоит отпраздновать приход нового тысячелетия здесь? Давай освятим это место сами вместо того, чтобы вечно гоняться за светом…

Но это странное сообщение… Душу мою обуревали предчувствия, мне стало не по себе. Я взял значок и стал бесцельно вертеть его в руках, покалывая булавкой большой палец. Я чувствовал, что за этим голосом что-то таится…

«Все эти календари, да и вообще время — все это фигня, сплошные условности, ничего больше. Слушай, может, мы должны были оказаться как раз в этой точке, может, здесь все и происходит, и это сообщение…»

На самом деле, мне не хотелось об этом думать. Все это ерунда, условности общепринятого Гринвичского времени, у нас здесь 9:15 вечера, а в первом часовом поясе уже рассвет. Все это изобретения человечества, и наше западноевропейское представление о времени и календарях — это лишь один уровень.

— Но у нас должно быть какое-то общее понятие о фундаментальных вещах. Это цивилизация. Вспомни, ведь как раз условностям мы обязаны двойной зарплатой под Новый Год и тому, что этот день вообще существует, — посмеивался Тец в темноте. — Конечно, это ерунда. Но мы стараемся оборачивать эту ерунду себе на пользу.

— Ладно, ладно, — усмехнулся и я. — Но если завтра мы так и не заведем чертов фургончик, то лучше нам совсем отказаться от всех этих общих представлений и основать свою собственную

цивилизацию. Быстренько организуем, чтобы рассвет нового тысячелетия наступил прямо завтра и вон оттуда, — я махнул куда-то на восток в сторону гор.

— Ты знаешь, по-моему, мы починимся. При дневном свете я разберусь. Наверное, придется сделать новый бензопровод. Все будет нормально.

И мы заснули.

Я проснулся от того, что захотел пи-пи. Было темно, стояла абсолютная тишина, ветер стих. Я выбрался из фургончика и принялся орошать какой-то камень. Я круто тащился. С закрытыми глазами я стоял, и что-то все время вспыхивало у меня в мозгу. Я видел деревья на красном песке, экран компьютера и напряженное лицо человека, словно вышедшего из каменного века и впервые во все глаза таращившегося на машины. Экран мигал и дергался с каждой вспышкой света, проносившейся у меня в голове, и я снова слышал слова: «… Петля… он смотрит на солнце… попробуй остановить… Я…» Новая вспышка… перед глазами опять возникло это лицо: «… если ты не выберешься из петли, то навсегда останешься в ней. Оставайся на месте! Рассвет сам придет к тебе, не гоняйся за ним! Если ты и дальше будешь грезить наяву, сны опутают тебя своей пеленой. Послушай лучше, что говорит твой друг! Он знает, сам не ведая, что говорит… Как мне объяснить тебе это, как заставить тебя проснуться?..»

Паника распахнула мне свои страстные объятия, и я поспешил скорее закончить то, ради чего встал. Повернувшись к фургончику, я заметил, что камень, на который я облегчился, представлял собой шевелящуюся массу дрожащих коричневых пауков. Если бы у меня был пистолет, я бы, не задумываясь, разрядил его прямо на месте.

Утром Тецуо, как обещал, сварганил новый бензопровод из им же благоразумно припасенных трубок. Фургончик завелся, и мы отправились в направлении восходящего солнца. Но все-таки что-то изменилось, это таинственное сообщение по-прежнему действовало нам на нервы. Мы ехали осторожно, томимые новым предчувствием. Эта тень, которую мы оба тогда сначала приняли за похмельные глюки, по мере нашего приближения к цели становилась все отчетливее.

Да, после этого я купил себе пистолет и стал по ночам расстреливать пауков.

Азия оказалась сплошным разочарованием, и мы упорно двигались вперед, отягощенные чувством чего-то недосказанного. Все эти вертлявые кретины, дергающиеся в такт музыке на освещенном луною песке, вызывали в нас изматывающее душу чувство безнадежности. Мы делали нашу музыку, забирали наши

денежки и уезжали, дискотеки терялись в туманной мгле. Мы отмеряли расстояния по пучине вод, а наше будущее неумолимо рвалось нам навстречу сквозь пучину времени.

Я не знаю, почему стая белых какаду, выпархивающих из кроны деревьев, вдруг вызывает такую щемящую тоску в моем сердце, и этот безответный зов далекого голоса: «Деревья! Обернись!»

Темные деревья, вспышка перьев, я смотрю на свои ноги, этот значок…

— Черт, смотри! Черт! Смотри на этого старикашку! — кричит Тецуо.

Он указывает на серое пятно у дороги.

— Он выжжет себе глаза! Смотри, как он уставился прямо на солнце!

(Именно — на солнце!).

— Может, нам остановиться? Или нет, давай лучше поедем дальше, он какой-то опасный. Может, он ёбнутый?

Но я уже успел притормозить.

Мы были всего в одном дне пути от Байрона и хотели попасть туда во что бы то ни стало, так что все эти страхи и смутные предчувствия пора было похерить. Может, это просто «лихорадка белой полосы» или отходняк от той дикой ночи в Гималаях. Мы так и не прояснили толком этот момент. Мы оставили его там, где он был, как раненого солдата, — лежать на поле боя среди скопища восьминогих пауков — толстых, мясистых, шевелящихся черных тварей. Не было удобного случая, чтобы обсудить степень реальности этого странного сообщения из другого мира, и пока я пытался истребить моих собственных пауков при помощи самодельных патронов, Тец упорно старался вернуть меня к реальности и отвлечь от этих свистящих кусков металла.

Старикашка отворил дверцу фургончика и проскользнул на место рядом с Тецом. Он осматривался вокруг, словно чего-то искал, и когда я завел двигатель, нагнулся вниз. Он поднял голубой значок и помахал им перед моим лицом, словно в ожидании ответа.

— Кхе? Кхе?

— Куда тебе, старина? — спросил я, делая вид, что я не понимаю, что он имеет в виду.

Он был какой-то сдвинутый, причем его сдвиг имел опасное отношение ко мне. В любом случае, я не собирался подписываться на его игру. Но он явно обладал какой-то властью надо мной, еще немного, и он положит меня на обе лопатки…

Он самодовольно и глупо улыбнулся. Улыбнулся!

— А вам куда? Вот и мне туда же.

— Мы — на край света, — выпалил Тецуо. — Мы собираемся встретить тысячелетие на… А! ну, да — на Сторожевой горе. До двадцать первого века всего один день!

— Если, конечно, пользоваться современным календарем и часами, — заметил я, пытаясь оставить последнее слово за собой, и тут же понял, что это прозвучало чересчур экзальтированно и по-детски.

Старикашка все смотрел на значок. Он повертел его в руках и глубоко вздохнул.

— А зачем вам этот край света? — спросил он Тецуо. — Разве тебе, дружок, никто не говорил, что земля круглая и вращается?

— У нас шоу, посвященное встрече 2000 года, — ответил Тецуо совершенно всерьез, он никогда не понимал ни сарказма, ни намеков. Он продолжал вещать и не мог остановиться; видать, сказывалось переутомление от нашего полугодового путешествия, которое теперь, вроде, подходило к концу.

— Место, куда мы направляемся, — интригующе продолжал он, — это и есть край света, самая крайняя точка земли, на которой мы встретим рассвет двадцать первого века, понятно?

Он повернулся ко мне. Я сидел, как отмороженный, у меня в мозгу словно протянулись высоковольтные провода, по которым будущее с гулом врывалось в мою голову.

— Мы едем в этом фургончике от самой Англии. Первый раз я живу в Фольксвагене. Надо сказать, впечатляюще.

Он похлопал по приборной доске и улыбнулся.

— А ты, старина, чего — солнечные ванны здесь принимаешь? Сам откуда будешь? Тут и жилья-то нет, как ты здесь оказался? Тебя что, ссадили за то, что слишком много болтал? — спросил я.

— Так много вопросов назадавал и все не в кассу. Почему бы просто не посмотреть на солнце, не впустить его свет в себя?

Глаза, да и вообще лицо его выдавали наличие здравого ума, но вот слова не лезли ни в какие ворота. Из-за него мне стало как-то не по себе, захотелось вышвырнуть его из машины. Но разве можно отказать нищему, который явился к вам на порог? Ладно, пусть едет. Чисто внешне он вроде не представлял собой никакой опасности, и я просто не мог бросить его посреди пустыни только из-за того, что мне стало как-то не по себе. Так он к нам и прицепился и ехал всю дорогу.

Мы ехали тихо, памятуя о непальских неприятностях и смутно чувствуя, что вирус страха ползает где-то рядом. Дорога превратилась в две глубокие колеи, которым, казалось, не было конца.

— Можно? — он держал в руке значок.

— Что? Тебе это надо? А, да, конечно, я даже не знаю, как он здесь оказался, наверное, когда кого-то подвозили.

— Давай меняться, — сказал он и отколол значок со своей шляпы. — Видишь, новенький. А твой уже поношенный.

И он прицепил значок к моей рубашке, нависнув всем телом над Тецуо, которому пришлось сморщиться от его резкого запашка.

— Смотри, мы уже в двадцать первом веке! — засмеялся Тец, прочитав на значке надпись «Добро пожаловать в двадцать первый век».

Старикашка метнул взгляд на Тецуо, но увидел на его лице лишь детскую радость и удивление.

— Ох уж это время! — произнес Тец.

Он уставился прямо перед собой на красную дорогу и замолк, а мы со стариком ждали продолжения.

— Разве оно течет по прямой?

Старик бросил еще один оставшийся без внимания взгляд на загадочное лицо моего друга.

— Возьмем хотя бы эту дорогу. Мы можем с уверенностью сказать, что она прямая и что идет по прямой до самого Байрона. По карте видно. Но на ней есть и изгибы, и уклоны, и она отнюдь не идеально прямая. А если она не прямая, то какая? Подходит ли здесь термин «не прямая»? Может, моему языку и подходит, а вашему, может, и нет. Для понятия «прямой» существует всего одно слово, а для понятия «не прямой» — много разных. Те люди, которые развивали ваш язык, одновременно с ним развивали понятия времени и пространства.

Тецуо был не способен иронизировать, и мы со стариком уставились на него, открыв рты.

— В том-то и дело, — сказал я. — Время существует, и нам надо подобрать для него лишь одно определение, которое и будет нашим. Но лично меня оно не удовлетворяет. Время существует без всяких определений, день наступает и в пустыне, даже если некому это подтвердить.

— Да, но существует лишь одно настоящее время. Мы все это знаем наверняка. Мы только верим, что есть прошлое, потому что мы должны чтить своих предков, и надеемся, что наступит будущее. Но знаем мы при этом только настоящее, доказать мы можем лишь то, что чувствуем, видим, обоняем, осязаем или слышим. Мы не можем знать наверняка, что время идет обычным чередом.

— «Реальность субъективна», — процитировал я саркастически. — «Она является тем, чем мы ее себе представляем». Согласны?

Мне хотелось чего-то большего, меня достали все эти кибер-хиппи, онанисты и циничные нигилисты, которых мы встречали на своем пути. Все они мямлили одни и те же мантры и были заняты плетением паутины своей собственной реальности, пытаясь найти оправдание своей лени, отсутствию всякой цели и зацикленности на всей этой попсовой ерунде. Надо сделать усилие, чтобы найти себе какую-то цель, смысл жизни, а не просто проводить время, заполняя промежуток между рождением и смертью, хотя инерция порой кажется непреодолимой. Люди продолжают искать, и в этом и состоит сама жизнь — из дурацких вопросов, на которые нет ответа.

Мы продолжали свой путь. Пустыня стала постепенно уступать место кустарникам, показались деревья, фермы и голубая полоска леса вдали. Жара спадала, но солнце все еще слепило глаза, и мне захотелось сбежать куда-нибудь от нашего нового пассажира. Тецуо взял руль, и я завалился назад, притворяясь, что сплю, а сам разглядывал щетинистую и морщинистую шею нашего старикашки, пока меня не сморило.

Проснулся я, словно новорожденный младенец, который внезапно оказался в этом неуютном мире. Я ничего не видел, глаза застила белая пелена и боль. Лицо мое горело, истекало потом, а, может, и слезами. Ко мне вернулись мои видения, и я закричал: «Солнце… если можешь, останови!»

Первое время я был словно слепой. Все эти deja vu опять пришли мне на память — этот значок, это таинственное сообщение. Все случилось еще до того, как случилось. Петля была как-то связана со мной. А то как я мог помнить о событиях, которые еще не произошли?

Я почувствовал на себе чьи-то руки, они надавили на меня, и я опять упал на сиденье. Машина затряслась, когда Тец затормозил. Я барахтался на заднем сидении, и тут опять услышал знакомые голоса.

— Спокойно! Это я, Тецуо. Ты заснул с открытыми глазами, и сгорел на солнце. Извини, старик, я этого не видел, следил за дорогой. Все будет нормально, мы почти на месте. Успокойся, все будет окей.

Я почувствовал присутствие старика, он пересел ко мне на заднее сиденье. Его противный запах расползался по салону, как стая мерзких пауков. Я почувствовал себя в западне. Я опять увидел пауков, когда его торопливые влажные руки прошлись по моему лицу.

— Ты видишь! Видишь! Ты можешь, да?

В его голосе звучала почти что мольба, никакой угрозы, но я задыхался от его близости. Он хотел, чтобы я с ним согласился.

— Ммм, ннн, дддданнн. Я вижу.

Что-то мешало мне говорить, прилипало к зубам и душило. Видения продолжали ослеплять мой мозг. Я видел океан и крошечную зеленую точку изначального света. Крик радости перешел в вопль и замер. Тысячи, миллионы белых и желтых птиц носились в воздухе, как вороны, металлическая стена ледяной громадой вырастала из воды. Меня уносило в прошлое.

— Ты видел! Ты впустил в себя свет! Теперь ты знаешь, но на этот раз слишком поздно.

Я почувствовал, что он склонился надо мной, и слова его втекали мне прямо в уши.

— Попробуй, рискни!

Он вынул мой компьютер из футляра, и я услышал, как какая-то аппаратура падает и бьется. Он немного повозился, и я услышал, как он набирает номер. Соединилось мгновенно. Я увидел тысячи напряженных в ожидании лиц, обращенных в сторону восходящего солнца, пурпурная пыль новой зари и полночное солнце захлестнули нас своей петлей, и вздох превратился в крик радости, потом все завертелось и мы оказались вовлеченными в круговерть планет.

Компьютер подавал сигнал, и рука моя протянулась к микрофону. «Оставьте сообщение! Говорите в микрофон!» Я едва различал голос, петля описывала круг вокруг нас.

Я склонился над микрофоном. Голова кружилась, меня сковал страх. Я не знал, сон это или явь. Времени на размышления у меня не было, мозг пульсировал и не мог справиться с чудовищностью сделанного открытия. Я по-прежнему ощущал на себе руки старика. Я задыхался и сопел. Я не поспевал за событиями.

«Петля… не вешай трубку… Слушай, ты все видел. Она приближается, попробуй обойти ее!» Мне требовалось усилие, чтобы продолжать думать о том, что происходит в недрах этого раздолбанного фургона. Я вспомнил, что Тецуо говорил о даосизме, и тут же вспомнил и другое: «Слушай, что говорит твой друг. Он знает, сам не ведая, что говорит». Я осознал всю тщетность своих усилий, петля захлестнула меня. «Как мне объяснить тебе это, как заставить тебя проснуться?» Тут силы совсем покинули меня.

Тец вытащил меня из пропитанного потом салона наружу. Вокруг был прохладный вечерний воздух. Видения опять впивались в меня маленькими стрелами движений и цвета. Он сунул мне в дрожащую руку бутылку с водой, и я сделал глоток.

Теперь я все понял. Солнце пробивалось через люк в крыше нашего фургона и поджаривало меня на медленном огне в

течение более трех часов. Теперь мы слегка охладились и сделали попытку трезво оценить всю бредовость происходящего. И тут старикашка сказал нам au revoir до завтра.

— Нам никогда не увидеть рассвет двадцать первого века. Все эти значки — чепуха. Когда наступит полночь, перед нами встанет барьер времени, и нас отбросит назад, к сегодняшнему утру. Время — это слишком конкретная материя, и через нее невозможно пробиться в двадцать первый век, что-то непременно встанет на пути, и никто не сможет вспомнить, что же это было. Мы все в петле, она нас захлестнула. Выхода нет, единственное, что можно сделать — это попытаться начать вспоминать. Вы, двое, каждый день несетесь по этой дороге. Я каждый день стою и жду. Шоу происходит каждую ночь и будет происходить, как если бы ничего не случилось или, наоборот, уже случилось раньше или случится снова, — оно никогда не кончается. Встретимся возле сосен, — и он растворился в наступающей темноте.

Я взглянул на небо. Великолепный закат раскрашивал небо широкими мазками, розовым и желтым, пурпурным и огненно красным. Отличный финал для жизни, которая заканчивается в вечности. Бессмысленный сюжет, бесконечно повторяющийся, словно заело пластинку, и мы вновь и вновь заново проживаем эти моменты. В который раз мы уже проживаем этот последний день? Целый год или несколько дней? Может быть, тысячу лет? А что касается прошлого, то может, вся наша история — лишь эта последняя колея, приукрашенная лживыми воспоминаниями? Может, наша глупость есть всего лишь бросок в будущее, которое никогда не наступит; мы не обращаем внимания на подсказки и намеки, потому что не в состоянии принять правду и совладать с ней. Откуда и для чего мы приходим в этот мир, и так ли жизнь бессмысленны и пуста, как любят повторять все эти хиппи и бездельники? Может, нам лучше побороть свое сознание и просто не замечать петли, или же смириться и не пытаться с ней бороться? Солнце садится. Мы с Тецуо одни. Перед нами раздвоенная вершина Сторожевой горы, слабые вспышки света, как молнии, пробегают по темному лицу. Рэйверы и зеваки со всего мира собрались в пивных палатках и на чайных коврах, в небе сияет полумесяц, все готово для встречи рассвета, который никогда не наступит, чтобы окончательно доказать человечеству его глупость и гордыню. Впереди у нас светло-серый металлический занавес, который мы привыкли называть небом. Мы забираемся в фургончик, и Тец заводит мотор. Может, нам удастся провести эту петлю. Может, ее и нет вовсе, может, ничего и не случится. Тец потирает свою щеку.

Память моя вполне прояснилась. Все эти мороки и deja vu

позади, теперь мы знаем наверняка, что мы в петле. Я пишу телефонный номер на обратной стороне значка, и Тец притормаживает, чтобы я смог прикрепить его на дорожный знак. Какой-нибудь путешественник будет проезжать по этой дороге, увидит его и возьмет с собой в Россию, и мы снова найдем его на бензозаправке, потому что когда время меняет свой ход, повторяется не только последний день, само понятие дня меняет свой смысл, и все становится одним целым.

Медленно, но верно мы движемся навстречу железному занавесу времени. Мы готовы.

Дуг Хоувз
Кое-что об археологии химической эры

4.10 пополудни

Если кто-нибудь уверяет вас, что у него можно запросто одолжить стереосистему, помните — он обещал осчастливить таким же образом как минимум еще двоих.

А за колонками придется ломиться в Манчестер, стрелка спидометра на отметке сорок, бензин на нуле, а Рэндалл всю дорогу держит дверь Геральда, чтоб не открылась. Превозмогая холод, мы сидим возле двухэтажного, в хроме и зеркалах сверху донизу особняка Манто в последних проблесках блеклого зимнего солнца.

Наблюдая за изможденными фигурами, скользящими вдоль канала, мы потягиваем испанское светлое пиво из немецких бутылок с дольками эквадорского лайма на горлышке. Городок втягивает живот, напрягает мускулы, и (так сказал Рэндалл) выбирает саронги для крупного торжества, последней в истории вечеринки.

Лара запоздала. На ней пушистая оранжевая шуба из искусственного флуоресцентного меха и подстать ей шляпка.

— Вау. Как тебе тусуется?

— Да те еще экземпляры попадаются. Салют, мальчики!

— Ты кого это мальчиками называешь?

— Мальчики, — твердо произносит она. — Ваши колонки в Каслфилде.

— Стремное местечко!

— Ну, ну, дайте волю бисексуальной стороне вашей природы.

— А какая еще есть?

Она указывает на меня солнечными очками:

— Срезал. Надо запомнить.

Мы посидели еще немного. Улица слишком рано заполняется или же слишком нетерпеливыми, или же чересчур отчаянными. Вскоре все места будут заняты. Вскоре один за другим бары и клубы начнут сотрясаться от грохота задыхающихся пульсаций. Все громче будут звучать голоса, все тяжелее станет отвести взгляд, пока всеобщее ожидание не приблизится к своему апогею.

В сотнях клубов, на бесчисленных вечеринках молекулы будут распадаться, и сливаться вновь, заново обретая привычные сочетания, пока мозг, взвихренный химической реакцией,

сотрясают пышные созвучия вожделения. Сердца заходятся под тугими мышцами в ожидании танца, научившиеся видеть по иному зрачки отмечают пышную бархатную фактуру кожи и высматривают сквозящие очевидности в бусинах свежевыступившего пота. Слух будет настроен на новые частоты, умолкнет шепоток горькой правды, и тогда мы почувствуем все на свете.

В уборных, ставших гостиными, засядут гологрудые рейверы, улыбаясь и суетясь, прижимаясь к прохладным спинам подрагивающих зеркал.

Старые любовники движимы силой взаимного тяготения, а в их зрачках образуются горные хребты и ледяные озера. Новые любовники будут узнавать друг друга заново спустя много лет. Губы к губам, плоть к плоти, они будут перемещаться со светящегося танцпола в потаенные уголки и обратно.

Мы едем в Каслфилд, а воды канала медленно двигаются вдоль за бечевой, одолевая все восемь шлюзов Рощдельского канала, мимо сумрачно-манящих кварталов анонимности и благородства. Мы пропускаем еще светлого пива на громадном Герцогском кладбище, а меж нами прикорнула Лара в своей мягкой шубке. Мы вытягиваем шеи, и прямо перед нами вырастают массивные черно-серые металлические перекрытия железнодорожного путепровода, который (по словам Лары) словно собран из увеличенных до гигантских размеров деталей конструктора.

— Соборы индустриальной эры.

— Где же хор мальчиков?

— И девочек, пожалуйста, тоже.

— Ты только посмотри! Представь, что сейчас 1850 год, и ты только что явился сюда из какого-нибудь захолустья, где самое крупное, что ты видел, имело четыре ноги, а первое, что ты видишь здесь — вот оно! Неужели ты не пал бы ниц?

— Не факт.

— Соборам должно быть по шестьсот лет, и они должны быть похожи на Йоркский собор, а не на детский конструктор.

— Я предпочту соборы нового образца, если не возражаешь.

Мы садимся на место и созерцаем балочные фермы моста над тихими водами Каслфильдской бухты. Тысячелетие, возведшее мириады наших соборов, подошло к концу. Где же мы будем отправлять обряды?

Сегодня ночью мы можем стать не только очевидцами нового тысячелетия.

Но мы, конечно, этого не знаем, а идем обратно по дороге А6, и наш драгоценный груз тщательно упрятан в стельки ботинок.

Последние проблески света рассеиваются. Позади нас воды канала неторопливо одолевают последний шлюз и выходят на длинные прямые магистрали Чеширского кольца.

11.10. пополудни

Положите пучок petro selenum crispum (то есть петрушки) на середину небольшой, но симпатичной тарелки, желательно одолженной у мамы. Разместите по кромке в виде холмика одну-две щедрых пригоршни methylenedioxymethylamphetamine (то есть сами знаете чего). Сервируйте поизысканнее.

Суть на девять десятых состоит именно в сервировке.

Это, разумеется, не первая порция, и в холодильнике есть еще — вместе с кислотой и напитком «Кава» из «M&C», терпеливо ожидающими первого утра следующего тысячелетия, но каждый раз все должно быть по-новому — тем более сегодня.

Но мы, как уже было сказано, этого не знаем, мы этого пока не знаем.

Я бреду в прихожую, где пламя свечей бросает тысячу отблесков на крошечные хрусталики свисающих с потолка гирлянд. Алекс с Рэндаллом сидят на ступеньках, размахивая над перилами золотыми и серебряными нитями.

— Мы играем с Кошечкой.

— Она в гостиной. Кошки любят кошачью еду. — Я протягиваю им тарелку.

— Все мы кошки. Мяу.

Я кормлю Алекса экстази, глядя ему в глаза. Но в его набухших зрачках еще колышется тревожный огонек, говорящий — МЯУ МЯУ МЯУ — пока рановато.

Я прохожу в свою вечно просторную, облезлую и убогую гостиную, в которую было помещено двадцать семь свечей, стереосистема, два кремниевых деревца и масса затейливых украшений. Одна стена покрыта разноцветными звездами и серебристыми летающими тарелками, на другой — голографический серебряный иллюминатор громадной желтой, навеянной грибочками субмарины. Из громкоговорителя торчит голова и торс портняжного манекена, вместо одной руки — перегнутый душевой шланг. Огромная серебряная звезда на заслонке взирает, в ожидании.

Кевин, тоже наблюдающий за танцующими, грациозно помахивает косяком перед Томом и Кэл. Его развевающиеся патлы контрастируют с короткими рейверскими стрижками братьев. Саз соскальзывает с насиженной спинки стула, трепеща от возбуждения. С минуту изучает тарелку — как будто на ней домашние лепешки — выбирает лучшую.

— Хорошо сервировано, — говорит она, отправляя в рот

избранный химикат.

Карен нагибается над одолженными колонками, которые стоят в углу, и сосредоточенно морщит брови, совмещая интенсивные пульсации в наушниках с приглушенным шумом, пробивающимся снаружи.

Я плавно огибаю свисающие с потолка знаки, гласящие «ништяк» и «отстой». Я обхожу гостей с тарелкой, а меня обходят рыба из папье-маше и голографические светила. Каждый гость может взять маленькую белую таблетку стопроцентного МДМА. Через двадцать минут мы разрешим наши личные противоречия только нам известными методами. Через полчаса наши зрачки расширятся, швартовы оборвутся, а через пятьдесят минут — если у меня все в порядке с математикой — мы отпразднуем новый год как заблудившееся в пустыне племя, обдолбанное до озверения.

11.27 пополудни

Лара прискакала на кухню, взбежала по лестнице и уселась, погрузив голову в реющие облака, которые мы сделали из рулона некой пенообразной субстанции.

— Дэн Дейр, пилот будущего, — гордо говорит она. Я протягиваю ей тарелку. — Боже мой! Какие чудеса нас ждут, Дэн?

— В середине следующего столетия все будут работать задарма по двухдневному скользящему контракту, терпя бесконечные унижения. При этом у каждого будет реинкарнированная Ка и дорожный переносной компьютер на спутниковой связи. У нас будет счастливая возможность не попадаться друг другу на глаза.

— Превосходно.

— Цинизм. Глобализация и наркотики, друг мой. Адская смесь, попомни мои слова!

Я привлекаю Лару к себе, чешу ей за ушком. Я прекращаю, когда она в экстазе чуть не валится с лестницы. Я кладу руку ей на шею. Ее рука обвивает меня и скользит по спине. Волна энергии взмывает по позвоночнику, вызывая множество маленьких сладостных покалываний где-то в мозгу. Время замерло, чтобы взглянуть на нас.

Начинается.

Я высвобождаюсь из объятий, которые, кажется, успели окрепнуть, беру тарелку.

— У меня важная миссия.

— Поди, побеседуй с космическими сутенерами, Дигби.

* * *

11.34 пополудни

Я теперь сижу на ступеньках, друзей прибавилось, я лениво с ними общаюсь. Что бы подумали крестьяне, едва привыкшие к новым деревням и самозваным хозяевам поместий тысячу лет назад? «Если бы они раз в год получали „Игл“, — говорит Тэд, — были бы там статьи „Соборы будущего“, „Соберите собственного заводного крестоносца“, „Как сделать действующую модель мельницы“ или „Потрясающие известия о Господе Боге“?»

Фоном звучит старый шлягер:

Он сказал, что грядут перемены…

Ага, ну вот и они… Перемены грядут… ну давай же.

Я смотрю поверх перил в гостиную. Хохот, очертания друзей, дерзостных и великолепных, некоторые развалились на импортных старых диванах, разодранных в клочья поколениями полубездомных кошек. Как странно, что лишь одна комната в моей квартире называется гостиной — как будто во всех остальных гостей не принимают.

Реальность номер два, пространство, которого я боюсь больше всего, отвечает мне:

Маленькое поместье окружают высокие, обтянутые колючей проволокой стены. Скучающий сторож сосредоточен на мерцающем экране электронной игры. Подъезжает машина. Он слегка настораживается, потом успокаивается, заметив возникший на дисплее номер, под горящим словом «Проверено». Он все же не в силах оторвать подозрительного взгляда от машины, проползшей вдоль ограждений и свернувшей в ярко освещенный лабиринт одинаково своеобразных коттеджей на две семьи.

Она останавливается перед третьим домом на левой стороне. Из нее вылезают двое молодых людей. Один, с длинными черными волосами, бросает нервный взгляд на затянутое тучами небо. Они торопливо минуют крошечный участок космического дерна, служащего лужайкой, и скрываются на веранде с двойным остеклением.

Женщина в оранжевых рабочих брюках застыла перед телевизором. Выкройка, которую она теребит, отчаянно внушает ей то, чего она не слышит. Шипящие звуки, доносящиеся из динамика, перекрывают суровый требовательный голос младенца, отдающийся эхом в коридоре, а между ними слышится шепот:

Создавая меня, ты обещал мне жизнь.

На нем джинсы «Левайс» и клетчатая рубашка, в его сердце холод, а в руке — банка пива, он открывает входную дверь.

— Алекс, Рэндалл, заходите, — говорит он голосом приветливей некуда и тут же делает большой глоток.

Они ждут, пока он отопьет, и тихонько проскальзывают в комнату с всегдашними бутылками вина в курьерских сумках.

Входная дверь закрывается, и она тащится обратно из этого странного места, в котором только что находилась, дважды хмурится, изо всех сил стиснув веки, будто яркий свет слепит ей глаза. Следы страданий постепенно стираются, она складывает губы в улыбку, которая не то что б сурова, однако не то что бы и невинна.

Она слышит из коридора, как Рэндалл спрашивает насчет ремонта «Лады». Она собирается с мыслями и готовится к вечеринке.

ОК, ОК, слышна музыка:

Перемены грядут из дула ружья (вот-вот)

ПЕРЕМЕНЫ ГРЯДУТ ИЗ ДУЛА РУЖЬЯ…

Внизу пульсации в размере 4/4 взвивают беспорядочную массу приглушенных «Роландов-303», синкопированных арпеджио и еще бог знает чего и швыряет все это в наш мозг. В раскрывающемся сознании гудят бессвязные мысли, их потоки умело продираются сквозь перезаряженные нервные узлы. Они проносятся по нервным окончаниям подобно неукротимым хулиганам-угонщикам, проскакивающим последний светофор перед выездом на шоссе. Длинные, прямые, полые нервы свободно несут их в пункт назначения, где тугие мускулы собирают их в кучу и без церемоний выталкивают наружу.

Повторение определяется только девиацией, чувственные сигналы несутся вспять по нервным проходам, сообщая нам, что центральный процессор приведен в соответствие с технологией MMX и что поддерживается связь со всеми системами. Серебристое платье Саз вбирает отблеск свечей, задерживает их на мгновение и посылает обратно, оттеняя чистоту ее глаз и ухмылку от «Парадайз Фэктори». Свет скользит по алмазам пота, выжатым из напряженных мускулов, облегающих грудь Алекса. Глаза зажмурены, губы плотно сомкнуты, руки на ходу заново формируют реальность. Над ним вывеска, гласящая «ЕДИНСТВЕННЫЙ В ЖИЗНИ ШАНС». Рэндалл скачет вокруг как сумасшедший — первопроходец, пытающийся самостоятельно подняться в воздух. Лара стоит как вкопанная — с ее головы свисают яркие тряпичные ленты. Стоит в комичной позе, слушает голос, внятный лишь ей одной.

Широко раскрытые глаза Карен следуют за колыхающимися складками ее платья — прихотливый орнамент, который может объяснить, отчего Джош хохочет как безумный и почему Рич, стоя на голове, выкрикивает в ритм музыке «О, Боже Мой, Боже Мой, Боже Мой»; Том и Кэл смотрят друг на друга волками, Кевин

замирает, сбившись с пути — откидывает руками упавшие на лицо локоны, наморщив лоб в ожидании ответа.

Гейвин поблескивает бритым затылком, продвигаясь сквозь хаос подобно друиду. Горящий в его глазах восторг стимулирует умопомешательство, а потом, на середине полета, он извлекает из воздуха здравомыслие, приручая его воспоминаниями о розовых орхидеях и пиве на Кэнал-стрит жарким летним днем.

11.44 пополудни

Вокруг меня порхают длинные волосы Алекса. Моя рука исследует щетину на его скулах — когда по ней скользит рука, она встает дыбом. Губы у него сперва отяжелевшие и засасывающие, а потом легкие и шаловливые. Саз водит носом по шее Рэндалла, а он крепко обвивает ногами ее живот. У меня в голове гаснет лампочка, в ее свечении застывает время.

11.46 пополудни

Время сортировать напитки для полуночного возлияния. Снова иду на кухню за подносом с миниатюрными хрустальными стаканами и бутылкой «Джеймсонс». Я разливаю искрящийся «Джеймсонс», и по горлышку бутылки неуклюже стекает влага…

Реальность номер два:

У меня в голове в стакан выплескивается болгарское «Каберне Савиньон».

Девять человек неловко расположились в гостиной, предназначенной для четырех целых, четырех десятых. К счастью, помимо гарнитура из трех предметов, в комнате есть два потертых шезлонга и пуфик. Все пьют слишком быстро — не чтоб встряхнуло, а чтоб слегка опустило — и беседуют крайне монотонно.

Разговор миновал тему починки «Лады». Он неуклюже топчется вокруг возможности второго срока Блэра. Несколько стремительно следующих коротких выступлений указывают как на его неминуемость, так и на полную невозможность. Он тревожно касается отсрочки исполнения приговора, которая теперь дарується в рамках «проекта Клеменси» и опускается, как обычно, до погоды. Они беседуют, а мелкий серый дождь скребется по стеклам, и они дрожат, вспоминая пост-Сайзвелловское изречение: должно выпасть сто тысяч капель пока не выпадешь сам. Всегда надевай комбинезон.

Но кто-то уже перепил, кто-то недопил или что-то в этом роде. Кто-то сдерживает рыдания по понесенной утрате, романтической и нелепой. Кто-то предается воспоминаниям.

Они уставились в пол так, будто кто-то нагадил на ковер. Им было так хорошо, и ни у кого не оставалось слов, чтобы приглушить голос, свербевший у каждого в голове:

Ты обещал мне ЖИЗНЬ…

Помнишь?

Рэндалл извлекает когти из моей шевелюры и прижимает меня к себе.

— Под дождем гулял?

— Ну.

— Вот дерьмо. Запомни. Уже совсем скоро.

Крепкое объятие сильных мускулов — мускулов, созданных для танца, мускулов, созданных для страсти, которая неподвластна никакой пустоте.

Я это все помню. Я помню, как все было и как все будет. Уже совсем скоро.

11.48 пополудни

Из кухни доносится голос:

— Черт, обожаю этот наркотик — не случайно его называют легким!

Я смеюсь, это любимая фраза Анта. Особенность Анта в том, что он никогда не сходил с ума, а если и сходил, то никогда этого не признавал. Высшим проявлением его наркотического психоза был случай, когда он на приходе начал утверждать, что основу всех спиртных напитков составляет витамин С.

В дверном проеме я вижу их с Ларой и еще человек шесть. Они завладели огромной потрепанной простыней. Мы заваливаем комнату простынями, а по стенам развешиваем куски материи в голубой горошек, и получается Снежное Королевство. Они танцуют, а простыня поднимается и медленно ниспадает, будто белые облака восходят к зыбкому голубому небу. Лара выбирается из своего угла и танцует в центре комнаты, раскачивается, прикрыв глаза, как парашютист в волшебном свободном полете.

И все же он прав, все есть осколок мозаики-головоломки, что и влечет подобно наркотику. Может, не каждого. Может, даже меня не настолько

Включается реальность номер два:

Несколько человек пьянствуют в крохотной гостиной. На ковре — горка розоватой соли, — и они уверены, что соль сделает красное вино не столь очевидным, несмотря на множащуюся очевидность обратного. Что она выведет пятна. Кто-то втихаря вытирает глаза рукавом. Они расставляют предметы, похожие на маленькие пластиковые коробочки из-под плавленого сыра, на причудливую поверхность, напоминающую карту звездного неба.

— Ты в норме? — говорит один. — Что-то ты побледнела.

Построение в красном свете светофора в итоге рушится. Она беспомощно кивает: — Ага, нормально, ну… сам понимаешь.

Они склоняются над ней, начинают понимать, в чем дело, выражают озабоченность и некоторое осуждение.

— Может, портера?

Сблевавшего сквотера.

Я хихикаю.

Уноситься вспять, противостоять натиску отборных дивизий паранойи, защищая городские укрепления, жители отступают… Боже, я собирался выпить портера и сыграть «Trivial Pursuit»! Поговорить о двух тысячах сдавшихся в плен…

Кто-то, это Тэд, кладет мне в руку косяк, а руку — мне на плечо.

— Ну что, сыграем гениальную версию?

Мое согласие выражается благодарной улыбкой и чем-то средним между движением руки, вздохом и пожатием плечами.

Реальность номер два. Головы трясутся, ноющие лица льстят:

— Это иллюзорные вещи. Ты же помнишь, что действие стимуляторов слабеет и становится странным, а действие «тормозилова» просто становится странным. Глядя на то, как мы медленно превращаемся в карикатуры на наши собственные, казалось бы, освобожденные «я», мы говорим — баста. Лучше портер и «Trivial Pursuit». Лучше что угодно, чем вечное стремление к тому серому водоему, отделяющему нас всех друг от друга, полного коварных течений, которые уводят все глубже, глубже и глубже.

* * *

11.57 пополудни

Двадцать семь горящих свечных иголок сливаются на масляной поверхности виски в стаканах. Руки Кевин прекращают вечное описание неописуемого — одна покоится на торчащем бедре, другая поднимает подарок вверх для осмотра. Рич говорит: — Что ж, спасибо! — и опрокидывает в себя стакан чистого виски. Свет вспыхивает у него на языке и исчезает в горле. Лара и Джош прекращают хихикать и таращатся на серебряный поднос, похожий на летающую тарелку.

— Виски. Выпей.

— А, да. — Джош оборачивается к Ларе. — Это виски, выпей его.

Ее лицо просветлело: — Ага! Ну, давай, что ли, выпьем.

Стакан с «Джеймсонсом» обходит всех, а вместе с ним — сообщение о том, что время пришло. Сообщение достигает сидящего на колонках Кэла — тяжелые пульсации постепенно

мутируют — невероятным образом — в такую простенькую штуковину типа «струнный оркестр и примадонна». Вспыхивающие в наших головах огоньки заполняют комнату. В затянувшееся последнее мгновение мы обретаем покой.

11.59 пополудни

Алекс проникает взглядом сквозь ширму черных, как смоль, волос. Он в курсе. Карен в последний раз облизывает губы Тэда. Она готова. Рэндалл вытирает пот со своих безумных глаз, будто о чем-то умоляя. Наклоняется вперед, втягивает шею, ладони разжаты, голова опущена на голую грудь. Губы с минуту ласкают кольца в соске, потом он возвращается.

По комнате змеятся струи энергии, а мы готовимся к постижению. Числа множатся, и мы чувствуем, что время пришло, заполняя пустые пространства комнат, до тех пор, пока пустых пространств не остается, а остается лишь предвкушающая сладострастие плоть.

* * *

Дверь дома распахивается, открывая удивительно знакомое зрелище девяти людям, которые в первый момент не решаются войти. У одной из пришельцев, у женщины в рыжем комбинезоне, на руках ребенок. Капля дождя падают ей на челку, ее глаза говорят:

— Пора

По всему городу, мы замираем, по-прежнему потягивая портер с долькой лайма, и на секунду поднимаем головы в уверенности, что слышали нечто вроде призыва к оружию.

11.59:59 вечера.

Я снимаю палец с кнопки «пауза».

Пол де Филиппо
Говорила мне мама, не ходи

— Ты что, еще не кайфуешь, Лорен?

Я медленно поднял голову. Такое ощущение, будто она чужая. Какого-нибудь садомазохиста, который набил ее песком, использовал язык вместо половика, глазницы — вместо ванночек для реактивов, после чего выставил ее под холодный осенний дождь.

Надо мной возвышалась Энн Мари, хозяйка дома, со стаканом в руке. Море спиртного, поглощенное минувшей ночью, почти не убавило ее неиссякаемого жизнелюбия.

— А что, разве я похож на человека, который «уже кайфует», Энн Мари?

Я сидел на полу, в углу гостиной Энн Мари, обхватив руками сжатые в коленях ноги. На мне был замызганный пиджак, который я носил целую неделю, причем сутки напролет. Мои волосы походили на стог сена, накиданный каким-нибудь особо бестолковым представителем семейства Сноупсов. Заросшая щетиной физиономия была заляпана сохлой горчицей — следы стабильно составляющих мой рацион лоточных хот-догов.

Вокруг кружило и пузырилось, булькало и бурлило, пенилось и хохотало, вопило и визжало, дышало и гоготало, тренькало и крушилось всенародное мероприятие под названием тусовка.

Я оказался на вечеринке, вовсе не собираясь веселиться.

Энн Мари пыталась сфокусировать на мне свои поблескивающие бурундучьи глазки, и в итоге, очень по-женски сосредоточившись, преуспела.

— Гм, ну если на то пошло, Лорен, то я видела тебя и более веселым, и уж конечно более нарядным…

Из дальней комнаты донесся звон разбивающегося стекла, за ним — визг, крики «ура», и, похоже, треск срываемых с карнизов занавесок.

— Энн Мари, — сказал я устало, — а может, вам лучше пойти проведать остальных гостей? Они, сдаётся, крушат ваше распрекрасное жилище.

Кажется, это было сказано об одном из наиболее скудоумных королей Англии: «Будьте осторожны, подавая королю какую-либо идею, ибо, однажды заронив в его голову, ее едва ли возможно извлечь обратно». Энн Мари, особенно после обильного возлияния, была не менее твердолобой. А я в тот момент был единственным объектом ее внимания.

— Ах, да мне на все наплевать, — радостно сказала она. — На эту ночь я купила специальную праздничную страховку. В конце концов, не каждый день доводится встречать новое столетие.

— Замечание проницательное и бесспорное, Энн Мари.

— Видишь ли, мне плевать, кто сегодня чем занимается, главное, чтоб все ловили кайф!

Именно поэтому я о тебе и беспокоюсь. Ты же явно кайфа не ловишь!

«Кайф» — это понятие в голове моей больше не укладывалось. Теперь мне с горя начало казаться, что я вообще никогда не понимал этого слова. Я сомневался, что хоть кто-нибудь его понимал. Мне хотелось одного — чтоб меня оставили в покое до полуночи. Столкнувшись взглядом с Энн Мари, я попытался заложить в нее эту мысль.

— Энн Мари, вы знаете, зачем я пришел на вашу вечеринку?

— Как зачем, ну, разумеется, затем, чтобы кайфовать с друзьями.

— Нет, Энн Мари. Когда-то, возможно, я приходил именно за этим, но сейчас, увы, нет. Я пришел, Энн Мари, лишь потому, что вы живете на сорок девятом этаже.

Совершенное замешательство тотчас преобразило физиономию Энн Мари — так, будто она была куколкой с кнопкой на спине, с помощью которой можно переключать выражение лица.

— Отсюда хороший вид на город, Лорен, но вы его уже сто раз видели…

— Сегодня ночью, Энн Мари, я намерен увидеть его, как вы бы сказали, «лично и непосредственно». В полночь, когда все будут отмечать начало чудесного столетия, я намерен открыть вашу стеклянную дверцу — допустим, что никто из этих «заядлых тусовщиков» не успеет ее разбить — в ином случае я просто перешагну раму с торчащими из нее осколками — и окажусь на том маленьком участке голого бетона, который по вашему настоянию называют «патио», и с обрамляющих его перил немедленно брошусь в открытое пространство, покончив, таким образом, со своей окончательной и бесповоротной ничтожностью.

Кто-то нажал на кнопочку на спине Энн Мари, и на ее лице вспыхнула маска изумленного неприятия.

— А вы представляете, Лорен, какой переполох поднимется среди тех, кто будет в это время кайфовать?

— Я и сам не очень-то тверд в своем намерении, Энн Мари. Но, по-моему, это единственное, что мне остается.

Энн Мари уселась возле меня на корточки, попутно омочив

мне брючину содержимым своего бокала. Плевать.

— Ну, расскажи старушке Энни, что произошло, Лорен. В чем дело?

— Все очень просто. Ровно неделю назад вся моя жизнь рассыпалась как дешевые наручные часики. На протяжении одного часа от меня ушла Дженни и я был уволен с работы.

— То-то я думаю, она с тобой не пришла. А что случилось?

— Да я до сих пор не знаю. Вернулся домой и обнаружил записку. Она гласила, что Дженни улетает в Лос-Анджелес с неким Рейнальдо.

— Ну и дела. Ты знал про этого Рейнальдо?

— Она уверяла меня, что это все несерьезно.

Я закрыл лицо руками и секунд тридцать слушал, как кто-то скулит, пока не понял, что это я сам скулю.

— Ну и ладно, Лорен, — сказала Энн Мари, поглаживая меня по плечу. — Не очень-то она тебе подходила.

— Но я, черт подери, все же люблю ее!

— Другую себе найдешь, я уверена. Если только приведешь себя в порядок. А знаешь, ведь твоя новая любовь может быть здесь! И работу себе найдешь, в этом я тоже уверена.

Я, должно быть, ужасно громко и зловеще рассмеялся, желая привлечь внимание окружающих, что мне и удалось. Даже Энн Мари, была, похоже, ошеломлена — а она-то знала, каково мне.

— Не говори мне… — начала она.

Я испугался собственного крика, но ничего не мог поделать.

— Да! Меня заменили экспертной системой! Пакет программ за тыщу долларов занял мое место! Шесть лет высшего образования на хер! Мне остается только правительственный лагерь повышения квалификации!

— Говорят, еда удалась на славу, — выдавила из себя Энн Мари.

Я кое-как встал на ноги. Семь ночевок на скамейках и паровых решетках не прошли даром.

— Плевать мне, что там подают, хоть фазана, блядь, фаршированного! Я намерен покончить с собой! Вы все меня слышите? Я намерен хорошенько спикировать! Покупайте билеты!

— Лорен, умоляю! Люди хотят вступить в новое тысячелетие в бодром настроении!

Из меня вышли все соки. Сказать, что я был как мешок с дерьмом, значит приукрасить действительность. Я чувствовал себя как пустой мешок, в котором когда-то было дерьмо.

— Ладно, Энн Мари, ваша взяла. Я буду примерным мальчиком. Пока не пробьет полночь. А потом я поступлю как

изувеченный голубок.

И вновь Энн Мари проявила врожденный кретинизм.

— Вот и прекрасно, Лорен. Прежде чем ты успеешь совершить свой необдуманный поступок, тебя непременно что-нибудь отвлечет. Так, сейчас посмотрим. Во-первых, тебе надо немного выпить. Потом мы познакомим тебя с каким-нибудь интересным человеком. С кем бы ты хотел поговорить?

— Ни с кем.

— Слушай, кончай валять дурака! Знаю! Есть один классный персонаж, его Сэм привел. Парень считает себя греческим богом или кем-то в этом роде. Представляешь! С ним ты забудешь о своих дурацких проблемах.

— Он что, Харон? С Хароном, я бы, пожалуй, затусовался.

— Шарон? Я же сказала, что это парень! Давай, пошли.

Я позволил Энн Мари увести меня. На ближайший час у меня планов не было.

Веселье вокруг нас набирало скорость, как пианино, сброшенное с пентхауса, обещая столь же эффектный зубодробительный финал.

Пятеро оккупировали середину комнаты, играя в «бутылочку» на раздевание. В ход пошла, кажется, бутылка детского масла. Зрители, в числе трех человек, расположились на софе, игнорируя, похоже, тот факт, что одна из ее подушек подает признаки тления. В углу напротив меня наблюдалось скопление туловищ вокруг какой-то хреновины наподобие булькающего кальяна. Народ собрался перед плоскоэкранным телевизором, играя в застольную игру — каждый раз, когда великовозрастный Дик Кларк говорил: «Да здравствует миллениум», тот, кто не успевал прокричать «А мы провожаем девятьсот девяносто девятый!» должен был глотнуть из бутлика мятного ликера. То, что выглядело запеленатым в новогодний флаг младенцем, оказалось карандашным рисунком на стене. Приглядевшись, я понял, что это карлик, нарисованный в изысканно-непристойной манере. Из соседней комнаты доносился, заглушая звуки рвотных конвульсий, грохот магнитофона, и я чувствовал, как танцующие сотрясают пол. Все здание, в общем, ходуном ходило. Ничто, однако, не могло прервать сон мышеподобной женщины, заснувшей в шести футах над полом на узеньком книжном шкафу.

Никогда не врубался в вечеринки. Жара или дикий холод, оглушительный грохот или гробовая тишина, скука или перевозбуждение, перенаселенность или безлюдье, еды слишком много или слишком мало, пьяный угар или воздержание — вечеринки всегда заключают в себе ту или иную крайность. Мне не доводилось присутствовать на вечеринке просто приятной, без

излишеств. Возможно, таких вообще не бывает. А уж безумство в квартире Энн Мари по поводу конца столетия таковым точно не было.

— Подумать только, — сказала Энн Мари, проводя меня мимо распластанного тела, завернутого, подобно пижонистому манекену в занавески, которыми гости, как я слышал, незадолго до этого воспользовались не по назначению. — Сейчас вот, наверное, миллиарды таких же вечеринок проходит по всему миру!

— Потрясающее наблюдение!

— Глупыш! Где же, черт возьми, этот грек? — Мы вошли в кухню, и нам чуть было не снесло головы цветастой летающей тарелкой, которая врезалась в стену и разбилась у самой двери.

— Ах ты, сука!

— Ублюдок!

Энн Мари встала между ними.

— Жюль и Мелисса, как мне жаль! Это была тарелка из фарфорового сервиза.

— Прошу прощения, Энн Мари. Так ему и надо. Я застала его с этой блядью Уной в ванной!

— Говорю тебе, она только попросила меня застегнуть ей платье…

— А как оно, интересно, оказалось расстегнутым?

— Ну, ну, ну, — сказала Энн Мари. — Я думаю, вам надо поцеловаться и заключить мир. Не хотите же вы начинать новое тысячелетие с глупейшей склоки, правда?

Уверившись в том, что для примирения сделано все возможное, Энн Мари оставила истеричную парочку в покое. Заметив на стойке бутылку — «Смирнофф», она тут же ее схватила. Поставила свой стакан рядом с неизвестно чьим, вымазанным помадой, и плеснула водки — себе и мне.

— На вот тебе! Так что если… — а, вон он! — она потащила меня к человеку сидевшему в одиночестве на стойке.

Если соединить Кита Ричардса в апогее наркотической зависимости и Чарльза Буковски на шестом месяце попойки, скрещенного с нашпигованным морфием телом Майлза Дэвиса на пороге смерти, и остановить трансформацию в точке полураспада, то у вас получится некое подобие того типа. Он был в сандалиях, в одеянии, напоминающем голубую атласную пижаму, и с вялым пренебрежением ел гроздьями виноград. «Рассеянный» — самое приличное слово, словарную статью, о котором он мог бы проиллюстрировать.

Энн Мари поздоровалась с ним.

— При-вет. Хочу тебя кое с кем познакомить. Это Лорен.

Лорен — познакомься — ой, забыла, как тебя зовут.

С ленивой тщательностью пережевывая виноград, он сказал:

— Бахус.

Я почти слышал, как ветерок, поднятый этой репликой, пронесся в голове Энн Мари.

— Ну, хорошо, мистер Бакус, вы с Лореном мило пообщаетесь. Я пошла к народу.

Энн Мари ушла. Тишина будто сомкнулась вокруг нас, как водоем, странным образом отделив от всех остальных. Я стал думать, что надо говорить, и зачем это надо делать. Трудно изжить привычку к общению. В итоге избрал интонацию легкого сарказма:

— Что ж это с твоей фигурой, чувак? Тебе ведь, кажется, покрупней положено быть? А как же венок из плюща? К цветочнику не успел забежать? Погоди, дай подумать. Клуб анонимных алкоголиков, «Уорлд Джим», я Ральф Лорен, а ты — новичок.

Я выпил, созерцая его и исподтишка, ожидая реакции на мои издевки. Бахус прекратил жевать и смотрел на меня без особой враждебности, но не то чтоб и дружелюбно. Впитав вкус ягод до последнего атома, он заговорил.

— Ты чё, бля, из Диснея или как?

Я понял не сразу. А когда понял, то прыснул со смеху.

— Во-во, — продолжал Бахус. — Я их засудить собирался, когда этот ебаный мультик вышел. Хер знает что из меня сделали. Милейший ослик, простофиля, перепугавшийся молний! Ради Геры, как будто мы с Зевсом не в той же связи состоим, в какой ты — с промежностью своей мамочки. Но потом я понял, что мы можем и без суда сговориться. До сих пор получаю тридцать процентов с каждой проданной кассеты.

— Это круто, — сказал я, потом сорвал у него виноградину и запустил ее через всю комнату. Чтобы поддержать тонус. Водка прошла по пустому пищеводу и ударила в голову. Показалось вдруг, что для воплощения моего замысла быть пьяным это даже лучше. Я двинулся в сторону «Смирнофф», решив добавить, но Бахус остановил меня.

— Погоди, дай я.

Я подставил стакан, не зная, чего ожидать, и он накрыл его правой ладонью. Из нее хлынуло вино — как из винного стигмата.

Я сделал вид, что нисколько не удивлен.

— Уберешь шланг?

Бахус пожал плечами.

— Как хочешь.

Я попробовал вино. Прохладный ветерок на зеленых холмах, брызги океана и солнцепек, тенистый ручей под древней дубовой рощей. Вино — высший сорт.

Голова стала легкая, как вордсвортовское облачко. Голос Бахуса, казалось, доносился из соседней галактики.

— Видишь ли, называть это можно как угодно. Вечеринки, пирушки, карнавалы, оргии, сатурналии, Марди грас — Гадес! Можно называть это вакханалией, ведь я же в свою собственную дуду дую. Но у всех празднеств есть определенная логика. Книгу ебаную мог бы написать — про движущие силы тусовки. И одна из глав была бы посвящена случаям вроде твоего.

Я глотнул еще чудесного вина.

— И кто же я именно?

— Призрак на торжестве. Самоубийство. Висельник и дуралей.

Я попытался унять дрожь.

— Ну и что с того? Ты что, отговорить меня собрался?

Бахус поднял вверх руки, показав мне ладони. Что до трубочек или дырок, то ничего похожего я там не заметил.

— Ни в коем случае. Я лишь предлагаю свой олимпийский взгляд на вещи, не более того.

Я вдруг устал разговаривать. Устал жить. До полуночи оставалось пятнадцать минут, и мне хотелось лишь скорее развязаться.

— Тебе что, больше пойти некуда?

Бахус засмеялся.

— А я и так везде.

Я собрался было уйти, но это меня остановило.

— Что-что?

Заговорщически наклонившись ко мне, незнакомец произнес:

— Все вечеринки, которые были, есть или будут, взаимосвязаны. Как и все войны, и все совокупления. Так, по крайней мере, говорят Венера и Марс. Ты должен лишь знать, как попадать с одной на другую.

— А как ты это делаешь?

— А меня просто всюду одновременно приглашают. Боги, они такие. Видишь ли, я самый настоящий дух тусовки, повсеместный фронт волны, который воплощается в физическое тело, как только позволяют условия. Но если ты хочешь попробовать, то нужны некоторые приспособления.

— Приспособления?

Бахус откинул правый рукав. Вены у него на руках были не голубые, а роскошно-алые, а под одеждой у него тоже определенно не имелось никаких трубок. Он поднял пустой

рукав, приняв манерную позу мага. Я не отводил глаз, а он, как-то странно передернувшись, призвал некий предмет. Это был праздничный рожок, сделанный из пластмассы и бумаги, с его раструба свисали целлофановые вымпелы.

— Дунешь в него один раз, и сразу куда-нибудь перенесешься, беспорядочно смешиваясь с веществом вечеринки.

— Беспорядочно?

Он снова пожал плечами.

— Вот упрямый. Один поддатый ученый по фамилии Гейзенберг как-то пытался мне это объяснить, но я не въехал. Стохастический, пробалистический, хаотический — в Сократе и то смысла больше. Ах, да, и вот еще что… Где бы ты не оказался, ты заключен в психологические рамки тусовки. На каком бы сборище ты не возник, ты не можешь просто взять и попасть из него, скажем, в Нью-Йорк на День Перемирия.

— Как это?

— За пределами особого пространства тусовки, ты будешь чужаком по отношению к пространству-времени. Твое сверхъестественное присутствие вызовет немедленное превращение всей твоей массы в энергию. Хиросима по сравнению с этим — искра в камине.

— Неважно, — говорю. — Плевать.

Бахус сунул мне рог в карман пиджака.

— Не зарекайся.

Слышу — я опять что-то говорю, причем сам того не желая:

— Ты упомянул какие-то приспособления, во множественном числе…

Бахус ухмыльнулся, и снова задергал рукой. Возникла треугольная карнавальная шляпа в горошек. Не успел я опомниться, а он уже нацепил ее мне на голову, свирепо протянув резинку под подбородок.

— Дает возможность разговаривать и понимать на всех языках. И вот еще что, — он материализовал сумку на молнии, набитую разноцветными конфетти. — Посыпь немного на кого хочешь, и они присоединятся к тебе — после того, как ты дунешь в горн.

Он опустил конфетти мне в другой карман.

— Шел бы ты уже. Вот-вот полночь.

Засим Бахус раскрутил меня и двинул ногой в крестец. Я упал на колени. А когда поднялся, его как не бывало.

Однако праздничная шляпа была на мне, а прочие «реквизиты» я также нащупал в карманах.

Что за херня! Ничего в моей жалкой жизни не изменилось. Я двинулся к дверце патио.

Ни один из гостей Энн Мари меня не остановил — то ли они были так заняты болтовней, то ли им было все равно, а самой Энн Мари поблизости не оказалось.

Как и следовало ожидать, принимая во внимание мороз и сумерки, маленький балкончик был пуст. Я закрыл за собой стеклянную дверь, отделившей меня от тепла и людского шума.

Ощутив руками прохладу узких гладких перил, я забрался на них ногами. Город раскинулся подо мной как витрина магазина Тиффани. Ветер задувал в рукава, манил за собой. Глаза начали слезиться.

Я перегнулся вперед, потом заколебался. Неужели это и вправду единственный выход? Кто-то подтолкнул меня сзади.

— Увидимся! — раздался крик Бахуса.

Пролетев этажей двенадцать, я достал рог и поднес его к губам. Закрыл глаза и заиграл как заправский трубач, выдувая злобное протяжное ВУУУУ!

Чудовищный ледяной ветер, овевавший мое пикирующее тело, утих. Ощущение падения ушло. Я, вроде бы, сидел на большом, мягком и удобном кресле. До меня донесся грохот пляшущей на столе посуды. Кто-то пыхтел и фукал. Еще кто-то хрюкал. Третий пищал. Потом тот, кто хрюкал, заговорил. Вернее, закричал — высоким нечеловеческим голосом.

— Обмажьте-ка ему уши маслом!

Я открыл глаза. Над нарядным чайным столиком раскинулось, простирая изумрудную тень, огромное дерево. Пахло свежей травой и теплыми лепешками. Безумный Шляпник держал Соню за щиколотки, а Мартовский Заяц давил на крохотные плечики грызуна, проталкивая ее в сахарницу. Алиса, разумеется, только что ушла.

Оставив попытки, Безумный Шляпник поставил Соню лапками на стол, а голова ее так и осталась в сахарнице. Писк ее постепенно затихал, превращаясь в храп.

Безумный Шляпник снял цилиндр и потер свой покрытый жиденькой порослью скальп. Вокруг ленты на его шляпе я заметил темную влажную полоску. «Обмажьте-ка ей уши маслом». Зачем, с какой стати? Мы же собираемся ее есть, правда же?

Мартовский Заяц брезгливо поморщил нос, подергал бакенбардами.

— Дурень! Ну, конечно, нет. Соню можно есть только в те месяцы, которые заканчиваются на «О», например, в мае!

Положив шляпу на стол, Безумный Шляпник сказал:

— Насколько я припоминаю, именно вы посоветовали мне когда-то добавить масла в часовой механизм, и всем нам известно, что из этого вышло. Почему же на этот раз должно быть

иначе?

— Вы же не будете спорить, что время, которое показывают ваши часы, когда в их механизм добавлено масло, сильно разнится со временем, которое они показывали прежде.

Безумный Шляпник достал часы из кармана и скорбно посмотрел на них, после чего опустил их в чашку с чаем.

— Да, именно так. Хотя они теперь правильны только два раза в сутки, зато дни кажутся гораздо длиннее!

— На этот раз я предложил только масло, — напомнил Мартовский Заяц, клюя носом.

— Вы сказали «уши», а не «глаз». Уши Сони необходимо намазать маслом, утверждали вы. Я помню это вполне отчетливо, ибо это повергло меня в такое замешательство, какого я никогда не испытывал, и, надеюсь, никогда не испытаю.

Мартовский Заяц обиделся.

— Никогда я такого не говорил! Я всего лишь утверждал, что у нашего сомнамбулического приятеля в ушах масло, и его нужно вытереть.

— Это вранье!

— Это правда!

— Нет, вранье!

— Нет, правда!

Из чайника раздался сдавленный голос.

— Почему бы не попросить джентльмена в колпаке урегулировать разногласия?

Мартовский Заяц и Безумный Шляпник повернулись ко мне.

Я попытался вжаться в кресло, но бутылочки с надписью «Выпей меня» под рукой не оказалось. Господи Иисусе, зачем я ввязался в эту историю? Проклятый Бахус!

— Глубочайшая мысль! — вскричал Безумный Шляпник. — Кто может быть более беспристрастен, чем тот, кто не имеет ни малейшего представления о происходящем!

Сощурив на меня один глаз, Мартовский Заяц сказал:

— Сомневаюсь, что он подойдет. Он как будто что-то ищет. Разве может нам помочь тот, у кого есть миссия?

— Мы уже пытались привлечь мисс из миссии, но она оказалась ни на что не годной.

Мартовский Заяц захлопал в лапы.

— Все понятно! Он ищет Алису!

Соня, схватив одной лапой носик чайника, а другой — ручку, ухитрилась стащить его со своей головы.

— Не думаю. Девчонку какую-нибудь ищет, вот и все.

— Ну, хорошо, на этот случай имеется Королева.

— Или Герцогиня, — добавил Мартовский Заяц. — Обе не

замужем.

— А как же Король?

— Королю нечего делать с Герцогиней. Это грязные сплетни, распускаемые Валетом.

— Так что ж, король не станет возражать, если этот тип захочет жениться на Королеве?

— А чего ему возражать? Муж должен поступать так, как угодно жене, тем более, если он так всемогущ, как Король.

— Что ж, значит решено? Наш друг с сахарной головой сегодня женится на Королеве?

— Непременно.

— Великолепно!

Заяц и Шляпник, взявшись за руки, принялись танцевать и петь.

Плясать и веселиться
На свадьбу мы идем —
Жених башки лишится
Когда-нибудь потом

Соня между тем прошлась по столу и шагнула мне на колени. Я невольно отпрянул от этого мохнатого комочка. Однако сдержался, позволил ей свернуться клубком и заснуть.

Я не осмеливался что-либо предпринимать внутри этой галлюцинации. Я не врубался, как ее воспринимать. В любом случае, я был вполне готов к тому, чтобы в любой момент грохнуться на тротуар под окнами Энн Мари, когда завершится этот амброзбирсианский период маниакальной мозговой активности.

Прекратив паясничать, два странных существа обступили меня с разных сторон.

— Вина выпьете? — спросил Мартовский Заяц.

— Спасибо, мне уже хватит. Вы не могли бы ответить на один вопрос?

— Если только вы его зададите.

— Допустим все, что сказал мне Бахус, было правдой, тогда как же я оказался на фиктивной вечеринке вместо настоящей?

— Фиктивной? Кто сказал, что мы фиктивные? Это вам кто-то небылиц наплел! Вот это, по-вашему, фиктивно? — Мартовский Заяц наклонил голову и дал мне потрогать свое длинное плюшевое ухо.

— Нет, — вынужден был признать я. — Отнюдь…

— А несчастная Соня? Если бы мы были фиктивны, как вы фиктивно утверждаете, разве смогла бы она есть конфетти в вашем кармане, чем она сейчас увлеченно и занимается.

Забеспокоившись, я посмотрел вниз. Хотя глаза ее были

закрыты, Соня каким-то образом залезла ко мне в карман, прогрызла дыру в сумке-хранилище конфетти, и теперь набила ими пасть.

— Эй! — я вскочил на ноги, скинув Соню на землю. Она лежала на спине, апатично двигая челюстями. Вдруг Безумный Шляпник со страшной силой выкрутил мне руки.

— Нельзя так обращаться с тем, кого вы только что отравили!

— Отрубить ему голову!

Появилась Королева со своим двором. Меня почему-то порадовало, что у их карточных фигурок имелось слегка выступающее третье измерение. Это придавало происходящему некоторую благовидность.

Палач в маске двинулся в мою сторону. В руке он держал не топор, а нож для масла, взятый со стола.

— Мне так жаль, что мы сейчас не сможем пожениться, — сказала Королева. — Но я не могу выйти за убийцу, пока он не заплатит за свои преступления смертью.

Я почувствовал, как сталь ножа коснулась моего горла. Резко дернувшись вперед, я взгромоздил Безумного Шляпника себе на плечи. Он летал между карточных фигур, внося сумятицу в их ряды. Я достал рог Бахуса и поднес его к губам. Слышу — Мартовский Заяц кричит:

— Великолепно! Фанфары по случаю собственного обезглавливания…

А потом я исчез.

В неровном свете двух развеивающих сумерки факелов я увидел вывеску над дверью мраморного особняка, гласившую:

если раб, без приказания господского выйдет за ворота, то получит сто ударов

— А, латынь, — послышался сонный голос с моих колен. — Как же мне хочется читать на этом прекрасном языке! К несчастью, в школьные годы у меня развилась привычка засыпать, как только Учитель начинал декламировать Цезаря. И до сих пор, какая-нибудь Крошка Вилли Винки немедленно погружает меня в сонное царство.

Соня, стоявшая на задних лапках, начала облизывать ладонь и водить ей по круглому, не намазанному маслом ушку.

Я не верил своим глазам.

— Что вы здесь делаете?

— Как что, привожу себя в порядок. Меня определенно мазали сырыми чайными листьями! Прошу прощения, если я вас смущаю. А что, там, откуда вы пришли, считается неучтивым прихорашиваться на публике?

Волшебное конфетти Бахуса определенно работало, как и

было обещано. Я надеялся, что все связанное с Безумным Чаепитием осталось далеко позади. Было понятно, однако, что с Соней мы связаны теперь навечно.

— А где латынь-то? — спросил я.

— Как где, на вывеске, где ж еще?

— Это английский.

— Прошу прощения. Я англичанка, и мне хочется думать, что я признала бы соотечественника, встретив его. Нет, это латынь, или я не отношусь к подотряду сонь.

Я оттянул завязку и приподнял шляпу, не снимая ее. Надпись была на латыни. Я снова надел шляпу. Надпись была на английском.

— Ах, черт побери…

Моя плачевная участь предстала вдруг передо мной во всем своем великолепии. Затянувшийся хмель перегорел в моих венах быстрее пороха, и я ощутил неимоверную тяжесть, приклонившую меня к земле.

Я был проклят.

Я больше никогда не попаду в свою родную эру, разве что мимоходом. Это подтверждает вьющаяся во времени и пространстве стезя моих перевоплощений с помощью рога. И преходящая сущность вечеринок, в которые я вынужден был вживаться, уверяла в том, что эти беспорядочные перемещения я буду совершать постоянно. Сколько в среднем длится пирушка? Восемь часов? Ну, положим, день. Мне пришло в голову, что засиживаться до конца вечеринки для меня теперь так же убийственно, как и пытаться покинуть ее пределы в самом разгаре. Нет, как только вечеринка начинает закругляться, при первом же «уже поздно, нам пора, было очень весело» я должен затрубить в трубу и исчезнуть.

Терпеть не могу тусовки! А теперь я был обречен провести за посещением тусовок весь остаток своего чудовищного существования. Летучий Голландец в светском круговороте. Я предпочел быструю и относительно безболезненную — хотя и грязную смерть — жизни среди канапе и коктейлей, крошечных, утыканных зубочистками хот-догов и пустопорожней болтовни, вульгарных студенческих склок и скучных трапез в Белом Доме, между открытиями галерей и празднованиями бармицвы.

Я развернулся и побежал прочь. Насколько может быть тягостна вечная участь новой звезды!

Услышав приближающиеся голоса, я остановился. Я забыл о том, что существуют другие люди. Моя кровавая смерть непременно унесла бы тысячи невинных. Я-то был вполне согласен уйти, а вот становиться орудием массового уничтожения

не хотелось.

Проклятый Бахус!

— Ой, — зевнула Соня, — эта латынь хороша как ромовый пунш, которым вымываешь из глаз песчинки.

Уже привычная близость Сони почему-то принесла вдруг успокоение в виду надвигающихся незнакомцев, и я попытался разбудить ее.

— Нет, не спите, не спите!

— Боюсь… что это… не в моих…. силах…

Свернувшись в клубок, Соня наполнила воздух своим грызуньим храпом. Я быстренько схватил ее и вновь шагнул в полумрак, моля бога, чтобы не пересечь невидимую границу тусовки.

Хорошо это или плохо, но взрыва не произошло.

Шумные визитеры поднялись на широкое крыльцо с колоннами перед дверью особняка. На всех были роскошные цветные подпоясанные тоги, кроме рабов, одетых более грубо и единообразно. Граждане же, явно пьянствовавшие уже какое-то время, напоминали паруса триер под порывом ветра.

Великан, похожий на Зеро Мостела, громко сказал:

— О, Тримальхион! Ты богатый невежа, выбившийся из рабов, манеры у тебя не лучше, чем у камелеопарда, и все же мы выпьем твоего «фалернского»!

— Молчи, Гликон, а то хозяин услышит! — посоветовала пожилая женщина с вопиюще густым для любой эпохи макияжем.

— А мне какое дело? Я ему прямо в его сифозную морду скажу!

— Тише, ради меня…

— Ну ладно, ладно!

Теперь заговорила молодая женщина, явившаяся, кажется, без сопровождающих.

— Все остальные тоже могут войти. Мне еще надо кое о чем позаботиться.

Гликон захохотал.

— Бьюсь об заклад, поставить новый пессарий на твою сладенькую пизденку! У жриц Приапа всегда по горло работы!

Даже жертва грубости Гликона присоединилась к хриплому смеху, хотя в ее хихиканьи сквозило некоторое раздражение. Она огрела его пуком растений, который держала в руках и сказала:

— Квартилла прощает твою гнусную выходку, Гликон. Но я не уверена, что мой Бог настолько же милостив. Приапу очень не нравятся подобные оскорбления.

Гликон побледнел.

— Умоляю, Квартилла, я не хотел тебя оскорбить! Может

быть, я смогу загладить вину, пожертвовал сто сестерциев храму?

— Две сотни сестерциев быстрее загладят гнев олимпийца.

— Отлично, — пробурчал Гликон. — Я пришлю утром раба.

Громадный человек с мечом начал колотить в дверь. Он был мерзкий, как сточные воды и испещрен рубцами, как дряхлое дерево в переулке, где живет твоя возлюбленная. Алкоголь обратил то, что мне казалось природной воинственностью в бурлящую злобу.

— Открывайте, ради Ахилла! Эрмерос, здесь бурлит тусовка!

Дверь распахнулась, и гость набросился на иссохшего привратника в зеленой ливрее.

— Не нужно кричать, граждане, трапеза только что началась. Проходите же скорее, пока ночной воздух не принес мне гибель. Сперва правой ногой, будьте внимательны! — бражники вошли, аккуратно, надлежащим образом переступая порог.

Квартилла, покинутая на крыльце, внимательно огляделась, как будто за ней кто-то следил. Приглушая храп Сони на своей груди, я задержал дыхание, боясь, что она меня заметит. В свете факелов, она, казалось, сошла с полотна Алма-Тадема — богиня прерафаэлитов с иссиня-черными волосами, в шелковом одеянии. Пока я созерцал ее хрупкую красоту, она зажгла свой букет от факела, наполнив воздух благоуханным дымом. Бросив горящие травы на камни, задрала юбки и села на корточки над костром. Плеск струйки мочи, заливающей огонь, наполнил воздух.

— Именем Приапа, Митры и Эйлетии, я приказываю демону тотчас явиться!

Странный порыв заставил меня шагнуть вперед.

Квартилла завизжала и, потеряв равновесие, откинулась назад, ее юбки задрались до бедер. В одной руке у меня почивала Соня, другую я протянул ей. Она пожала ее, несколько боязливо. Когда она поднялась, я сказал:

— Я здесь. Что вам угодно?

Глаза жрицы широко раскрылись от благоговения.

— Не могу поверить, это как сон наяву! Надо же было знать, что это случиться в ночь перед моим последним испытанием! Хотя уже я давным-давно пытаюсь демона вызвать… Но, как бы то ни было, вот он, ты, собственной персоной, знакомый и настоящий. Странно, что ни дыма, ни грома не было.

— Там, откуда я пришел, дым и гром не в моде, разве что когда воздают высшее возмездие, хотя в этом случае мы все равно используем зеркало.

— Нет, пойми меня правильно, я вовсе не жалуюсь. Ты и без этого неотразим, у тебя такой наряд странный и вообще. А что это за веревка висельника у тебя на шее? Не волнуйся, если

стесняешься, можешь не отвечать. Я только вот что хочу сказать — мне и в голову не приходило, что демонам нужно бриться как простым смертным.

— Мне сейчас туго приходится. От меня ушла жена.

Квартилла сверкнула глазами.

— Ну да, конечно. Каждый инкуб должен совокупиться с суккубом.

— Да, она из них, — согласился я.

Квартилла снова схватила меня за руку.

— Ты должен пойти со мной в храм! Если тебя увидит Альбуция, верховная жрица, тогда меня точно ждет повышение! Маменька с папенькой будут так гордиться!

Она попыталась свести меня с крыльца, но я быстро высвободился.

— Боюсь, не получится, жрица. Мне нужно быть на этой вечеринке. Или еще на какой.

Квартилла приложила большой палец к изящному подбородку, а указательный — к уголку рта. Она была совершенно очаровательна.

— Я все поняла, ты пьян.

— Да. Это все Бахус, черт бы его побрал.

— А, этот! Это не мудро — пренебрегать заветами скопца Энарха. Советую тебе во всем ему повиноваться.

— Можно подумать, у меня есть выбор.

— Слушай, а может, после вечеринки? После сможешь прийти?

Мне страшно не хотелось ее разочаровывать.

— Посмотрим.

Она загорелась как греческий огонь.

— Чудесно! Я всю ночь ни на шаг от тебя не отойду! А чтобы никто не распознал, кто ты есть, я выдам тебя за одного из своих провожатых — этакий незваный гость, следующий по пятам за хозяином!

Перспектива сопровождать Квартиллу на вечеринке меня, в общем, устраивала, так что я согласно кивнул.

— Как мне тебя называть? Демоном, конечно же, не стоит…

— Лорен.

— Грубоватое имя. Может, Лаврентиус?

— Сойдет.

Удовлетворенная моим новым прозвищем, Квартилла ловким движением разгладила юбку и постучала в дверь огромного особняка Тримальхиона. Тут же появился морщинистый привратник и впустил нас.

Сорока в золотой клетке, висевшей недалеко от входа,

приветствовала нас стрекотом. Перед нами открылась длинная колоннада, отделанная цветными фресками.

— Видишь злобного плешивого старика, который изображен в каждой сцене? Это портреты хозяина.

— Он, правда, участвовал в Троянской войне и посещал Элизиум вместе с Меркурием?

Квартилла обворожительно повела плечами.

— Когда ты достаточно богат, то можешь воплотить в живописи самую приятную из своих фантазий.

Привратник удалился в свою каморку рядом с дверью и принялся лущить горох в серебристую чашу. Затем перед нами появилось существо среднего рода.

— Евнух отведет вас на празднество, — сказал привратник. — Кстати, этот зверь знает, что не должно гадить на роскошные ковры моего хозяина?

Я совсем забыл, что со мной еще дремлющая Соня.

— Он вполне учтив, хотя чай порой проливает.

— Ну, так смотрите, чтоб на парчу не пролил.

Мы последовали за евнухом по коридору, и вскоре вступили — правой ногой вперед — в роскошную столовую. Огромная, битком набитая комната была освещена несколькими масляными светильниками, свисавшими с потолка. Вокруг главного стола были расставлены полукольцом три больших ложа, а повсюду было множество маленьких стульчиков и кресел. Люди слонялись туда-сюда, смеялись, болтали, пили и поглощали изящные миниатюрные закуски.

Не успели мы войти, как нас окружили слуги. Проворные мальчуганы — одни обмывали нам руки ледяной водой, другие держали золотые кувшины, куда она стекала. Потом нам тщательно вытерли руки. (Соню пришлось посадить на плечо).

Я почувствовал, что с меня стаскивают обувь.

— Эй!

Слуги снимали сандалии и с Квартиллы.

— Они только педикюр сделают, Лаврентий. А что, в царстве Гадеса педикюр не носят?

— На вечеринках — нет.

Как изголодавшаяся приблудная кошка, взятая в особняк Рокфеллеров, Квартилла блаженствовала от уделяемого ей внимания.

— Это неотъемлемый элемент цивилизации. Ах, я, наверное, уже лет пять не была на хорошей вечеринке!

Я решил не мешкать.

— Пошли, пойдем познакомимся с хозяином.

Оба босые, мы прошли по устланной коврами комнате.

Квартилла была явно недовольна тем, что ей не дали как следует сделать педикюр.

— А что, демоны все такие прыткие и нетерпеливые?

— Только те, у которых отняли жен, работу, дом и помешали совершить самоубийство.

— Вот оно что.

Мы оказались около Верхнего Ложа, как назвала его Квартилла. С одного краю возлежал Тримальхион, завернувшись в красный шерстяной шарф — у него, очевидно, был насморк. На фресках его скудные достоинства были явно преувеличены. Рядом с откупщиком лежал Эрмерос: его тога была изгажена ошметками поглощаемых им креветок, а в волосатой лапе он сжимал гигантский кувшин вина. Мы остановились, а он громозвучно рыгнул, затем обвел Квартиллу наэлектризованным до предела взглядом.

— О, моя любимая жрица, — залепетал Тримальхион, — как прекрасно, что ты соблаговолила прийти. Надеюсь, твоя госпожа Альбуция в добром здравии?

— Спасибо за приглашение, достопочтенный господин. Да, моя госпожа передает вам привет, но она за последнее время оказала услуги множеству воинов и немного утомилась, как и все мы, служительницы Приапа. Вы же знаете, что такое легионер, вернувшийся из провинций.

Тут Эрмерос схватил Квартиллу за ляжку, но она ловко вывернулась.

— Иди сюда, прошмандовка! Я покажу тебе, какие бронзовые яйца украшают жезл настоящего солдата!

— Ну вот, — сухо сказала Квартилла, — не обязательно нести службу в сирийских пустынях, чтобы стать идиотом. Иногда достаточно быть обычным плодом кровосмешения.

Позади нас началась какая-то возня, и Тримальхион немедленно потерял к нам интерес. Не успели меня представить, а он взял полотенце в алую полоску с кисточками, заткнул его под шарф и сказал:

— Рад слышать. А теперь усаживайтесь и наслаждайтесь.

Мы устремились к свободным местам на среднем ложе, и я с облегчением снял с себя сопящую Соню. Она порядком отяжелела.

Кушанье, отвлекшее от нас внимание исходящего слюной Тримальхиона, было выставлено на главный стол четырьмя рабами. Блюдо величиной с дверь было выложено по краям знаками Зодиака, каждому из которых соответствовала определенная, имеющая символический смысл пища. Стоявший посреди блюда металлический свод вскоре был поднят, а под ним

оказалась жирная дичь, рыба, будто бы плавающая в соуснице, и заяц с голубиными крылышками, приставленными к спине для сходства с Пегасом. На блюде также находились две-три бесформенных объекта, опознать которые не удалось.

Квартилла схватила меня за руку и радостно завизжала.

— Ух ты, Лаврентиус! Мое любимое кушанье! Свежее свиное вымя!

Весь страх, возбуждение, напряжение и лишения этой безумной ночи и всей прошедшей недели свились у меня в глотке в один сальный узел. Тошнота подкатила к горлу неотвратимо, как скорый поезд. Я попытался встать на ноги, но не смог. Повел головой — и увидел слугу, стоящего наготове с медным сосудом. Потом я начал блевать, и занимался, этим, как мне показалось, целую вечность.

Когда я прикорнул на ложе, слабый и опустошенный, в комнате раздались аплодисменты. Над затихающими хлопками послышался голос Тримальхиона.

— Заграничный гость Квартиллы принимает первые почести! Наградите его лавровым венком!

Появившийся раб накинул мне на голову и на шею венки из растений. Квартилла чмокнула меня в щечку.

— Молодец, Лаврентиус! Поистине инфернальный проблев в самом начале торжества.

Другой раб протянул мне пахнущую сыростью салфетку, и я вытер рот.

— Спасибо. Такого со мной не бывало с самого колледжа.

— Теперь ты готов отведать вымя?

Сдержав еще один, короткий позыв, я ответил:

— Нет спасибо, не беспокойся. Я бы лучше что-нибудь выпил…

— Налейте меду Лаврентию-победителю, — приказала Квартилла, потом проткнула свиной сосок и начала его нарезать.

Я омочил рот медом, потом улегся и стал наблюдать за происходящим. В конце концов, нечасто же выпадает возможность посетить настоящую римскую оргию!

Происходящее, однако, не оправдывало моих ожиданий. Если это низшая точка легендарного упадка Рима, то двадцатый век даст ему сто очков вперед. Собравшихся интересовало, кажется, только поглощение разнообразных яств да пересуды. (Квартилла проводила время в компании самых завзятых обжор за отвратительным состязанием по обмыванию косточек, раскатыванию губок и облизыванию пальцев). Короче, в клубе «Ротари» я видел более безумные трапезы. Напряжение возросло до предела, когда разгорелась ссора между супругами. Она

кинула в него тарелкой, он наклонился, и тарелка чуть не попала в Тримальхиона.

— Ты, сучка!

— Подонок!

Тут вмешался Тримальхион.

— Юлий и Мелисса, как мне жаль! Это была оригинальная коринфская тарелка!

— Прощу прощения, Тримальхион. Но ему поделом. Я застала его в уборной с этой блядью Унотэей!

Певцы пели («Это песенка Асафетиды, дружище», — сообщила мне Квартилла), плясуны плясали, а фокусники фокусничали. После блюда, являвшего собой зажаренного целиком кабана, фаршированного живыми дроздами, на сцену вылезли двое растрепанных крикливых шутов.

— Меня зовут Хайга, а моего приятеля зовут Хатта.

— Он лживый фракиец!

— Ну почему ты так несправедлив, Хатта?

— Ты сказал, меня зовут Хатта.

— А тебя разве не так зовут?

— Ну конечно, так!

— Тогда в чем дело?

— Мое имя это совсем не то, как меня зовут.

— Ах, вот оно что. И как же тебя зовут?

— Буян!

Публика рукоплескала.

— Парадокс, достойный Зенона! — польстил Тримальхион, бросая актерам несколько монет. На протяжении всего вечера я выдерживал поистине неослабевающий шквал свирепых взглядов и рыканья Эрмероса, которого явно не устраивала моя близость к Квартилле. Любое ее движение в мою сторону буквально доводило его до безумия. Несколько раз я уже был готов отразить атаку, которую он, к счастью, так не разу и не довел до конца, удерживаемый, вероятно, соседями по столу.

Алкогольно-пищевой вихрь не утихал всю ночь. Каждое блюдо, о котором с вульгарным упоением возвещал Тримальхион, казалось еще изысканнее предыдущего. Я пил мед чашку за чашкой, пока зрение и слух не начали сдавать, как и функции нервной системы, из-за которой я потерял — потеряю — работу две тысячи лет спустя.

Я почему-то решил, что было бы здорово преклонить голову на колени Квартиллы и заснуть — и не важно, как на это посмотрит Эрмерос. Но эта идиотская шляпа. Я снял ее и надел на голову Соне, чтоб не потерялась. Болтовня превратилась в бессмысленное бурчание, погрузившее меня в туманную дрему…

Я очнулся от вопля Сони. На столе стояло последнее подношение кухни Тримальхиона — маленькие грызуны в засахаренной глазури — они были раз в десять меньше моей Сони, являясь точной ее копией во всем остальном.

Соня забормотала на латыни. Я снял с нее шляпу и надел на себя. Теперь я понимал и ее английский, и латынь всех остальных.

— Какой сейчас месяц? Какой сейчас месяц? — вопрошала Соня.

— Как какой, сейчас месяц квинтилий, — неуверенно ответила Квартилла на мой вопрос.

Я передал Соне.

— Но ведь он не заканчивается на «О», — запричитала она. — Ах, как же они могли так жестоко обойтись с моими кузенами, даже не дождавшись октября!

— Октябрь тоже не заканчивается на «О».

— Он хотя бы с него начинается!

Когда мы с Соней заговорили, все в комнате притихли. Некоторые показывали мне рожки, от сглаза. Тишину нарушил нетвердо стоявший на ногах Эрмерос.

— Это колдун, злой колдун! Иначе как такой ханурик мог очаровать жрицу? Его нужно убить, чтоб освободить ее! — Эрмерос достал меч и грозно двинулся в мою сторону.

Я полез за пакетиком волшебного конфетти, достал его, умудрившись высыпать чуть-чуть на Квартиллу — через дырочку, которую прогрызла Соня. Потом поднес ко рту рог.

— Он собрался призвать на помощь духов! — завопил Эрмерос, и неуклюже навалился

на наше ложе. Хорошенько дунув в праздничный рог, я увидел, что один кружочек конфетти упал с плеча Квартиллы на Эрмероса.

Вот дерьмо-то, подумал я.

После масляных светильников Тримальхиона свет солнца казался таким ослепительным, что в первый момент я ничего не увидел. Я надеялся только, что Эрмерос — если он, в самом деле, отправился с нами — испытывает те же неудобства.

Не почувствовав вонзающегося в мои ослабелые кишки меча, я предположил, что злобный солдафон щурится и трет глаза так же яростно как и я. Когда, наконец, я обрел зрение, откуда-то неподалеку раздался отчетливый звук электрогитары, а по другим привычным звукам я заключил, что мимо нашей компашки двигаются неиссякаемые потоки людей.

Я, наконец, прозрел.

Квартилла кружилась на месте, открыв рот от удивления.

Эрмерос неуклюже возил рукой по своей недоверчивой обезьяньей физиономии, клинок его был воткнут в землю. Соня беззаботно почивала у меня на ноге, забыв о печальной участи своих кузенов. Мы оказались в каком-то современном городе, у ворот парка. Толпы людей, в основном молодежи, шли мимо нас и опускались на траву. Кто-то, проходя мимо, швырнул в урну газету, и я подобрал ее. Это была «Сан-Франциско Оракл». Набранный крупными буквами заголовок гласил: Сегодня первый всенародный БИ-ИН!

Это был 1967 год, через десять лет я родился — или рожусь. Лето Любви.

Квартилла прекратила кружиться и с улыбкой уставилась на меня.

— Лаврентиус, это же великолепно! Ты перенес нас в свою подземную обитель!

— Да, почти, плюс минус пара десятилетий и ширина континента.

— Не думала я, что в царстве Плутона так чудесно! Вот расскажу Альбуции о своих похождениях!

Я мгновенно раскаялся, что вытащил бедняжку из ее родного времени и пространства. Что заставило меня надолго оторвать ее от дома, как не жажда приятной компании? И как же ей признаться в том, что я натворил?

— Да, видишь ли, Квартилла — бля-а-а!

Клинок Эрмероса коснулся моего горла. Растерянно сглотнув, я ощутил сталь в нескольких микрометрах от кадыка.

— Ты, демон! — прошипел солдафон. — Мерзкий демон! Немедленно верни нас в Рим, или я проткну тебя насквозь!

— Послушай меня, Эрмерос, это не так просто, как тебе кажется…

Он надавил.

— Никаких оправданий! Быстро!

— Не могу!

У Эрмероса на спине, похоже, таились такие же кнопочки, как у Энн Мари. Недовольство на его лице мгновенно сменилась бешеной яростью.

— Тогда порази меня проклятье, а тебя — смерть!

Я закрыл глаза и попытался прочесть молитву.

— Эй, приятель, кончай дурака валять!

— Во-во, братец. Остынь.

Я открыл глаза. Эрмероса скрутили двое неизвестных. Волосы у обоих доходили примерно до пупка, а на лицах были нарисованы цветы и «пацифики». На одном был цилиндр, а другой щеголял в бандане, с которого свисали тряпочные заячьи

уши. На том, который в цилиндре, была мятая рубашка и хлопчатобумажные клеши, а на втором — надетый прямо на волосатую грудь меховой жилет и узкие бархатные брюки.

— Этим ножичком ты мог кого-нибудь серьезно поранить, — изрек Цилиндр.

— Ты что, не знаешь, что сегодня надо на солнышке кайфовать?

Вид хиппи, похоже, поверг Эрмероса в состояние ступора. Обретя, наконец, дар речи, он сказал:

— Я видел нагих и вымазанных синим жрецов, видел кишащих вшами сирийских отшельников, разлагающихся под палящим солнцем. Но я бы маму родную в рабство продал, если когда-нибудь видел таких выблядков как эти двое, призванные тобой, чародей. — Собравшись с духом, Эрмерос приготовился к атаке. — Хоть они и разорвут меня на кусочки, но я так просто я не дамся!

Цилиндр обернулся ко мне.

— Что он говорит, приятель?

— Он очень рад вас видеть, но по-прежнему намерен меня прикончить.

Заячьи Уши цокнул языком.

— Как-то это совсем не клево.

— Голяк.

— Напряжный город.

— Вот так измена.

Заячьи Уши засунул в рот два пальца и громко свистнул. Из толпы выскочили двое громадных Ангелов Ада, бородатых и затянутых в кожу. Они схватили Эрмероса за руки, прежде чем тот успел дать отпор. Я облегченно вздохнул. Потом быстро сообразил, что надо сказать:

— Он немного перебрал. Вы подержите его чуток, а, ребят, пока его не отпустит? И вот еще что, не уводите его из парка, ладно? — Мне меньше всего хотелось уничтожать Сан-Франциско в такой счастливый судьбоносный день.

— Ладно, чувак, — пробурчал один из Ангелов. — Нас тут поэтому и держат.

И они повели сопротивляющегося Эрмероса прочь.

Я понимал, что это лишь временное облегчение. От привязанного ко мне силой конфетти Эрмероса не отделаться. И все же приятно было избавиться от него, хотя бы ненадолго.

Бледная от испуга Квартилла оцепенело смотрела на происходящее.

— У тебя здесь могущественные слуги, Лаврентиус. Я поражена, что мне удалось вызвать такого всесильного демона,

как ты.

— Ты выглядишь подлинным украшением этого сборища, — сказал я.

Жрица Приапа залилась краской.

— Никто мне еще так не льстил. От мужчин я слышу в основном «то-сё-туда-сюда-спасибо-богиня».

— Ну, от меня ты такого точно не услышишь, — заметил я. А про себя добавил: «Главным образом, потому что между нами ничего не было».

Кто-то робко кашлянул. Я повернулся к хиппи, они смущенно улыбались.

— Ну что, чувачки, будете с нами оттягиваться? — спросил Цилиндр.

— А как же?

— Отлично! — воскликнул Заячьи Уши. — А видок у вас, кстати, подходящий!

Я осознал вдруг, на кого похож. Босой, в завядшем венке, заросший щетиной, заблеванный, в сопровождении девицы, обернутой в простыню. Однако я почему-то вписывался.

— Мы, кажется, еще не познакомились, — сказал Цилиндр. — Меня зовут Флетчер Платт, а это мой друг Лионель Стокли Дэвид ван Кэмп, счастливый обладатель наследства овощных консервов, известный также под именем ЛСД. — Флетчер снял цилиндр и поклонился Квартилле, а ЛСД поцеловал ей ручку.

— Я Лорен, а это, гм, Квартилла.

— Клево. А как насчет крысы?

Я совсем забыл про Соню.

— Она, в смысле, оно — это копибара. Самый крупный грызун. Происходит из Южной Америки.

Хипы с сомнением посмотрели на сопящую Соню.

— Так ее может надо это, типа на привязи держать, чувак? — спросил ЛСД.

— Нет, он — оно совсем ручное.

— Ништяк. Слушайте, так чего ж мы ждем? Давайте чего-нибудь учиним!

И мы учинили.

Пробираясь по быстро заполняющемуся народом парку, с привалившейся ко мне Соней я почувствовал некое подобие свободы. По сравнению с квартирными тусовками, неизменно вызывающими клаустрофобию, этот крупномасштабный би-ин на свежем воздухе, под солнцем и небесами, казался раем.

— Мы взяли хот-догов на лотке (Квартилла нерешительно попробовала хот-дог, потом съела его со смаком, а Соня сожрала мой почти целиком, не просыпаясь) и двинулись к Холму Хиппи,

откуда можно было увидеть все, что происходило внизу. По дороге я все ждал, не появится ли Бахус. Он ведь непременно должен появиться на такой мощной тусовке. Вот бы его встретить, тогда он, возможно, освободил бы меня от своих чар. Но там был кто угодно, кроме него. По моим подсчетам, там было несколько тысяч человек, однако я не заметил, чтоб у кого-нибудь лилось вино из ладони.

Добравшись до вершины холма, мы плюхнулись на траву. Внизу грохотала группа.

— Это кто? — спросил я.

— Чувак, ты, вообще, откуда взялся? — Ты что, не узнаешь «Куиксильвер Мессенджер Сервис»?

Я покачал головой, потрясенный.

— Ну и история. Это как на Вудстоке.

— История? Вудстэк? Ну и накрыло тебя, чувак!

Квартилла, была, похоже, очарована музыкой, и я объяснил ей, кто играет. Хотя по латыни это вышло забавно.

— Вестники Меркурия? Какая честь! — Она начала раскачиваться в такт музыке.

Я снова лег на траву. Одному богу известно, где я в итоге окажусь. Хоть бы на минуту расслабиться. Как будто поняв, о чем я думаю, явился ЛСД. Он размахивал косяком.

— Хочешь затянуться, приятель?

— Мега-расколбас, чувак?

— Чего?

— А, ну ладно давай.

Довольно скоро, после того, как по кругу прошел третий косяк, день стал прозрачен, а все мои заботы исчезли.

Квартилла хихикала.

— Я чувствую себя дельфийским оракулом.

— Эй, чувак, — воскликнул ЛСД, — я врубился! Эта ганджа возвращает мою школьную латынь!

— Даже Гусеница, уж на что грубиянка, а дает мне иногда пососать свою трубку.

Спавшая у меня на бедре Соня проснулась и привстала на локотках. Флетчер и ЛСД ошалели после первого же ее слова. Глаза у них были величиной с блюдце на Безумной Вечеринке.

ЛСД пришел в себя первым. Он медленно протянул руку, предлагая Соне косяк, она взяла его, глубоко затянулась, отдала обратно.

— Благодарю, сэр. Я уже говорила, что вы напоминаете одного моего знакомого?

ЛСД хорошенько запарился.

— Оттяжно, чувак. Более чем. Как ты там говоришь?

— Мега-расколбас?

— Точно!

ЛСД прикурил новый косяк от старого, и теперь мы курили впятером.

Денек был безмятежный. Кто-то пришел, принес холодного пива. Кто-то преподнес нам дар — банку сжатого воздуха с приделанным к ней рожком. Флетчер и ЛСД начали по очереди извлекать звуки, пока не устали.

Когда опустились сумерки и би-ин начал закругляться, мной овладела меланхолия, остальными тоже.

— Чувак, ты хочешь, чтоб этот день никогда не кончался? — вопросил Флетчер в манере, которую ошибочно считал риторической.

Я все еще был слегка под кайфом.

— Ты хочешь, чтобы жизнь была одной большой тусовкой?

— Ну, чувак, кто ж не хочет? — Я достал из кармана конфетти. — Я в силах осуществить ваше желание, ребята. Я посыплю вас этой волшебной эльфийской пылью, — что и сделал.

— И как только я протрублю в рог — я показал им рог — начинается ваша нескончаемая тусовка.

Хипы хихикнули.

— Ну, ты, чувак, совсем выпал.

— Сейчас сам увидишь, — начал я, но тут почувствовал спиной холодную сталь.

— Вот я и добрался до тебя, чародей! — сказал Эрмерос.

Я поднес рог к губам, но Эрмерос ткнул меня острием.

— И не пытайся!

Флетчер шагнул вперед.

— Дай-ка я.

Он взял у меня рог и засунул его в банку с воздухом. Потом нажал на кнопку.

Волшебный рог начал трубить, и вселенная взорвалась. Все когда-либо происходившие тусовки проносились мимо как в кино, где миллион кадров сменяется за минуту. Я танцевал на «Титанике», участвовал в пикнике с двумя французами и обнаженной женщиной, был зрителем, пьющим шампанское на поле битвы Наполеона, танцевал буги в «Клубе 54», был в древнеегипетском храме, на балу в России. И это лишь в первую пикосекунду.

Собравшись с последними силами, я попытался развернуться. Все равно, что пробираться через патоку. Я мог двигаться только в те наносекунды, когда пробирался сквозь сверкающие тусовки.

Я был подобен рассыпающемуся камню, я вертелся, чтобы явиться перед Эрмеросом.

И, пройдя через миллиард тусовок, я предстал перед ним.

Тогда рожок замолчал. Флетчер, видимо, все-таки отпустил кнопку.

Нас окружили динозавры. Кажется, Тиранозавры Рекс. Они танцевали, сотрясая землю.

Точнее, они тусовались.

Эрмерос был ошеломлен, но я был беспощаден.

— Тут не до смеха, — посоветовал я ему. Потом я его со страшной силой толкнул, прямо за круг зверей.

В это же время, я закричал Флетчеру:

— Играй!

Рог зазвучал, как раз вовремя.

Радиоактивное излучение от взрыва Эрмероса пробросило нас через тысячу рамок, заставив закрыть глаза. Но оно нас так и не затронуло.

— Mea culpa,[6] чувак.

Тишина. Благословенная тишина. Наверно, в банке кончился воздух.

Я робко приоткрыл один глаз, затем другой. Флетчер держал в руках разбитые останки волшебного рога, который распался из-за того, что в него слишком долго дули. А находились мы — как я с изумлением обнаружил — в апартаментах Энн Мари, на встрече Миллениума, которая, похоже, была в полном разгаре.

Я провалился в кресло.

— Прямо к старым проблемам. Измена, чувак.

Выбежала Энн Мари, бойкая как обычно.

— Лорен, я так рада, что у тебя получилось.

— Не шути со мной, Энн Мари. Ты не представляешь, что я испытал.

— Ну конечно, как же я могу представить? Я же не видела тебя двадцать лет, с тех пор как той ночью ты так круто вырубился, напугав меня до смерти!

— Двадцать?

Я посмотрел на хозяйку повнимательнее. Действительно, у нее на лице стало гораздо больше морщин. Так что в итоге я вернулся не туда, откуда ушел. Из чего следовало, что я по-прежнему потенциально взрывоопасный оккупант, не имеющий возможности убежать. Как только закончится эта вечеринка, во мне и в моих спутниках проснется новая сила, способная разнести вселенную.

Я склонил голову.

— Простите все. Правда, простите.

— А чего ты хнычешь? — спросила Энн Мари. — Клянусь, ты, наверное, единственный человек на земле, который сейчас не

кайфует!

— Как это?

— Видишь ли, в чем дело. С тех пор как нервные — эти, ну как их там — взяли на себя всю работу и управление, длится одна большая вечеринка!

Я поднял глаза.

— Ты хочешь сказать, что никто больше не обязан работать?

— Ну конечно! Сплошное веселье, веселье, веселье, от рассвета до заката, в любой точке земного шара!

Я повернулся к Флетчеру и ЛСД, которые стояли рядом, недоумевая.

— Ребята, это та самая бесконечная вечеринка, которую я обещал. Простите, что путь был нелегкий.

— Клево.

— Прикольно.

— Где препараты?

Энн Мари взяла обоих хипов за руки.

— Именно так. И Лорен, постарайся ловить кайф! Кстати, мальчики, мне жутко нравится ваша одежда!

Впервые с начала знакомства мы с Квартиллой остались наедине. Если только соседство с похабной игрой в «бутылочку» на раздевание можно назвать уединением. Я взял ее за руки и посмотрел ей в глаза.

— Восславим Бахуса, — только и смог сказать.

— Ага. А я с удовольствием научу тебя это делать.

По пути в спальню, я услышал окрик Сони:

— А это чё там булькает, кальян, что ли?

Стив Айлетт
Это только начало

В то утро появились странные огромные корабли, медленно закрывшие собой небосклон. А профессора Скайчума согнали со сцены в тот самый момент, когда высказанные им опасения уже начали подтверждаться. Они уже здесь!

Скайчум когда-то был так надежен, что его можно было запросто использовать в качестве эталона — астрофизик до мозга костей. Политикой не интересовался — не отличал Маркса от Рэнда, потому что и тот, и другой носили брюки. Но вот однажды днем у него случилось видение, о котором он не смог умолчать.

Миллениум в тот год никого особо не вдохновлял и поднялся спрос на сумасшедших, которые должны были заполнить потоками фальшивых эмоций последние недели, оставшиеся до смены веков. СМИ сочли, что Скайчум подходит по всем статьям — на самом деле они просто хотели заткнуть им дыру.

Что за чушь он нес! В его концепции были слабые места, к тому же он сам признавал, что идея посетила его после того, как он впервые увидел мутировавшую голову Скрэппи Ду.

— Этот пес — гидроцефал! — проговорил он, так сильно наклонившись вперед, и так устрашающе скосив глаза, что ненароком прорвал узкие границы местного пространства-времени. В точке сопряжения возникли помехи, и все кругом предстало перед ним в виде истекающего лавой ландшафта. Он понял, что смотрит на духовный слепок недавней истории, болезненной и едкой. Зеленые потоки струились во тьме. Их неуловимые мерцающие траектории подавляли его своей незавершенностью. Они сходились в выгребной яме, наваливая в кучу все неискупленные грехи. Содержимое образовавшейся отхожей ямы было настолько токсично, что начало взрываться вовнутрь и в его сердцевине возникла черная пустота.

Каждая деталь содержала в себе целое. Скайчуму удавалось одновременно видеть устройство Вселенной и на метагалактическом, и на субатомном уровнях. Изучив картину под увеличением, он обнаружил, что линия зла исходит из двух пунктов, связанных, однако, с одним и тем же событием — нападением на Пирл Харбор. Один источник — японское правительство, другой — распоряжение Рузвельта игнорировать любые предупреждения о налете. Зараженный поток состоял из крошева 4.575 человеческих тел. При быстром снижении увеличения это историческое событие растворилось в плотности

окружающих элементов, и постепенно превратился в малозначительный виток в воронке, возникшей на поверхности гигантского извержения мерцающих психических отбросов. Миллиарды таких струек просачивались в каждое уплотнение потока сверхплотных отбросов, с грохотом двигавшихся через многомерную свалку негодного хлама. Как же ему хотелось, чтобы на этом все закончилось.

Дальнейшие попытки воспроизвести его случайный прорыв в мировой эфир привели исключительно к появлению кадров, на которых безумный, еле держащийся на ногах старикашка — запоминающийся и удобный для манипулятивных СМИ образ, без усилий впаренный MTV заодно с цветными кадрами фиглярствующего Эйнштейна. Да и голова у Скайчума была такой формы, что хоть шляпу с пропеллером на нее напяливай.

Скайчум появлялся всюду, где его готовы были выслушать. Ни один уважающий себя журнал не публиковал его опус «Место отвергнутой ответственности в многомерном пространстве». Один редактор так и сказал: «Любой говорящий о стадном поведении не заслуживает внимания». Другой остановил его на улице, с ухмылкой прочитал нотацию, которая потонула в шуме транспорта, и поставил на тротуаре смачную пенную точку. Когда Скайчум выступал в ток-шоу, его появление предваряла таинственная музыка, исполненная на терменвоксе. Первый раз получилось как обухом по голове. «Тортом в морду — этот малый заявляет, что у него на заднице фломастером нарисована Седьмая Печать и что он не напрягаясь вызовет апокалипсис среди ясного неба. Приехал сюда аж из самого Нью-Йорка — доктор Тео Скайчум, добро пожаловать!» Вежливые аплодисменты и первые смешки. Ведущий был не в меру болтлив и двигался к своему концу, как надрывающий живот всадник на Стене Смерти. Как он попал сюда — вот что все пытались понять.

— Доктор Скайчум, вы полагаете, что после наступления миллениума пришельцы монополизируют канализационные сети — а какие у вас доказательства?

В паузе между смешками слушателей Скайчум промямлил, что это вовсе не его теория.

Скайчум выглядел очень серьезно, что придавало происходящему характер фарса. Ведущему внезапно страшно захотелось поиграть на бонгах, и он начал колотить по двум игрушечным летающим тарелкам. Скайчум был озадачен.

Он понял, что среди гостей есть завсегдатаи, готовые с легкостью ввязаться в обмен безобидными подколами.

— Но послушайте, Рэй, история вашей жизни напоминает краткую энциклопедию обломов.

— Знаю, Билл, но мне нравится моя жизнь.

— Вы обещали нам сегодня что-то исключительное, а что же именно?

— Хотите верьте, хотите нет, Билл, но я выдра.

— Я так и знал, Рэй.

Его слова словно сдуло этим ветром болезненного острословия, но Скайчум не мог ничего поделать с духом, царившем на телевидение. Он пытался в тон начинать с какой-нибудь легкомысленной шуточки насчет человечков с фасеточными глазами, но заканчивал воплем:

— Идиоты! Выбили почву у себя из-под ног! Угнетение также способствует эволюции, как и все остальное.

Даже на серьезных шоу его обычно не понимали. В передаче «Горькая правда», посвященной новостям, в течение часа удивлялись тому, что, оказывается, существуют анти-правительственно настроенные сервайвалисты. Они делали это уже в двадцать седьмой раз, и то, что Скайчум с раздражением, а потом и в слезах, талдычил фразу «это и ребенку известно», было воспринято, как попытка украсть у всех головокружительную сенсацию. А когда на экране появилось его заплаканное лицо, которое то стиралось, то проявлялось вновь, и он спросил: «Можно ли достичь дна очевидности?», то ему инкриминировали превращение дискуссии в балаган. Телевизионный евангелист обвинил его в том, что он «безнравственно копаться в том, что причиняет нам невыразимую скорбь», а когда Скайчум посоветовал ему остыть, тот проклял его, пригрозив в будущем какими-то невнятными карами. Это была скучнейшая возня, непоправимо бессмысленная. Прозрения Скайчума в очередной раз прозвучали как нечто постыдное.

Тем более, что в пророках недостатка не было. Один парень настойчиво утверждал, что вирус миллениума выведет из строя программы виртуальных секс-кукол, которые начнут отказывать пользователям, на том основании, что все они — столетние старцы без гроша в кармане. Другой утверждал, что регулярно общается с духом Абрама Линкольна.

— Мое общение с этим шепелявым кретином не обогатило меня никакой мудростью, — сказал он. — Однако я счастлив.

И чихнул как вредный жук, опыленный дустом с самолета, обхаркав ведущего.

Радикально мыслящие обозреватели были способны лишь вопрошать: а что, собственно говоря, празднуется? Скайчум понял, что ему хочется уйти. Но даже он вынужден был признать, что это событие — крайне важное, ибо знаменует то, что человечество так долго прожило и так мало чему научилось. Это

прозвучало как открытый призыв к бунту, и по лицам забегали плутоватые ухмылки. Всех этих людей связывало между собой общая тяга к выпендрежу на публике и любовь к самодовольной расслабленности. Наконец, Скайчуму просто захотелось стать одним из них. Но как только он понял, что откровение ускользает от него, ему показалось, будто злобные огоньки, вспыхивающие в глазах у этих людей, претерпевают красное смещение, как будто он смотрел на Землю с точки зрения обитателя какой-то цивилизованной планеты, от которой эта самая Земля стремительно удаляется. И его способность смотреть в будущее вернулась с интенсивностью лихорадочного бреда.

Он мчался сквозь духовный навоз, выглядевший как мириады стекавшихся в одну точку струек едкой жидкости, скручивавшихся в огромный грохочущий водоворот отвергнутой мирозданием гнили. Приближаясь, Скайчум увидел, что вокруг котлообразной ямы, подобно стальным шарикам вокруг колесной втулки, скопились крошечные сверкающие предметы. Они зависли в полной неподвижности на краю медленного мальстрема. Эти стражи вселили в него крайнее беспокойство, и он решил изучить их под увеличением. Вот они, на краю божественно-недосягаемого водопада изменчивости. Космические корабли.

Какая нелепость. Это были они.

— Если бы мы отнеслись к нашим страхам честно, как взрослые люди, — сказал он клоуну с лиловыми волосами, заправиле одного публичного телебалагана, — а не избегали, отвергали и пытались забыть их, то энергия этих переживаний была бы поглощена сознанием. А пока что мы обращаемся с ними, как с нашими ядерными отходами — выбрасываем их куда-то, и они нас больше не интересуют. Самые недавние отходы вернутся первыми.

— Последними туда, первыми сюда, во! — мрачно сказал клоун.

— Именно, — сказал Скайчум.

— А я хотел бы помочь вам, — с бесцеремонной искренностью заявил клоун. — Но я всего лишь клоун.

Вот до чего он докатился. И это все наяву? Он что, спятил?

За несколько дней до того как над Таймс Сквер навис первый шар, Скайчум скрылся ото всех. Опущенные шторы, пустые бутылки. Он лежал на спине, его угнетало всеобщее безразличие. Слишком жестокая расплата за потревоженный улей. Власти даже не взяли на себе труд его демонизировать. Было очевидно, что он посмел воспринять свое безумие всерьез и сделать его общественным достоянием. Мог ли он уйти, начать жить заново?

Все кругом казалось до странности живым и колючим. Шаря глазами по потолку, он снова увидел сто тысяч граждан Гватемалы, убитых американскими наемниками. Позже это подтвердится, но как он мог знать об этом до того, как его посетило видение? Он смотрел только «Си-Эн-Эн». Не в силах совладать с думами, Скайчум встал с постели.

В этот момент зазвонил телефон. Парень с ТВ обвинил его в банальности — и сквозь смех объявил, что у того есть возможности искупить грехи, возвестив народу какую-нибудь околесицу. Скайчум согласился — он был слишком вдохновлен, чтобы протестовать.

Шоу называлось «Шарики за ролики» и на него мог попасть любой городской сумасшедший, согласный хорошенько посотрясать воздух в часы, оставшиеся до начала нового века. Взаимные проклятия невменяемых проповедников и мрачных витий подкреплялись древними эликсирами и озверелой требовательностью режиссера. В полночь один из шутов будет коронован Королем Уродов. За критерий бралась экстремальность и бесстыдство по отношению к святыням общества. Стать объектом насмешек или получить титул короля всех ходячих посмешищ — Скайчум дивился, с какой готовностью дурак готов бахвалится своей дуростью. И у него, похоже, тоже имелся шанс. Стоит ли ожидать высшей справедливости, если в забеге участвуют одни уроды?

Глаза ведущего были как изюминки, и служили исключительно для того, чтобы прикрывать отсутствие лобных долей. С покровительственным интересом, он общался с появлявшимися из огромной банки сырных шариков (реклама спонсоров) гостями.

Человек с прутиком в руке говорил о миллениуме.

— Я могу сообщить вам лишь то, — сказал он, располагая слова подобно лисице, запутывающей следы, — что он будет обескураживающим. И очень, очень дорогим.

— Для меня? — спросил ведущий, и публика взревела.

— Для меня, — сказал человек, и все высыпали в проходы.

— Привыкайте гримасничать по-обезьяньи, — изрек другой гость. — Для того чтобы достичь просветления, требуется развивать лицевую мускулатуру

После чего он выволок из-за кулис верещащего шимпанзе, уверяя всех, что обезьяну зовут Рамон, вытолкнул его на арену, и добавил:

— Вот так.

Скайчум сказал ему, что он играет в опасные игры.

Старик с ввалившимися глазами зачитал приговор.

— Закат бороды был закатом современной цивилизации.

— Каким образом?

— А таким, что отращивая бороду, тратишь время. Теперь уймите эту странную грусть: давайте опалим ноги спичками и громко закричим.

— Я… я прошу прощения… что…?

Старикан начал отплясывать на столе джигу, из его пересохшего горла неслось кудахтанье.

— Дать ему по башке, чтобы прекратил плясать, — прошептал кто-то из операторов.

Другим участником оказался инспектор манежа в Цирке Лобстеров, который хлестал бичом на глазах у всех этих безответных существ — так, будто они являлись порождением сатаны.

— Придет времечко, — объявил он, — и эти мамочки смолкнут.

И тут же огрел кнутом лежавшего рядом лобстера, раскроив его на две части.

Девочка прочла стихотворение:

за ответами мухи-навозницы
мухи-скромницы,
моей воли девичьей
исполнительницы

Какой-то тип, не меняясь в лице, сообщил, что отрыжка — это новый язык. Другой продемонстрировал окаменевшую лепешку помета мамонта, и заявил, что она «просто ждет своего часа». Другой всего лишь настаивал, что носит в груди «горящее сердце» и считал, что это должно уравновесить или перекрыть все остальные недоразумения.

И тут настала очередь Скайчума, которого ведущий считал самым крутым среди всех, кто явился сюда со своими бреднями. Пожилой мужчина начал излагать какое-то свое грандиозное открытие, и лицо ведущего постепенно приняло выражение стены, только что покрашенной водоэмульсионной краской.

— Никто не свободен, пока все не свободны, правда же? — попытался он отделаться дежурной фразой.

— Пока хоть кто-нибудь не свободен.

— Марсиане, лишенные воздуха, до сих пор задыхаются в городе с разрушенной геодезией, — изрек ведущий, обосновав это заявление, не более чем и предыдущий риторический вопрос.

После того, как все похихикали над растерянно молчавшим Скайчумом, он продолжил:

— А эти марсиане, что они имеют против нас?

— Не марсиане, а метаверсальные существа гиперкосмоса, который мы используем в качестве шкафа, где мы прячем наши семейные скелеты. Наши просроченные страхи, от которых мы отмахиваемся ложными заявлениями о том, что урок нами усвоен, возвращаются к нам все с меньшим и меньшим интервалом

— Не понимаю, — с некоторым вызовом сказал ведущий.

— СМИ считают, что каждая проблема должна быть решена любой ценой, но это чересчур человеческая логика.

И вновь Скайчум своим кладбищенским слогом достиг цели — повсюду раздались усмешки, а он хмурился, как шеф-повар на кухне.

— Отвергать проще, чем учиться.

— Так вы призываете к апокалиптической резне?

— Я — не призываю…

— Попроще, для профанов, — насмешливо вскинутые брови расплылись и исчезли, — как же эти тела могут дрейфовать в «гиперкосмосе»?

— Любая форма, содержавшая в себе жизнь, имеет соответствующее отражение в сверх-эфире — если ее вынудить к возвращению в физическое состояние, то тогда эти эфирные отражения материализуются.

— Ух ты! — закричал ведущий, придя в восторг, и зал разразился аплодисментами — это была та самая ахинея, ради которой они сюда и пришли. — А почему они должны появиться именно сейчас?

— Те, кто взялся за эту задачу, начали существовать параллельно нашей цивилизации.

Как тонко, как поэтично!

Публика одобрительно загудела, воодушевленная искренностью представшего перед ней психа.

— Когда тебя игнорируют, это хорошо тем, что правду можно говорить безнаказанно.

— Но я считаю вас обманщиком, доктор Скайчум. У порядочного человека от этих словесных манипуляций волосы встают дыбом. Потрясут ли эти замогильные образы публику? Сомневаюсь. Где здесь тьма, где свет?

Скайчум склонился вперед, дрожа от волнения.

— Вы считаете меня злым и разгневанным на мир. Но нельзя бить лежачего, а миру поступает со мной именно так.

Тут ему на голову вскочил шимпанзе Рамон, вопя и колотя лапами.

— Доктор Скайчум, — сказал ведущий, — если вы правы,

тогда я обезьяна.

Инспектора ринга в Цирке Лобстеров объявили победителем. Человек с пылающим сердцем помер от тромбоза, а человек с окаменелым пометом метнул его в аудиторию и бросился наутек. Для церемонии коронации был сооружен престол в форме половинок гигантского ролика. Скайчум почувствовал облегчение. Проявил он себя достойно. Лакомился желе и мороженым, выставленным в кулуарах для участников конкурса. Даже плотоядные гримасы шимпанзе заставили его улыбнуться. Он подошел к победителю с добрыми намерениями.

— Поздравляю, сэр. Эти ваши лобстеры — серьезная угроза человечеству.

Победитель печально посмотрел на него.

— Я люблю их, — прошептал он, и тут же был сбит с ног группой косметологов.

В самый ответственный момент Скайчум, засунув руки глубоко в карманы, покинул студию, воспользовавшись боковым выходом. В широкополой шляпе, скрывавшей от него небеса, он двинулся по узенькой улочке, над которой вместо небосвода теперь нависали днища космических кораблей.

В последний час, когда простофиль насильно загоняли на чертовы колеса, а тех, кто истинно праздновал, арестовывали на пешеходных улицах, с неба спустились сотни многомерных кораблей, с которых свисали щиты, где было написано, что можно делать, а что нельзя. Скидывая маскировку, они вспыхивали в верхних слоях атмосферы как новые луны. Теперь они заняли позиции над столицами всех стран мира, и ускользнуть от них было невозможно. Армада исполинских, затмевающих свет кораблей, шириной в пятнадцать миль каждый, двигалась по небу, словно медленно закрывающаяся крышка гроба. Над Нью-Йорком навис дрейфующий город, геометрия которого, имеющая форму многолепесткового цветка, угадывалась только по доступным глазу деталям, видимых из глубоких ущелий улиц. Серые иероглифы на нижней стороне были на самом деле шпилями, надстройками и зданиями высотой с небоскреб. Главный глаз — скрытая тенью вогнутая поверхность шириной в милю — завис над центром города, как парящий пейзаж, зависший неожиданно, подобно раскату грома в ясный день, а другие такие же летающие города заняли позиции над Лондоном, Пекином, Берлином, Найроби, Лос-Анджелесом, Кабулом, Парижем, Цюрихом, Багдадом, Москвой, Токио и другими истероидными мегаполисами. Один аппарат завис над самым Белым Домом, похожий на перевернутый собор. В утреннем свете они казались безмолвными, неподвижными механизмами.

Прочными, незыблемыми как солнце.

Президент, человек с волосами цвета подтаявшего айсберга, кое-как натянув улыбку, заговорил о необходимости проявлять сдержанность и о путях спасения. Повсюду царили нервозность, страх и растерянность. Уличное движение остановилось. Фанатики веселились. Если никто не помнил слов старика, то хотя бы имя его запомнили, — одна девочка высоко подняла транспарант с надписью «Я СКАЙ ЧУМ». Тяжелая атмосфера сгустилась над застывшими в ожидании городами.

Над Белым домом раздалось поскрипывание. Открывался центральный глаз корабля. Створки, подобные серебряным крыльям насекомых, затрещали. Терлись, издавая скрежет, массивные стальные двери.

Это происходило по всему миру, серебряный цветок раскрылся над Парламентом, Уайтхоллом и мертвой Темзой, над зданием Рейхстага, над «Всемирным банком», над пекинским Политбюро.

Глаз тарелки в округе Колумбия открылся, послышался рев мотора. Зеваки вытягивали шеи, чтобы рассмотреть получше. Не успело сердце отбить два удара, как настал конец. Из глаза капнула крошечная слеза, упав на крышу Белого Дома.

За ней вторая, упавшая как белая снежинка.

Это были трупы — эти две слезы — трупы людей. За ними последовали другие. Поток их все нарастал — некоторые проламывали крыши, некоторые винтом входили в землю, отскакивали и падали на лужайки, разбиваясь, разбрызгивая внутренности по галереям.

И разразился ливень. Со странным, затяжным многоголосым воплем с неба валились изуродованные мертвецы. Шестьдесят несчастных пенсионеров, зарытых в братской могиле в 1995 году, были выброшены на здание Социальных Служб Чикаго. Сотни негров, забитых в полицейских участках, упали на крышу Скотланд-Ярда. Тысячи уничтоженных восточных тиморцев были выкинуты на здания Ассамблеи в Джакарте. Тысячи погибших при бомбардировках Хиросимы и Нагасаки выпали на Пентагон. Тысячи замученных до смерти засыпали Абуджу. Тысячи суданских рабов были сброшены на Хартум. Жившие на границе Красные Кхмеры были погребены под горой, высотой в милю, состоявшей из кишок, выпавших из распоротых животов трех миллионов кампучийцев. Тысячи горцев было скинуты на парламент Бангладеш и на «Всемирный банк», позже заваленный телами всех оттенков кожи — так что откопать его уже невозможно. Берлин был сметен почти мгновенно: все улицы города были сплошь завалены жертвами. Он был залит соляркой

и запружен телами маленьких девочек.

Пентагон быстро наполнился до отказа и лопнул, будто подорванный бомбой террориста. Жертвы Перл Харбор падали в равной степени на Токио и на Вашингтон. Американские улицы были затоплены японцами, греками, корейцами, вьетнамцами, кампучийцами, индонезийцами, доминиканцами, ливийцами, тиморцами, латиноамериканцами, американцами. Над улицами висела розоватая кровавая дымка, образованная кипящей кровью жертв Дрездена. Лондон, когда стали падать тела, быстро превратился в прорванный канализационный коллектор. Парламент рассыпался как карточный домик. Выжившие бежали по Стренду, спасаясь от накатывавшей волны трупов. Девятый вал безглазых немецких, индийских, африканских, ирландских и английских граждан обрушивался на здания, раздавливая их в лепешку. Падающие тела корежили автомобили, переворачивали их и погребали под собою. Темза вышла из берегов: трупы вытеснили из нее воду.

Лишенные теперь данной им отсрочки, тела начали разлагаться. Вонь ковровых бомбардировок обрушилась на пригороды, потом потекло человечье месиво, расползавшееся по улицам подобно лаве. Жалкий осадок человечины — а все оттого, что на боль не обращали внимания, а войны развязывали ради выгоды. Первая волна. Пока заплачена лишь цена каких-нибудь шестидесяти лет — однако же, она накатила, как бульдозер, сгребающий мусор на свалке, и растеклась по карте подобно красным чернильным кляксам, которым суждено расти и сливаться друг с другом.

Скайчум сел в 8.20 на экспресс, направляясь на Север от вокзала «Гранд Сентрал» — там, согласно установке, внимания на трупы не обращали. Угрюмый, он осмотрел перечеркнутый дождевыми стрелами горизонт — пыль, мельтешащую во вспышках света — и только тогда промолвил.

— А ведь это только начало.

Билл Драммонд
Через мясорубку, или Как заработал секретный завод К2

Драммонд. Отрывки из дневника. 31 декабря 1999 г.

«Да это же чистое зло.! Господи, зачем вам понадобилось разрушать Стоунхендж?» — такова типичная реакция каждого, кого мы, Джимми или я, посвещали в наш план сдвинуть с места камни — последний нереализованный проект Секретного Завода К2.

Время полдничать, я дома, жду Джимми, который должен вернуться с прибором.

Вот уже десять лет, как мы убеждены, что со Стоунхенджем надо что-то делать. Тут нужно либо действовать, либо признать проект нереализуемым. Я бы легко пошел в атаку на классическое наследие, но оставляю это дело журналистам и рекламщикам, они лучше сумеют это аргументировать.

Я думаю, что идея с камнями возникла у нас не потому, что в наших душах проснулось варварство, а потому, что они символизируют нечто, что живет на этих островах. Преемственность, которая действует сильнее и глубже, чем Британский флаг, королевская фамилия, чем наш первый в истории Парламент, наши военные победы, наш язык, наши фунты стерлингов и даже сильнее, чем наша поп-музыка. Их не впихивали нам в глотку в школе. На монетах в наших карманах нет их изображений. Они не пытаются указывать нам, что делать или заставить нас почувствовать вину. Они просто стоят, и продолжают стоять из поколения в поколение.

Когда в конце восьмедисятых мы делали Властелинов времени и нас распирало от денег, мы планировали нанять огромный вертолет и поднять упавшие камни, — починить Хендж, чтобы он снова заработал. Потом мы узнали, что небо над Хенджем было военной зоной, а значит никакой гражданский пилот не смог бы выполнить с нами эту работу. Вместо этого мы просто сфотографировались с Гарри Глиттером на фоне упавших камней, а потом уехали в Сьерра Неваду и ухлопали все деньги на сьемки мистического роуд-муви.

Далее. Когда было покончено с KLF, Джимми провел около года, рисуя огромные полотна со сценами Апокалипсиса, где были изображены мы сами, разрушение Стоунхенджа, разгул темных сил и гибель многих и многих тысяч. Все это немного

напоминало детский комический ужастик, но было невероятно качественно исполнено. Мне они нравились. Потом он уничтожил картины. Соскоблив краску, бережно рассыпал пыль по банкам из-под варенья. По банке на каждую картину. Почему? Лучше не спрашивать. Все мы по-разному преодолеваем минуты сомнения.

Далее. Однажды, февральским вечером 1993, мы с Джимми ехали из Стоунхенджа в восточном направлении по дороге A303. Мы провели ночные исследования камней, которые принялись бурно обсуждать. Из этой беспорядочной дискуссии возникла идея «К-Общества».

Далее. Ноябрь 1995. Джимми, Гимпо и я были в Глазго с фильмом «Смотрите, как К-Общество сжигает миллион фунтов». Мы собирались показать этот фильм заключенным, буддистским монахам, болельщикам «Рэйнджерс» и всякому разному народу, что-то вроде демонстраци в специфическом контексте, но некто дал нам понять, что наши усилия были пустой тратой времени. Мы с Джимми согласились и завязали с этим делом, не желая более быть попечителями нашего дутого Фонда искусства. Мы решили стать Секретным Заводом К2. (В этот период времени быть владельцем секретного завода казалось верхом всех возможных амбиций каждого достойного человека). Мы сразу принялись за работу и стали разрабатывать план. Мы решили, что выкрасим наш завод в желтый и черный цвет. И мы стали воображать интерьер нашего жилища. Потом мы еще кое-чем занимались в Шотландии, и Гимпо с нами рассорился, ушел, оставив нас прямо в придорожном кафе. Так Секретный завод К2 долгие годы терпеливо ждал свой первый большой проект.

Далее. В начале 1997 года со мной связалась Сара Чемпион, редактор бестселлера рассказов в духе Ирвина Уэлша «Диско Бисквитс», и предложила мне участвовать в ее следующем сборнике коротких рассказов «Диско 2000». Она объяснила, что идея сборника — объединить истории, сюжетом которых будет встреча 2000 года. Мне нравится Сара. И я согласился. У меня была идея сделать псевдодневник Драммонда, в котором бы я рассказал о том, что мы делаем в этот день, реализуя таким образом в безопасной литературной форме наш амбициозный план разрушить Стоунхендж. Я был убежден, что если однажды рассказажу об этом в наполовину вымышленной истории в 1997 году, то это даст нам импульс в вышеупомянутый день пойти и совершить нечто реальное. И некоторым образом, это контракт. И если условия не будут выполнены, авторитет всего Дневника Драммонда будет подорван. Я никогда больше сам себе не поверю. Меня не смущает, если вы мне не поверите, но….

Прежде чем написать рассказ, мне было необходимо

завершить кое-какие дела, даже если бы это помешало мне уложится в установленные Сарой сроки.

Потом в пятницу 17 мая 1997 года мы с Гимпо встретились на станции проката трейлеров за метро Кингз Кросс. Ну, знаете, в том самом месте, где обычно тусуются проститутки. Мы арендовали семитонный грузовик, этого нам было достаточно. Потом мы поехали через Лондон, останавливаясь периодически у банкоматов, чтобы набрать сумму наличных, необходимую для выполнения нашей работы. Потом мы поехели по дороге М4, проехали так несколько миль и развернулись. Мы припарковались у автосервиса, зашли в кафе и стали ждать Джимми. Он явился. Мы позавтракали, а потом перегрузили в наш фургон цепи, систему блоков и прочие приспособления из ангара Джимми. Загрузившись, мы все трое забрались в кабину и отправились в путь в направлении дороги М25.

Мы с Джимми работаем вместе последние десять лет и, наблюдая друг друга в эпоху юбилейной лихорадки, мы решили, что как-нибудь отпразднуем наше десятилетнее сотрудничество. Собственно, тем самым мы и занимались в это майское утро. Как то в начале 90х наш интерес к овцам стал угасать, чтобы уступить место пристрастию к коровам. Впрочем, мы до сих пор ничего не предприняли, чтобы выразить наш интерес к концепту коровы. Факт, что Дэмиен Хирст своим совместным экспериментом с матерью и дочерью завоевал славу у таблоидов, некоторым образом все затормозил. В добавок к тому, когда акустические опыты Джимми стали причиной выкидыша у одной коровы, пресса самым живейшим образом отреагировала на это, окрестив его коровьим убийцей. После этого наш общий интерес к исследованию значения коровы казался бесполезным. Но корова вернулась, и больше не хотела исчезать. Надо было что-то делать. Мы и сделали.

Итак, с дороги М4 мы свернули на М25 и поехали против часовой стрелки. Мы искали столбы, а если в пределах видимсти с дороги М25 не окажется подходящих столбов, нам бы подошел и могучий дуб с мощной ветвью футах в пятнадцати от земли. Мы искали дерево, подходящее для линчеванья. Как на старых черно-белых фотографиях, где на первом плане члены Ку-клукс-клана, а за ними деревья, чьи ветви обременяет странный плод.

Мы хорошо себе представили правильное дерево и были убеждены, что его будет легко найти. Но мы ошиблись. Деревьев не было. Что касается столбов… Целая линия высоковольтной передачи началась на М6 у Бирмингема. Мощные невысокие столбы в огромном количестве венчали унылый пейзаж и, отяжелев под гнетом непрерывной тысячевольтной смерти,

манили ребят забраться на себя. Они стояли, расставив кабельные сети, чтобы ловить и изжаривать мигрирующих лебедей. Я думаю, что каждый из нас, каждый пацан, прошел искушение столбами. Но вовсе не на этой почве зародилось наше общее видение дела, в котором мы могли бы их использовать.

Мы с Джимми открыты для новых идей, будь то могучий дуб или телеграфные столбы, нам бы все сгодилось, лишь бы они были видны с дороги М25, и к ним можно было бы подкатить грузовик. Мы проехали южные ворота Лондона. Ничего. В какой то момент начал накрапывать дождь, что лишь усилило нашу общую беспросветную печаль. Мы остановились на автосервисе «Клакетт» и сыграли втроем в «Дорожную ярость», суперновую игру. Похлебали супа. Потом Гимпо рассказал нам, о чем будет говорить Тони Блэйр в Королевской Речи.

Потом мы проехали Дартфордский туннель и оказались в Эссексе. Это уже было на что-то похоже. Западные таррокские болота. Множество столбов стерегло разваливающийся индустриальный пейзаж. Мы остановились на обочине и стали исследовать местность. Промышленная зона. Остановившиеся химические заводы, заброшенные нефтеперерабатывающие фабрики, кругом металлолом, и мы в своем грузовике в поисках подходящего места. Потом мы проезжали через огромный развлекательный комплекс. Кино, торговые центры, дискотеки. Мы медленно проезжали мимо, наблюдая за всем этим из окна, как педофилы у школьных ворот. Нас остановила милицейская патрульная машина, и копы стали расспрашивать, чего мы ищем. Гимпо сказал, что мы ищем место для съемок нового фильма о конце цивилизации с Шоном Коннери. Они попросили контрамарку и пожелали нам всего доброго.

Наконец мы приметили идеальный столб. Он стоял на вершине грязного мелового холма. Никаких птиц. Холм протянулся вдоль двухполосной проезжей части с оживленным движением. И столб как бы взирал с высоты на вышеописанный разбросанный пейзаж и индустриальную пустыню. Прекрасно. Нам потребовалось некоторое время, чтобы подобраться к столбу. Потом нам понадобился железорез, чтобы снять замок с ворот и подогнать грузовик. Мы припарковали грузовик и подошли к столбу, чтобы разделить с ним созерцание ландшафта. Его высоковольтные провода гудели под послеполуденным дождем. Мы подумали, что если подогнать грузовик под самый столб и забраться на крышу, можно будет закрепить цепи на нижних горизонтальных металлических балках. Единственная проблема заключалась в том, что мы не знали, сколько времени займет вся эта процедура, и насколько заметны мы будем с проходящей

внизу дороги. Мы заметили, что полицейская машина вот уже несколько раз садилась нам на хвост. Казалось, они держат территорию, идеальное место для хулиганов-угонщиков, под непрерывным контролем.

Мы оставили столб, удовлетворенные тем, что нашли подходящее место, чтобы вернуться сюда ночью с железорезом и мясом.

На обратном пути, все той же дороге M25, я воспользовался мобильным Гимпо, чтобы позвонить братьям. Я сказал им, что работа началась и через час нужно быть на месте. Они держат подпольный бизнес в шестидесяти милях от Лондона. Для их безопасности, большего сказать о них я не могу. В основном, мы вели дела с младшим братом, который казался менее подозрительным. Он сказал мне, что работа будет закончена за полчаса до нашего приезда. Он не хотел начинать уборку, пока мы не загрузимся. Но тридцати минут им будет достаточно, чтобы привести все в порядок. Он с гордостью заявил, что взял 22хмиллиметровое ружье и будет использовать его в деле. Пулевое отверстие будет гораздо меньше, чем от крупноразрядного ружья, которое они обычно используют. Работа будет сделана аккуратно, комар носа не подочит.

Мы остановились в Тринге, маленьком торговом городке, чтобы купить железорез, пару лэйблов из коричневого картона и моток бечевки. Следующие тридцать миль мы ехали по пересеченной местности. К началу восьмого мы добрались до братьев. Контора была закрыта для посетителей. Братья были на месте, и работа выполнена. Туши были подвешены в глубине их водонепропускающего фургона. Первым, что привлекло мое внимание, были их вагины; две зияющих вагины. Достаточно большие, чтобы просунуть руку, не задев краев. Из них сочилось какое-то полупрозрачное желе. Меня наполнил такой же непостижимый страх, как во время, когда, девятнадцатилетним парнем я работал в больнице, и мне приходилось мыть аналогичные части мертвых женщин.

Однако мне удалось побороть страх. И только тогда я заметил, что это были черные в белых пятнах Фрезианки, с огромным выменем, замечательные. Мертвая корова гораздо больше, чем можно предположить. Я знаю, это будет звучать банально, но в мертвом теле, будь то животное или человек, чувствуется что-то неотвратимос конечное. Еще сегодня утром эти две коровы жевали себе траву на лужайке и наслаждались солнечными лучами в ожидании дойки. Но где-то зазвонил мобильный телефон, была заключена сделка, согласованы цены, и таким образом, судьба их оказалась предрешена.

Братья были явно не в своей тарелке. В прошлом году нацию поразила эпидемия коровьего бешенства. Весь забитый скот был учтен: представители местных властей каждый день собирали спинной и головной мозг, все собранное пересчитывалось, вносилось в реестр и увозилось по назначению для последующего сожжения. Ни одно животное не избежало своей участи. Коровье бешенство стало спидом 90х, именно от него всем нам предстояло погибнуть.

Мы попытались сказать братьям правду, а именно, что мы собирались увезти двух этих коров в одно частное владение в Эссексе. Землевладелец разрешил нам подвесить две туши на большом дубе. Мы сфотографируем сцену в закатном зареве, после чего мы их снимем, отвезем в исходное место и сделаем все, что полагается. Однако план наш немного переменился. Мы больше не хотели возвращать туши на склад, потому что уже договорились с тамошними, эссекскими ловкачами, и они берут на себя оставшуюся работу. Мы уже сталкивались с вопросами, кто мы и почему это делаем. На это мы обычно отвечали, что мы — современные художники, из тех, кто вытворяют всякие глупости в надежде кого-то шокировать и, таким образом, привлечь к себе внимание. Они это поняли, потому что уже видели нечто подобное по телевизору. Поэтому они знали, что сегодня художники зарабатывают себе на жизнь таким образом. И, что бы там ни было, их вполне устраивал цвет наших денег.

Они спросили адрес того деятеля в Эссексе. Мы никак не могли припомнить. Тогда они потребовали от нас обещания, что, чтобы ни случилось, Фермер Джонс, до сегодняшнего дня владелец коров, постоянный и надежный клиент, не откроет Дэйли Телеграф и не увидит там своих Дэйзи и Баттеркап, распятых в какой-нибудь отвратительной позе. Мы заверили братьев, что если фотография Дэйзи и Баттеркап и появится в Дэйли Телеграф, то никак не раньше послезавтра.

Один из братьев счел необходимым отрезать коровам по уху. На каждом из отрезанных ушей было клеймо, по которому животных было так же легко идентифицировать, как машины по их номерам. Оба брата понимали, что зашли в этом деле слишком далеко, и обратной дороги нет.

Джимми надел жилет, сапоги-вездеходы и антикислотные перчатки. Гимпо уже карабкался на туши, приноравливаясь, как бы получше обмотать их цепями, чтобы потом подвесить их в нашем фургоне. Глаза Баттеркап были открыты. Они были огромные, темно-синие, с ресницами длинными, как у коров из мультфильмов. Она выглядела очень дружелюбно. От нее пахло свежим сеном и молоком. Из ноздрей сочилась кровь. Гимпо

закрепил цепи, и мы начали медленный и долгий процесс ее подвешивания. Из вымени заструилось молоко, а ее задница издала нечленораздельный звук, и тут она выхаркала сгусток замороженной крови величиной с кулак.

Мы с Джимми пытались быть чем-то полезными, но Гимпо, как всегда, все держал под контролем. Чтобы погрузить их в фургон, потребовалось около часа. Все было запачкано кровью и дерьмом. Братья смыли все это водой из шланга. После этого они сказали, что за ночь внутренности животных увеличатся в размере вдвое, экскременты вытекут наружу через задний проход. По местным законам, туши должны подвергнуться переработке в двадцать четыре часа после забоя. Они быстро становятся токсичными и несут в себе страшную угрозу здоровью каждого, кто с ними соприкоснется.

На капоте их фургона мы отсчитали пятьдесят новеньких фунтов и добавили еще немного для фермера. Кровавые деньги. Не подписывались никакие фактуры, не произносились никакие имена. Мы распрощались и отъехали втроем с нашим тяжким грузом. Тишина, царившая в кабине звенела в наших, пока еще не зараженных коровьим бешенством, мозгах.

Мы сделали остановку у меня на хуторе. Гимпо играл с моей дочкой Блюбель. Ей только два года, но она уже хочет выйти за Гимпо замуж, часто просит, чтобы он переехал жить к нам, настаивая, что он может спать на чердаке. Я набрал яиц в курятнике и приготовил нам на ужин яичницу. Джимми и моя подружка болтали, сравнивая аптечные рецепты. Перед отъездом Гимпо должен был почитать Блюбель вечернюю сказку. Стемнело.

Мы опять ехали по сельской местности. На каждом повороте я чувствовал тяжесть нашего груза. Северней Уотфорда, мы выехали на дорогу M25 и поехали на юг в сторону Эссекса.

Железорез прошелся по закаленной стали как нож по щеке. Ворота распахнулись, и мы протряслись еще две сотни ярдов по крутой дороге до нашего столба. Под нами мерцали огни автобана. В центре Уорнер Бразерз развлекались эссекские парни и девушки, пиццерия Дип Пэн была забита до отказа. Полиция занималась угонщиками, а Гимпо подтягивал цепи на крыше фургона.

В руках у нас с Джимми были маркеры, и каждый из нас писал на картонных лэйблах одни и те же два слова, чтобы потом привязать эти лэйблы коровам на шеи.

Последние несколько лет я смаковал идею подвесить животных, просто так, без какого-либо объяснения, кроме картонной таблички с двумя словами «Корова хуева». Бывало, я ехал один в машине, отрезанный от всего мира, и хохотал как

маньяк, стоило мне лишь подумать об этом.

Корова хуева.

Корова хуева.

Корова хуева.

И так все громче и громче.

(Конечно, идея взять две коровы, а не все двадцать три и не одну, что было бы дешевле, заключалась не в том, чтобы на каждого из нас пришлось по корове, а в том, чтобы выкрикнуть, громко или тихо, насколько хватит сил: «Му-Му».)

Я уже не помню, успел ли каждый из нас написать свои два слова, прежде чем понять, что не может с этим справиться и, более того, прежде чем заявить об этом вслух. Я не помню, кто сказал это первым. Но мы поняли, что это был конец пути, мы дошли до глухой кирпичной стены. Мы были способны сжечь миллион фунтов наших собственных денег, но этого мы сделать не могли. Может быть, мы задумались о здоровье и безопасности муниципальных рабочих, которым придется все это убирать? Может быть, мы ужаснулись при мысли о том, что может сказать подобное заявление о наших искалеченных душах?

В противоположность тому, что мы сказали братьям, у нас не было планов оповещать прессу или каким-то образом засвидетельствовать или сфотографировать происходящее, хотя ничто не смогло помешать Гимпо захватить видеокамеру. Так что у него где-то должно быть свидетельство нашего поражения. Нам просто хотелось, чтобы, так или иначе, этих двух коров обнаружили, как дохлую собаку в кювете или мертвеца в канале — безымянных, ужасных, настоящих — и чтобы люди сделали из этого какие им угодно выводы. Мы не хотели, чтобы они связывали это с нами.

Мы помогли Гимпо сложить цепи и отъехали в молчании.

На следующее утро мы привезли окоченевшие вздувшиеся туши Дэйзи и Баттеркап обратно братьям. Те, хотя и надеялись никогда больше не видеть наши физиономии, почувствовали некоторое облегчение при виде двух уже никчемных туш и были рады узнать, что они не были использованы ни в какой художественной акции или рекламном трюке. Получив еще несколько хрустящих купюр, они изъявили готовность избавиться от тушь чистым и законным путем.

Несколькими неделями позже мы говорили с Джимми о Стоунхендже, чье разрушение должно было стать подарком нации от секретного Завода К2 к 2000 году, и пришли к выводу, что это больше не может быть частью генерального плана. Что мы можем поделать с камнями, если мы не смогли повесить пару дохлых коров?

Что-то оборвалось.

Шло время, и мы отпраздновали свой десятилетний юбилей иначе. Мы начали с того, что включили в свой проект «Fuck the Millennium» эйсид-джазовый проект Джереми Деллера. Во время этих мегазаписей я как-то пришел домой и нашел на автоответчике сообщение Стюарта Хоума, панковского философа и писателя. Он говорил, что продаются Ролрайтские камни. Опытный старьёвщик, он опасался, что они попадут в руки нью-эйдж фашистов. Он думал, что мы с Джимми должны купить их и найти им достойное применение.

Я забывал сказать об этом Джимми в течение нескольких дней. Мы были слишком поглощены своим проектом поиметь Миллениум и заработать себе пару электрических инвалидных кресел. А когда я наконец сказал ему, это было скорее из вежливости к Стюарту Хоуму, а не из желания действительно приобрести камни. Два следующих дня мы провели, занимаясь тем, чем обычно занимаются в студии звукозаписи. Потом Джимми заметил: «На счету секретного завода К2 осталось 50 тысяч. Выходит, мы должны купить камни и закрыть счет.» Это звучало логично. Он уже работал над рисунками, изображавшими то, что мы должны с ними проделать. Там должна быть задействована буровая установка, традиционная, такая, как в Техасе. Мы используем ее, чтобы прубурить земную кору и извлекать из недр Земли мистические силы Авалона и продавать их, что-то вроде этого. Самое гениальное и, одновременно, нелепое в идеях Джимми, это что все они, как правило, дико непрактичны. И это избавляет его от необходимости их реализовывать и, таким образом, расхлебывать последствия.

Мы удачно подкатим экскаватор секретного завода К2, выроем камни и перекатим их в известковый карьер, там их перемелют в муку и потом, добавив какие-нибудь необходимые вещества, отформуют в безупречные кубики. Стюарт Хоум прислал мне факс с изображением камней. Я увидел, в каком они были катастрофическом состоянии, все разрушенные непогодой, поросшие мхом и лишайником. Они выглядели так, будто хотели слиться с природой. Очевидно, никто за ними не присматривал.

Отчасти виной тому была изначальная ошибка создателей комплекса. Они использовали известняк, а каждому, кто хоть сколько нибудь знаком с геологией или строительством, известно, что долговечность известняка в незащищенном виде не более шести тысяч лет. По крайней мере, строители Стоунхенджа догадались использовать привозной твердый камень, а не местное мягкое дерьмо из карьеров долины Сэлисбери.

Однако из уважения к ребятам, которые первыми все это

построили, и в качестве подарка нации к 2000му году, секретный завод К2 заменит камни, расположив их в том же порядке. Камни одинакового размера будут уложены в строгий круг на равном друг от друга расстоянии.

А потом можно будет расслабиться, в уверенности, что все это простоит если не вечность, то не меньше, чем монолиты из Космической Одиссеи 2001 года. К тому же, мы обеспечим хорошие условия для парковки. Я знаю, вы думаете, что я с умным видом просто валяю дурака, пытаясь шутить, но мы действительно так думали и руководствовались этой логикой.

Лишь углубившись в детали, мы обнаружили, что продавались вовсе не камни, а участок земли, на которой они находились. Камни были собственностью Британского Наследия, что-то в этом роде. Приобретая землю, мы не имели права совершенствовать камни и делать нации подарок к новому тысячелетию.

Сначала мы хотели оставить затею с разрушением Стоунхенджа, чтобы не повторять историю с линчеванием коров. Но после нашего шоу 2К «Fuck the Millennium» в Барбикане в сентябре 1997, мы с Джимми не могли смириться с идеей окунуться в послеконцертные будни с их вопросами, и поэтому мы поехали по дороге М40, свернули у Ардли и отыскали Ролрайтские камни.

Мы были в ужасе. Они были в худшем состоянии, чем мы могли предположить. Надо было что-то делать. Мы знали, что на наши плечи опять ложится ответственность. Мы также знали, в какую ночь это будет лучше всего совершить. В ту самую ночь, когда весь мир будет занят чем-то совсем другим. А что до хуевых коров, то моя внутренняя поблема, связанная с ними, казалась разрешенной. Стоунхендж подождет. Всему свое время.

В дверь стучат. Должно быть, это Джимми. Так и есть. В предрождественскую неделю он участвовал в экскаваторных гонках. Он только что вернулся с девонского аукциона на машине, которую там же приобрел. Гимпо наконец то сдал водительский экзамен категории А и теперь может управлять десятитонным грузовиком. Время выпить еще по чашке чая, а потом секретный завод К2 примется за ночную работу.

Мартин Миллар
Лучистый Цветок Божественных Небес

Эта история случилась с одной моей знакомой по имени Лучистый Цветок Божественных Небес. Я мог бы рассказать о ней много забавных историй. Например, всегда интересно послушать про то, как она разбила цветочный горшок об голову Крэга Повелителя Планет и потом гонялась за ним по улицам с кнутом. Да, их отношения никогда не были ровными. А то, как она выручила своего друга Боярышника, снявшись голой в ванне с клубничным мороженым для его журнала «Шантаж» в номере, посвященном радостям грязного секса, уже вообще стало легендой в известных кругах. Эти фотографии до сих пор ходят по рукам, и поклонники грязного секса готовы платить за них хорошие деньги.

Вообще-то, я еще не встречал человека, который открыто заявлял бы о том, что ему нравится грязный секс и что он не может завестись, пока не перемажет себя и своего партнера грязью, томатной пастой или чем-нибудь еще, но, очевидно, такие есть, и их много, если журнал неплохо расходится. Каждому свое.

Сама Лучистый Цветок Божественных Небес рада, что фотографии удались.

«Хоть журнал мне и не очень нравится, но я рада была помочь моему другу Боярышнику. У него всегда трудности с новыми идеями, — говорит она. — И если уж мне непременно надо было мазюкаться какой-то едой, то я выбрала себе клубничное мороженое. А вот с фасолью в томатном соусе я бы не стала ему позировать.»

Я понимаю, что моделям, снявшимся с печеными бобами, далеко до пленительной красоты Лучистого цветка, да и не удивительно. Трудно назвать просто красивыми ее золотистые волосы и манеру одеваться во все черное. От нее дух захватывает, люди часто столбенеют при виде нее, иногда это даже приводит к самым неожиданным последствиям. Однажды был такой случай. На вечеринке в подземелье, что возле реки, один человек в черном кожаном капюшоне и килте из ПВХ в порыве страсти бросился к ее ногам и сказал, что хотя он и потрясен ее красотой, он не готов сразу предложить ей вступить в брак, но вообще-то он сын настоящего техасского миллиардера, и если бы только она согласилась поехать с ним в Даллас, он бы подарил ей парочку

нефтяных скважин и личный реактивный самолет, и вообще все, чего бы она не пожелала. Когда же Лучистый Цветок ответила отказом, он схватил большой старинный подсвечник в готическом стиле и принялся колотить им себя по голове.

Увидев это, Лучистый Цветок поняла, что была права, отказав ему, хоть уже и стала подумывать о том, как могла бы распорядиться нефтяной скважиной. Впрочем, ее вполне устраивала жизнь в маленькой квартирке на юге Лондона, и хотя она считалась признанной королевой всех фетиш-клубов, где ей доводилось работать, но до богатства ей было далеко. Лучистому Цветку Божественных Небес удавалось не пропускать ни одной вечеринки и выглядеть столь эффектно только благодаря тому, что она умела следить за собой и была остроумна.

Но я хочу рассказать другую историю, более подходящую по случаю, ее поведала мне сама Лучистый цветок в женском туалете на балу «Миллениум Бондаж» в ночь на 31 января 2000 года. Это история о небольшом домашнем растении, которое, если верить Лучистому Цветку, распускается раз в тысячу лет в самый момент наступления нового тысячелетия.

Я с самого начала сомневался, что такое может быть, но так как почти ничего не смыслю в растениях, то и не могу утверждать, что это неправда. Несколько месяцев я находился в курсе дел этого замечательного растения, с тех пор, как Лучистый цветок божественных небес начала жаловаться на то, что оно почему-то стало хиреть.

— Листья засыхают, да и сам он голову повесил. Вот беда!

— И это стоит твоих слез?

— Да нет.

— Тогда какая же это беда, просто обычный комнатный цветок.

— Обычный комнатный цветок? Я так рисковала, украв росток из частных садов Гарта Собирателя Волшебных Растений!

— Рисковала? Ты же говорила, что он в тот момент был привязан к постели.

— Был. Но риск все-таки был. Понимаешь, чтобы получить это место мне первым делом пришлось вступить в связь с Гартом Собирателем Волшебных Растений, а ты знаешь, что это за тип. Он мог делать со мной все, что угодно. Например, он хотел натереть меня дыней, а она такая липкая — просто ужас. Он даже не понял, чем я недовольна. Думал, если я снялась с клубничным мороженым в журнале «Шантаж», то на все согласна. Знаешь, с тех пор меня просто засыпали всякими необычными предложениями, связанными с едой.

Она умолкла, дав людям протиснуться между нами. Я стоял

вместе с Лучистым Цветком Божественных Небес в очереди в женский туалет, так как в мужской обычному человеку лучше было не показываться. В тот момент там какой-то громила в костюме императора Нерона дрался с другим таких же размеров трансвеститом в жутком красном парике, и вмешиваться в это дело не стоило.

Конечно, от такой доброй женщины, как Лучистый Цветок Божественных Небес вполне можно было ожидать заботы о своих растениях, но чтобы так из-за этого убиваться… Тут все дело было в фэн-шу. Она утверждала, что Мао Цзе-дуну удалось захватить власть в Китае во многом благодаря прекрасному фэн-шу могилы его матери. Но так как мать Лучистого Цветка жива и пребывает в добром здравии в Сомерсете, то ее сейчас заботит фэн-шу собственного жизненного пространства. Ее маленькая квартирка вся завешана деревянными и металлическими колокольчиками, зеркалами, растениями и разными другими предметами, способствующими свободной циркуляции энергии и благоприятному положению дел. И действительно, все у нее идет довольно хорошо. Но чтобы было еще лучше, нужен цветок тысячелетия. Она держит его на южной стороне, где у нее находится точка славы, так что когда он зацветет, тут уж, верно, и всего неба не хватит, чтобы вместить ее славу.

— Это все Крэг Повелитель Планет, все из-за него. Если бы мне не пришлось расколоть горшок с цветком об его голову, у меня никогда бы не освободилось место на южной стороне, и надо было бы что-то придумывать.

Так, следуя примеру Мао Цзе-дуна, Лучистый Цветок Божественных Небес ловко обернула несчастье себе на пользу с помощью цветка тысячелетия.

— Мое растение еще покажет чудеса, — говорит Лучистый Цветок. — Но фэн-шу все же важнее, чем это древнее растение само по себе. Если только, конечно, оно зацветет, как положено.

Конечно, если оно не зацветет, хорошего мало. А если бы оно зачахло, то для Лучистого Цветка это стало бы настоящим горем, и вскоре она сказала бы себе, что если ему суждено погибнуть, то ей остается только собрать вещички и найти работу в каком-нибудь баре своего родного Сомерсета.

Лучистый Цветок Божественных Небес очень красивая, умная и талантливая. Поэтому я не удивляюсь, что зачастую в самые неожиданные моменты ее обуревают беспокойство и подавленность, и она чувствует себя несчастной. Скорее, меня удивило бы обратное, потому что я заметил, что чем красивее, умнее и талантливее женщина, тем легче она поддается чувству беспокойства и подавленности. Почему так бывает, я не знаю.

Наверное, трудно справиться с напряженным ритмом жизни. Лучистый Цветок постоянно находилась в мертвой хватке каких-то бесполезных врачей и шарлатанов. То, что теперь она возлагала надежды на растение, было в некотором смысле шагом вперед.

Хотя последние приступы беспокойства Лучистого Цветка не были столь необычны, как, например, ее звонки по телефону в четыре утра с целью узнать, действительно ли она существует или является лишь плодом чьего-то воображения, я все же сильно подозреваю, что причиной тут явилась Венера Прекрасная, чье появление ожидалось на балу «Миллениум Бондаж». Венера Прекрасная — бандажная королева Сан-Франциско, самые фантастические описания красоты и очарования которой постоянно появлялись в нашей интернетовской конференции. Лучистый Цветок Божественных Небес ни за что бы не призналась в банальном чувстве ревности к такой же фетиш-королеве, как и она, хотя мне кажется, она все-таки побаивалась, что та ее затмит. А если еще растение тысячелетия загнется в точке славы, то совсем беда.

Лучистый Цветок обратилась за помощью по уходу за цветком в конференцию Британских Альтернативных Секс-фетишистов, с которыми она часто общалась по Интернету. Не думаю, что легионам Альтернативных Секс-фетишистов было много радости от подобных вопросов, но когда речь идет о Лучистом Цветке, это совсем другое дело. Она известна, красива и пользуется успехом. Гораздо проще было бы просто поспрашивать вокруг, но она утверждала, что не знает никого, кто бы разбирался в растениях, если не считать самого Гарта Собирателя Волшебных Растений, но к нему она ни за что не стала бы обращаться, так как именно у него она и украла этот росток, да еще таким подлым образом.

— А есть в Интернете какой-нибудь сайт по уходу за растениями?

— Наверное, есть, но я не нашла. Я устала рыться в каталогах, да потом еще компьютер сломался. Он работает, только когда мне интересно. Но, во всяком случае, я получила кое-какие полезные предложения.

Лучистый Цветок Божественных Небес почти незаметно подправляет свой и без того уже обалденный макияж. Она за весь вечер ни словом не обмолвилась о Венере Прекрасной, но мне все же кажется, что она волнуется.

Крики боли доносятся из туалетной кабины. По-моему, это уже чересчур: одни вынуждены стоять в очереди и ждать, когда другие кончат заниматься сексом. Вскоре появляются две

молодые женщины с глуповатыми ухмылками — одна обнаженная, а другая в ярком костюме кошки. Они объясняют проявившей любопытство Лучистому Цветку Божественных Небес, что просто немного занюхали кокаинчику, одна из них чихнула и порошок попал другой прямо в глаз, что оказалось довольно болезненно. Какой-то приход от этого все же был, хотя они и не советовали бы пользоваться этим способом. Они угощают Лучистый Цветок, и она не отказывается.

Так вот, после того, как Лучистый Цветок обратилась за помощью, ей стали приходить ответы, но практически все бесполезные. Члены Британских Альтернативных Секс-фетишистов горели желанием помочь, но ни у кого из них не было никаких стоящих идей, если не считать советов подкармливать растение детским питанием «Бейби Био» и следить за тем, чтобы ему хватало света.

«Нет, этого мало, — думала Лучистый цветок. — Это особенное растение. Может, ему не нравится ни „Бейби Био“, ни яркий свет.»

Кстати, как-то меня подвозил один человек, который сообщил забавный факт. Оказывается, «Бейби Био» — единственный продукт, получивший стопроцентную поддержку потребителей.

Было и еще одно интересное предложение, но, к несчастью, оно поступило от Гэмина.

— А Гэмин возглавлял список людей, с которыми я ни за что на свете не стала бы встречаться, — продолжала Лучистый цветок.

Лучистый Цветок Божественных Небес никогда в жизни не видела Гэмина, да и не хотела с ним знакомиться. Дело в том, что после того, как он наткнулся в сети на конференцию Британских Альтернативных Секс-фетишистов и узнал о существовании Лучистого Цветка, а также о том, чем она занимается, он словно помешался. Он узнал, что ее часто приглашают в Нью-Йорк на бандажные вечеринки, и что разные фетишистские журналы посвящают целые номера ее умопомрачительной коллекции черных кожаных лифчиков. И вот он каждый день стал присылать ей послания и бесконечные письма по электронной почте с заверением, что она самое невероятное существо во вселенной и приглашал как-нибудь на чашку чая.

— А откуда он узнал твой электронный адрес?

— Не знаю, может, он компьютерный маг. Хотя он уверяет, будто каждое утро ходит на работу в маленький продовольственный кооперативчик в Брикстоне. Кто его знает, может, он успевает и чечевицу кружками отмерять, и электронные конференции просматривать. А днем он все время проводит у

телевизора и потом пересказывает мне разные передачи, если только не присылает стихи и всякую чепуху. Кулинарные программы у него явно самые любимые. На той неделе он прислал мне рецепт жареного пастернака, приправленного тмином, тархуном и чесноком.

— Ну, и как?

Лучистый Цветок не знает. Даже то, что подается в дневных программах, выше ее кулинарных способностей. По правде говоря, у нее и нет никаких способностей. В какой-то степени это и послужило причиной их разрыва с Крэгом Повелителем Планет. Самым необъяснимым для меня было то, что он посмел упрекать ее в том, что она не умеет готовить. Мне никогда не понять, как Крэгу Повелителю Планет вообще пришло в голову так разговаривать с Лучистым Цветком Божественных Небес. Это говорит лишь о том, сколь банальными могут быть люди, даже если они все время носят кожу и проводят жизнь в фетиш-клубах и на бандажных вечеринках.

Лучистый Цветок Божественных Небес избегала Гэмина, она не отвечала на его послания и заранее проверяла, не будет ли его там, куда она собиралась пойти. Так, наверное, продолжалось бы и дальше, если бы он не заинтриговал ее, прислав на крик о помощи лишь один короткий ответ.

Его сообщение гласило: «Посвящая целые дни напролет торговле экологически чистыми овощами, я многое узнал о жизни экзотических растений. Моя сестра изучает ботанику в университете и сейчас как раз вернулась с полевой практики на Востоке. Она говорит, что у нее есть простой рецепт одного холистического восточного удобрения, которое питает как тело, так и душу растения. Он достался ей от одного известного садовника гонконгской школы фэн-шу.»

Конечно, после этого у Лучистого цветка уже не было иного выхода, как познакомиться с Гэмином, хотя она не раз клялась себе, что никогда и словом не обмолвится с человеком, который в один день умудрился прислать ей целых три стихотворения и рецепт фаршированных кабачков.

Тем временем драка между типом, наряженным Нероном, и здоровяком-трансвеститом прекратилась. Все с облегчением вздыхают, так как обычно наши фетиш-вечеринки отличаются, напротив, атмосферой подчеркнутой вежливости и миролюбия. Ну, конечно, когда тебя хлещут кнутом и унижают, то о миролюбии говорить не приходится не значит быть спокойным, но так ведут себя только оголтелые неофиты.

— Лучистый Цветок, я тебя искал.

Это Боярышник, издатель «Шантажа». Он протягивает

Лучистому цветку бутылку пива и бутылку воды, и она быстро выпивает и то, и другое.

— Как журнал?

Он пожимает плечами.

— Нормально, если не считать неприятностей с хозяином из-за того, что я сделал слишком много снимков с фасолью в томатном соусе. Говорит, что читатель не любит повторений. Новый январский выпуск 2000 года должен стать чем-то особенным, но тут трудности с новыми идеями. У нас уже есть одна отличная история о том, как одна женщина собирает бойскаутам продукты для пикника и случайно проливает на себя джем, но тут ей на выручку приходят ребята. В остальном же номер довольно блеклый. Иногда я вообще жалею, что взялся за эту работу. В совете округа Ламбет было гораздо спокойнее.

Он рассказывает Лучистому Цветку о том, что до сих пор получает восторженные письма по поводу тех фотографий с клубничным мороженым.

— Американский «Шантаж» хочет купить их и предлагает кучу денег за новые снимки с тобой.

Лучистый Цветок Божественных Небес говорит, что подумает. У Боярышника звонит мобильный телефон, и он отходит в сторону.

Хотя в мужском туалете уже спокойно, я все-таки остаюсь на месте, так как хочу дослушать, чем кончится история Лучистого Цветка.

Ее темные глаза ярко сияют отчасти благодаря их природной красоте, отчасти из-за умелого макияжа и в какой-то мере под воздействием кокаина. Она подправляет макияж и слегка причесывает свои ослепительные волосы, потом ненадолго отвлекается на своих друзей, которые восхищаются ее сапогами на суперстильных каблуках, предлагают ей экстази, и она не отказывается. После этого она продолжает:

— Ну вот, мне не оставалось ничего другого, как познакомиться с Гэмином и заполучить это восточное удобрение. Не каждый день тебе предлагают такое. Гэмин хотел, чтобы мы куда-нибудь пошли, но я была против. Я была абсолютно уверена, что он какой-то опасный маньяк, возможно, вооруженный, и предложила ему встретиться в полдень в библиотеке. Это показалось мне самым безопасным. В библиотеках всегда спокойно. Мне там часто делается лучше, когда я нервничаю.

Она останавливается. Тут заходит этот огромный мужик, одетый Нероном, или лучше будем называть его полным именем — Нерон Клавдий Цезарь, делает толпе благословляющий жест и удаляется. Лучистый Цветок Божественных Небес хмурится.

— Это он пригласил Венеру Прекрасную из Сан-Франциско. Он меня не любит, потому что я трахалась с его слугой, а не с ним. Наверное, я нарушила этикет. Тебя, вообще-то, впечатляет то, что начинается новое тысячелетие?

— Нет, ничуть.

— И меня тоже. Я вообще не люблю Новый Год, ни обычный, ни тысячелетний. Тоска сплошная.

К удивлению Лучистого Цветка, Гэмин оказался молодым, в меру привлекательным парнем и на больного не походил. Да, он слишком много времени проводил у телевизора, но так как Лучистый цветок и сама могла по шестнадцати часов кряду валяться перед телевизором, когда все остальное ей надоедало, то упрекать его в том же грехе было бы глупо. И вообще она подумала, что познакомься они при обычных обстоятельствах, он бы ей даже понравился. И зачем только он бомбардировал ее своими стихами и посланиями, ведь этим он только настроил ее против себя. Это доказывает только то, что даже если женщина, с которой ты хочешь познакомиться, и является самой настоящей фетиш-королевой, прославленной благодаря своей удивительной красоте, лучше начать все же с простого «привет».

Лучистый Цветок не теряла времени зря и попыталась выведать секрет восточного удобрения.

— А потом?

— Потом я купила все необходимые компоненты, приготовила раствор и обработала им свое растение. Это помогло, и оно тут же стало выздоравливать.

— А Гэмин?

Она пожимает плечами, что я расцениваю как то, что Лучистый Цветок не заинтересована в продолжении этих отношений. Я не сужу ее. Даже если кто-то и спас ваше растение от смерти, это еще не значит, что с ним следует обязательно спать. Гэмин, должно быть, был разочарован, чего нельзя сказать о Лучистом Цветке. Не то, чтобы она бессердечная, просто у нее слишком большие требования к любому претенденту на ее постель.

— Думаешь, цветок расцветет, как и положено?

Она кивает головой.

— Он у меня с собой. Гэмин сторожит его в раздевалке. Он должен распуститься ровно в двенадцать часов.

При этих словах входит какой-то молодой человек. Лучистый цветок нас знакомит. Это оказывается Гэмин. Он окидывает меня подозрительным взглядом, затем обращается к Лучистому Цветку Божественных Небес. Вид у него при этом безнадежно влюбленный.

— Я просто хотел сказать, что с цветком все в порядке. И по-моему, он вот-вот распустится.

— Отлично, — говорит фетиш-королева.

— Я принес тебе выпить.

— Спасибо.

— И те таблетки, что ты просила.

— Спасибо.

Он рассчитывает на продолжение и ждет.

— Я скоро приду за цветком, — наконец, произносит Лучистый Цветок и жестом просит его уйти.

Он в расстройстве уходит и сталкивается с престарелой парочкой в кожаных купальниках. У мужика изо рта торчит кляп, женщина вытаскивает его, и они любовно присаживаются выкурить косячок. Они предлагают Лучистому Цветку, и она не отказывается. Докурив, женщина снова аккуратно вставляет кляп на место, и они радостно удаляются.

— Милая пара, — говорит Лучистый Цветок. — Работают в библиотеке.

Уже почти полночь. Скоро наступит новое тысячелетие. Кто-то доносит Лучистому цветку, что прибыла Венера Прекрасная. Лучистый Цветок не реагирует.

— Как она выглядит? — спрашиваю я.

— Как богиня, — отвечают мне.

— Ничего лучше не придумали, — бурчит Лучистый Цветок. — Меня тошнит от этого слова.

Похоже, пора уходить из туалета. Уже почти полночь. Надеюсь, никто не станет приставать с поцелуями. Ненавижу, когда меня целуют незнакомые люди.

— Ты идешь?

Лучистый Цветок Божественных Небес не двигается. Кажется, она вообще меня не слышит. Бледное лицо ее застыло без выражения. Постепенно на нем проявляются признаки беспокойства. Она закрывает лицо руками. Я уже знаю, что сейчас ее опять начнет мучить вопрос, существует ли она на самом деле.

Вдруг она отдергивает руку и с удивлением рассматривает ее. Лучистый Цветок обычно носила кольца в своих длинных ногтях, но перестала, когда это вошло в моду.

Мы входим в основной зал. С Лучистым Цветком Божественных Небес вот-вот случится приступ отчаяния, который она обычно называет ударом судьбы.

У Лучистого Цветка много друзей и еще больше поклонников, все они громко приветствуют ее, заглушая музыку. Она почти не замечает их, но быстро хватает из протянутых рук бутылки с пивом и выпивает их одну за другой. Лучистый Цветок может

пить пиво, курить траву и сигареты, при этом почти ничего не есть и оставаться стройной. Толпа пред ней расступается и мы видим Венеру Прекрасную, которая с комфортом устроилась на коленях императора Нерона. Ее окружают бесчисленные поклонники. Прямо рядом с ней стоит молодой человек в совершенно новых кожаных джинсах и блестящем пластиковом жилете. Кого-то он мне напоминает, не могу вспомнить. Такой самодовольный, может, это оттого, что он рад оказаться подле Венеры Прекрасной, которая без сомнения очень и очень хороша собой. У нее большие темные глаза и густые, черные, как смоль, волосы. На часах у меня без четверти двенадцать. Каждый Новый год я думаю одно и то же: лучше бы мне остаться дома и читать книжку. Лучистый цветок божественных небес с дружеским приветствием протягивает Венере Прекрасной свою руку. Венера не обращает на нее никакого внимания.

— Ты, наверное, та девушка с мороженым? — говорит она.

Я замечаю среди присутствующих Крэга Повелителя Планет, бывшего любовника Лучистого Цветка. Мускулы у него, как пушечные ядра, а огромный воротник ощетинился шипами. И тут я узнаю этого молодого человека рядом с Венерой. Это же Гэмин. Так он переметнулся к врагам. Видимо, это из-за ревности. Теперь он с ненавистью сверлит ее глазами.

Крэг выходит вперед и что-то протягивает Венере Прекрасной. Это небольшое растеньице с уже готовыми распуститься бутонами. Венера бросает его на пол и топчет каблуком. Все разевают рты, потому что знают, насколько важна была его судьба для Лучистого Цветка. И вот он валяется на полу, растоптанный и уничтоженный стильными черными каблуками праздных зевак. Лучистый Цветок Божественных небес наклоняется, чтобы поднять его. Какое-то мгновение она рассматривает растение. Нет, уже ничего не поделаешь. То, что попадет под каблук Венере Прекрасной, спасти невозможно.

— И не вздумай прийти за другим, — произносит Гарт Собиратель Растений, показываясь из толпы. Ее враги сговорились между собой.

Я начинаю волноваться. Лучистому Цветку Божественных Небес уже почти плохо. Я бы не хотел, чтобы ее растоптали так же, как и ее растение.

Лучистый Цветок смотрит на Венеру Прекрасную. Та улыбается.

— Приятно познакомиться. Должна признать, что ты гораздо красивее, чем в самых дерзких описаний твоих поклонников. Зря ты все-таки не взяла растение. Это был мой подарок тебе.

— Подарок? — подозрительно переспрашивает Венера.

— Да, подарок. Если ему правильно подобрать место, то он может прибавить тебе славы и почета. У меня и так это все уже есть, а тебе бы не помешало.

Лучистый Цветок Божественных Небес отворачивается и уходит, на мой взгляд, с видом победителя.

— Да, конечно, Лучистый Цветок, ты права. Тебе не нужно особого растения, чтобы прославиться. Тебе любой бы куст подошел.

Она с удивлением смотрит на меня.

— Ты что, с ума сошел? Это же все спектакль. Я так надеялась на этот цветок тысячелетия. У меня ничего не осталось. Кто бы мог подумать, что Гэмин окажется таким предателем? Просто не верится.

— Он признался тебе в любви, а ты его отвергла.

— Ну, и что? Я всегда так делаю. Неужели надо грубить только из-за того, что тебя отвергли?

Четверо молодых ребят с черными кожаными поясами подошли поздороваться с Лучистым Цветком. Они предлагают ей глотнуть пива и нюхнуть какого-то непонятного вещества, она не отказывается. Боярышник пытается протиснуться к ней сквозь толпу, все еще сжимая телефон.

— Американцы дают восемь тысяч долларов, если ты снимешься падающей в бак с сырой салями, — говорит он.

— Ни в коем случае, я вегетарианка.

— Они могут обсудить и овощную тему.

Лучистый Цветок обещает подумать, хотя я почти уверен, что она не согласится.

— Кстати, Гарт Собиратель Растений просит передать, что если захочешь, он даст тебе еще один цветок тысячелетия. И Гэмин тебя повсюду ищет.

Тут с несчастным лицом появляется сам Гэмин. Почему-то теперь он выглядит нелепо в непривычном для него фетиш-наряде. Он с чувством просит прощения у Лучистого Цветка Божественных Небес и говорит, что все еще любит ее. Лучистый Цветок с презрением отворачивается. Я вижу, что все возвращается на круги своя. От беспокойства Лучистого Цветка не осталось и следа.

— Наверное, ты прав, — говорит она мне, — и любой цветок может послужить мне на славу. Срежу-ка веточку от живой изгороди.

Колокола возвещают приход нового тысячелетия. Начинается вавилонское столпотворение. Изо всех углов доносятся удары хлыстом. И несмотря на все мои старания, каким-то незнакомцам все же удается меня расцеловать.

Хелен Мид
Играйте

Ник сходит с ума. Даже в раю. А может, особенно в раю. Нас напоили вином, накормили обедом и теперь усадили удобней, чем, вероятно, кого-либо другого на этой планете. Замечательная вечеринка. В наших руках свежие напитки, а тела утопают в надувных подушках, которые придают нежащимся на солнце бездельникам размеры больше человеческих. Удобно. Ничего не надо делать, только наблюдай и потягивай текилу из высоких стаканов с красным соком. Расслабуха. Вокруг нас расположились пляжники. Открывают свои по сезону слабо покрытые загаром тела и блестящие формы другим бездельникам; вяло общающимися группками сидят на столах и стульях, уходящих спиралью от расположенных террасами баров ресторана отеля до моря. Разговоры. Танцы. Смех. Музыка. Пространство под поясом Ориона донельзя накачено инъекцией чистой сексуальной энергии, мантра барабанов повторяет учащенные удары сердца. Две наши подружки где-то плавают в этой атмосфере пьяного наслаждения. Все это наводит меня на мысли о Риме. Оргии. Конце империи. Шум оглушающий. Он оглушает Ника.

— Мне не надо было здесь появляться, — говорит Ник. Он хочет уйти. Исчезнуть из поля зрения. Новогодняя ночь 1999-го. Я не ожидала, что она будет простой. А какая Новогодняя ночь была простой? На другой стороне планеты от Трафальгарской площади и стоящей там новогодней елки из Норвегии мы сидим на окруженном пальмами пляже Тайского залива. Ну, разве нам не удалось от всего убежать?

Наш хозяин в ритме гедонизма, рожденного из глубины души острова, разрубает на кусочки лежащий перед ним на столе килограммовый брикет травы. Рядом с ним, уже разделенными на дозы, кучками лежат волшебные грибы. С золотыми шляпками на длинных ножках. Интересно, расслабится ли Ник: отдастся всему этому — всей этой непреходящей реальности? 2000 год. Время не закончится; во всяком случае, не сегодня. Даже бутерброды 27/4 в аэропорту Бангкока своей этикеткой «продать до 3/1/3543» кричали: «Так в чем же дело?» Все иллюзия. Эгоистический, западный психоз, транслируемый в самое дорогое телевизионное время. Тикающая часовая бомба. Запрограммированный в древности массовый социальный кризис. Закореневший христианский дэд-лайн, предсказание Конца Света. Не надо париться. Это всего лишь еще один космический день.

С ухмылкой до ушей Магз пробирается через тела и садится на край моего сиденья. В ней есть что-то магическое. Это легко заметить: когда она шаманит, чтобы дождь вернулся назад на небо, или когда, чуть раньше, исследуя риф, играя с морскими ангелами в садке-бассейне, она выглядела совсем как русалка, и садилось солнце, — в последний раз садилось солнце двадцатого века. За ней снует Вести, одетая в «скромное послеобеденное платье» из черного шелка и медной нитки — за руку она ведет мальчика с озорной улыбкой, которая открывает третий передний зуб.

— Так что мы сначала делаем, — едим грибы или крутим немеренный косяк? — вопрос Магз разрезает атмосферу. Просто громкое восклицание. Призыв к выполнению задания.

Мы все смотрим на Ника. Эта ночь Тысячелетников — один за всех и все за:

— Или, — она выдерживает театральную паузу. — Не хотите ли начать с настоящей, калифорнийской MDMA? — и, вереща от удовольствия, Магз достает из-под платья провезенный контрабандой Детский Сюрприз.

Ник улыбается и в предвкушении порошка облизывает кончик своего мизинца. Игра началась.

Решение было принято за меня. Принято за всех нас. Мы все здесь оказались случайно. Неадекватная группа людей. Вместе мы еще никуда не уезжали. Мы вместе танцевали, потом вместе отдыхали — и завязали в ночную дружбу ниточки бесчисленных разорванных недель на фоне подвалов и лондонского пейзажа.

Я планировала или скорее мечтала поехать на вечеринку к Пирамидам, после того как она была заявлена на берлинском Love Parade этим летом. Огромное трайбалистическое сборище. Вот уже несколько недель сотни тысяч прибывали в Египет по воздуху, морю и суше, — как только могли. Они учредили свой временный бедуинский королевский двор. К тому времени как я была готова вырваться из моей рабочей жизни (в прогрессивном кооперативе архитекторов, где мы всегда пытались провести в жизни кардинальные изменения, но так и не удосужились заложить его основы), власти уже проштамповали последнюю въездную визу и единственным способом проникновения в страну остался нелегальный переход границы.

Так как Ник разошелся со своим парнем, идея романтического отпуска на Бали под музыку индонезийского национального оркестра гамелан ему абсолютно не улыбалась. Вести уже была на Востоке, она взяла год отпуска с работы в Министерстве Обороны и теперь занималась гуманитарным изучением местных баров на благо всего человечества. Это

путешествие придумала Магз — ее лучшего друга Бэйли поDJить на вечеринке в Ко Чане в последний момент пригласил Доменико — промоутер, с которым тот много лет работал в Римини — итальянском Танцевальном Берегу. После того как в начале 90-х Папа практически это место проклял, назвав его адом на земле, популярность его стала международной. О каких еще других рекомендациях, добрых отзывах или пи-аре может промоутер мечтать? Люди любят грешить:

Этот расположенный между Таиландом и Камбоджей остров был обычным местом зимнего ритрита Доменико. Скорее всего, благодаря тому, что вопреки всем обстоятельствам, на реконструкцию своего клуба он потратил хорошо разрекламированные 3,6 миллионов фунтов, и в результате чего в нем появилась реплика Сикстинской капеллы, Доменико решил забукировать на месяц целый отель (а вместе с ним и восточную часть острова), после чего заплатить за самую эксклюзивную вечеринку. Казалось, что аппетит Доменико на хаос и дебоширство росли пропорционально его богатству, и вечеринка являлась еще одним способом этот голод удовлетворить. Количество билетов было ограничено и цена на них стала просто непомерной. Но казалось, что клиентуру Доменико такая постановка вопроса привлекла еще больше. Итальянец был определенно Богом своей танцевальной паствы и по всей вероятности мог увести их куда угодно.

Бэйли не был против путешествия, но у него не было желания ехать одному. «Без проблем. Приезжай со своими людьми», — сказал Доменико. И мы стали его антуражем и так же на эту ночь лучшими друзьями хозяина, который развлекал нас, пока Бэйли на вертушках развлекал всех остальных.

Доменико прекрасен. Гипнотически красив. Пятьдесят лет и полная самодостаточность. Моя мама любит говорить, что после сорока лет человек, наконец, получает лицо, которое он заслуживает, потому что тогда от себя уже никуда не деться. В этом случае Доменико уже умер и попал в рай. Бесконечные взгляды, незаметно бросаемые из бесконечной процессии направляющихся на танцпол тел, придают золотистый оттенок его земной коже. Находясь лицом к лицу с центром интриги все странные истории о нем и вокруг него, превращаются в новинку. Я думаю, что это и есть искусство из всех его искусств. Проекция и остановка его личной реальности.

Я раньше была в Таиланде, но никогда не слышала о Ко Чанге. И не удивительно. Никто не слышал. Доменико нашел свой личный маленький Бермудский треугольник. В настоящее время тайцев здесь почти не было, — из своей летней резиденции он

вывез сюда свою прислугу, которая говорила между собой и своим боссом исключительно по-итальянски. Доменико сказал, что амбициозные, пляжные мальчики, которые обычно что-либо нам Farang'ам (белым иностранцам) все что угодно назойливо продавали или перед нами пресмыкались, были рады уехать. Вот уже многие годы как местного населения здесь уже не было. Суеверные и боящиеся духов тайцы верили, что остров был проклят душами потонувших пиратов, а уже в более позднее время местные жители пытались избежать атак и рейдов своих камбоджийских соседей. А захват камбоджийскими бандитами в заложники нескольких австралийцев способствовал тому, что земля не загрязнилась туристами. Сюда попадали только самые любопытные путешественники. И пираты. Пираты были всегда:

— Цена есть всегда, — говорит Вести и в этом она права; она наклоняется, чтобы приветствовать ноздри порошком MDMA со стола. — Мы должны платить, чтобы жить. — Это рассуждение высказано для того, чтобы показать, что ему уже не надо нам обламывать трип. У Вести совсем нет терпения. Особенно сегодня. Ее вообще аргументы Ника не волнуют. Или его интроверсия. Она верит в то, что жизнь надо жить, а не заниматься ее вивисекцией. Этот урок ей был преподнесен буквально. На первом курсе, когда ей было двадцать, у нее начался хламидиоз. Половая инфекция, которая начала цервикальный, пожиравший ее внутренности рак. Для истерики времени не было. После операции у нее не осталось шрамов, но осталось HRT? И это было основой ее теории жизни. Это была ее цена. Ей в два раза меньше лет, чем Нику, но она относится к нему как мать и выговаривает его, как маленького, непослушного сорванца. Нику это нравится. У него такого почти не было.

Ник рано начал жить. Какая бы волна не появлялась, он в нее нырял. Его родители были на военной службе, и во время учебы в школе в Сассексе свои летние каникулы двенадцатилетний мальчик фиктивно проводил у знакомых родителей, хотя на самом деле автостопом ехал на фестиваль на острове Уайт.

Тогда он впервые испытал это особенное чувство массового психоза — заставляющее думать, что ты можешь что-то изменить — даже состояние статус кво, что тебе здесь место. Джими Хэндрикс загипнотизировал и вдохновил его. Его первая инициация ЛСД закончилась утром, когда вставало солнце, и сидя в палатке, и выпивая Rose 'n' Shine, он был объектом сочувственного наблюдения молодой женщины, которая бросила семью для того, чтобы изучать буддизм в Лондоне. Точно так же и он хотел получить свою свободу, и наблюдал, как на концерте в Гайд-парке Мик Джэггер выпускал тысячи бабочек в память

Брайана Джонса, и он дивился словам Шелли, которые произносили губы певца.

Боуи он воспринял своей двуполостью, панк — своими ненавистью и насилием. Восьмидесятые чуть его не убили. Он превратился в мечтателя. Романтика. Идеалиста. Его герои стали реальностью, к которой он стремился. Он не был готов к истинной доктрине тэтчеризма. Он не был готов попасть к ним или к нам. Пропасть. Пластинку заело. Эйсид хаус его спас. Экстази его исцелило. Героев больше не было: остались только мы. Только люди, принимающие участие. Теперь каждый мужчина и каждая женщина могли стать звездой.

Но именно сегодня его вера была слаба. Он попал в луп. Не был в состоянии развиваться и двигаться дальше. Вопрос назрел. Вопрос засел в самой древней, самой примитивной части его мозга. «Почему ничего никогда не меняется?» Он не хотел уходить с вечеринки, — нет, дело не в этом. Он уже просто не видел смысла. Он потерял веру. Он хотел остановить мир и выйти. Ник был Питером Пеном, — он отказался стареть. Но на самом деле по-настоящему безвременным был Доменико.

Никто не знал правды о Доменико. По крайней мере, правдой было то, что он давал лучшие вечеринки. Может быть, этой правды было достаточно для того, чтобы мы отдали себя в его руки. Клубные сплетни поведали минималистичный сюжет его жизни: родился на южной оконечности своей страны, где все еще говорили по-гречески; истории о летних каникулах, проведенных на море рядом с вулканом Эоли; тело, выкрашенное синим с головы до пят; тайные ритуалы, отсутствие любовников, приверженцев, как мужчин, так и женщин, делало все истории об их наличии абсолютно ничего не стоящими. И его мать была почти с такой же плохой репутацией, о которой слухи говорили, что она Жозефина двадцатого века — карточный шулер, и ее любимая игра — покер, ставший в настоящий момент ее паспортом в Китае.

«Держи, Мона!» — Доменико по кругу передает мне для раскуривания великолепно скрученный косяк, и при этом его рука мягко задевает плечо Ника. Это один из его знаменитых косяков, сделанный из четырех бумажек. Уверенно скрученный косяк с экстра длинным и экстра тонким фильтром, для того чтобы дым не был горячим. С хвостиком на конце; скошенный конус чистой травы, такой не западло докуривать до самого конца. Этикет и заботливость — это главное в его стиле. «Настоящий Поступай-с-другими-так-как-ты-хочешь-чтобы-поступали-с-тобой!», — я посмеиваюсь, выдыхая синий, похожий на туман дым, и думаю о том, что позже надо будет его услугу

возвратить.

Я смотрю, как кольцо дыма вылетает изо рта. Расширяется и сужается. И я думаю о моем возлюбленном, как он лежит в кровати, после того как мы закончили заниматься любовью. Он выдувает кольца, как паровоз, и наши души соединены, после того как наши тела расстались. Моему же рту дым повиновался только по чистой случайности. Он научил меня обманывать. Делать их как на заказ. Включаясь в его реальность, я шлю ему еще пять клонов через вечно расширяющуюся материнскую дыру, — я думаю о том, как ему там, думаю о том, добрался ли он до пирамид. Я чувствую, что добрался: Я плыву, наблюдаю, как измерение плывет в измерении, внутри измерения:

«Эй, Мона!». Я упала на землю. Вернулась в мой пляжный Вавилон. Экстази вставила. Или она или грибы. Или вместе. Чувствую, как удары сердца учащаются. Мое состояние меняется. Контакт с землей произошел, Ник улыбается. «Не желаешь ли прогуляться?» Мы пошли в сторону моря, к флуоресцентной ряби. Песок съедает пространство между пальцами, массирует подошвы, нежно шелушит наши пятки. Поверхность планеты вздымается нам навстречу, она призывает нас оставить отпечаток. Для разнообразия на этот раз нам не казалось, что мы наступали на нее, что мы ее вдавливали. Я стала сильно чувствовать надетую на мне одежду. Обычные удобства казались странными и ненужными.

Трипуем, определенно, трипуем. Ник был спокоен. На шаг впереди. Он в большей степени контролировал свой трип. Наблюдал за моим. Управлял им. Уводил меня в хорошее место. Держал меня на правильном пути. Ничто не могло вылечить голову Ника лучше, чем ответственность за чей-то другой трип. Он опять был в своей тарелке. Заходил и выходил из каменных бассейнов, наблюдал разбегающихся перед нами в стороны маленьких крабов. Меня озаряет осознание происходящего. Мне хорошо. Более того: я счастлива. Нас ждет замечательный сочельник. Нас ждет замечательный Новый год. Замечательное начало. От этой мысли мне еще счастливее. Еще один замкнутый круг измерения. Я спонтанно обнимаю Ника. Проверяю время. Сегодня мы рано начали. Мы были в экваториальном времени, входили в интерзону, сами того не подозревая. Никакие часы не были в состоянии измерить это время: время воспоминаний и надежд.

Солнце зашло ровно через двенадцать часов после рассвета в шесть тридцать; самое подходящее время для первого трюка Доменико. Веранда колониального стиля, на которой мы сидели, попивая джиновые физзы, как экспатрианты из старого Мира,

трансформировалась в Cafe Del Mar на Ибице благодаря тому, что Хозе засовывал в нашу память диск за диском. Напоминая нам, зачем мы здесь собрались. Конспектируя наши жизни. Прощупывая нас теми стимуляторами, которые нам нравились. Нам раздали подносы с La Bamba'ой, — фирменным напитком Cafe Del Mar, состоящим из ледяного бренди и густого шоколадного молока, и под воздействием музыки наша ночная жизнь начала проноситься перед глазами, как высвеченный в стробоскопе кадр. Когда от солнца остался только кровавый поцелуй, пачкающий линию горизонта, Доменико встал и предложил тост: «За музыку — пищу нашей жизни». Его слова словно разорвали нас и по этой подсказке Хозе спроектировал наше настроение в будущее, сыграв свои незаезженные треки. «Играйте!»

И тогда я впервые подумала о Риме. «Играйте!». Слова императора, под ним в ответ рев толпы, и в Колизее разыгрывается древняя дуэль жизни и смерти. Власть. Цена:

Доменико — безупречный хозяин — обходил столы. Настоящий хамелеон. Без усилия находя контакт с каждым столом. Становясь тем, кого гость хотел видеть: серьезного, остроумного, мудрого или дурака. Поддерживая энергию. Без концентрированного усилия ничто не выглядит так натурально. Нас он приветствует в самом конце, — не знаю, использовал ли он ту же фразу уже раньше, но я, тем не менее, задумываюсь на эту тему. Он говорит о Лондоне, о Бэйли, о «нашем острове» и о «нашей свободе». Тотальной свободе. Мы можем делать все, что захотим: мы сами устанавливаем границы. Мы можем вернуться в Райский сад, — такое представить совсем не сложно, по крайней мере, здесь. Рай на земле, если нам угодно. С этой мыслью недурно поиграть. Целый остров — сплошной холст; грунтован и тени положены — все кистью Доменико. Совершенно справедливо, что мы входили в новую реальность. Хотя, на данное время, все еще контролируемую. И надолго ли? Это представление было всего лишь декорацией для сцены. Вызываемые в нас видения прошлых дней — это субстанция, но не сюжет. Это не было будущим. Это мы решали сами:

— Время умирать, — ответил на мои мысли Доменико. Он не говорил. Говорили его глаза, — отражая мои. Мираж имиджей. И чувствовала, что он их то же видел. Или я их показывала. Я вспомнила Бегущего по Лезвию. Рутгер Хауэр на крыше дома разрушающегося города, мокрый от дождя, который начался слишком поздно для того, чтобы его вымыть, но не слишком поздно, чтобы смыть его слезы. И сейчас я поняла значение этой сцены по-другому. И это понимание моментально отложилось в

моем подсознании, в самом его конце, вместе со срывом Ника.

Подали обед. На стол прибывали тарелка за тарелкой. Доменико остался с нами пока мы ели. Он объяснил, что легкие блюда нужны для того, чтобы запустить наш вечер. Местные устрицы и импортное шампанское для нашего либидо; супы мисо и свернутые нори, заряженные молодыми водорослями, мгновенные инъекции B12 для joi de vivre; лобстеры с чесноком, для того чтобы очистить нашу кровь; сасими с гарниром тертого репейника и деликатного мули редиса; кубики льда зеленого чая с привкусом бергамота, для того чтобы очистить наше небо. Ничто на наших тарелках не было мертвым долго: можно было чувствовать энергию, почти что услышать их последний удар сердца; ощутить вкус моря, которое подарило им жизнь. Десерт принес ароматы суши — манго и банан в кокосовом креме и, наконец, свежий дуриан. Большой колючий фрукт с футбольный мяч. Один из самых пользующихся дурной репутацией экспортных продуктов Востока — только за запах его можно запретить. Но что за запах! Доменико разрезал кожуру, и наши ноздри защекотали воспоминания английских летних фруктов: белая клубника и малина — так соблазнительно. И когда он передал фрукт, чтобы мы взяли себе по кусочку, только тогда почувствовался настоящий запах. Омерзительная струя недержания мочи и смерти. Доменико улыбнулся и проглотил, — мы были настолько безупречно британскими, но, будучи далеко от дома в его компании, мы последовали его примеру.

— Мона, ты не забывай, что трипуешь! — на какое-то время у меня появляется подвижность горного козла. Я высоко над берегом — взбираюсь по скале — и все внизу такое маленькое. Включая Ника. «Мона, это слишком опасно. Слезай, я уже не могу за тобой лезть». Я замираю. Меня захватило внутреннее чувство разбиваемого зеркала. Изменения пикселей. Сопротивления. Чувство того, что я не хочу спускаться вниз. Пока еще нет. Здесь так прохладно. Безопасно. Я прилетаю назад, и тут мое сознание возвращается с ударом. И я опять в том же неловком, ограниченном теле. Когда я, наконец, спускаюсь, я сожалею о происшедшем.

— Со мной ничего бы не случилось.

Я хочу идти дальше. Закончить задание. До тех пор пока не пробую двигаться. Под ногами камни поменьше скользят от камней больше, и сейчас они уже не указывают безопасной тропинки, я едва избегаю опасности — как сверху, так и снизу. «А какое было задание-то? Не помню». Я вдруг понимаю, как кругом темно, и как змеиный рот длинного, вытянутого облака откусывает кусочек полной луны. «Двигайся, девочка». Я слушаю

внутренний диалог и безопасно спускаюсь как можно быстрее, я чувствую больше опасности сейчас, потому что теперь я все осознаю.

— Время вернуться в цивилизацию, — говорит Ник, прилепленный спиной к выступу, как прыгун с башен или небоскребов. Я слежу за его взглядом и смотрю вниз, на вечеринку и отель, сквозь его стеклянные крышу-купола, на освещенные фигуры внутри, я смотрю в их жизни. Экзотическая культура сюрреалистического ученого в пробирке мутирует и развивается на глазах. Останавливаясь на границе тел; блокированная интенсивностью танца я думаю о той физической силе, которая при этом генерируется. Непробиваемая. Зажигаю один из косяков, которые благополучно провезла в пачке легкого Camel'a, я глубоко затягиваюсь и наблюдаю все со стороны. Отвлеченно. На расстоянии. Наблюдаю даже саму себя. Шпионю за Моной.

Дым до предела заполнил легкие Моны. Уже убитая, она выдула дым вниз, словно он был морским туманом вокруг ее тела. Она была совершенно пустой, но ей хотелось еще. Она оценила свое состояние. «Я, наверное, прусь серьезно». У нее было утреннее, после MDMA чувство. Водораздельный момент, — когда обычные жар и жесткость дыма становятся незаметными. Когда легкие исчезают. Невидимый обмен между дыханием и кровью. Перед тем как сделать еще одну глубокую затяжку, она автоматически осмотрела косяк на предмет дырок. Эффект был как от поперсов. Это вызвало новые волны. Они захватили ее. Поглотили ее. Закрутили, как в эпицентре урагана.

Барабаны звали. Она узнала этот ритм. Бэйли от вертушек перешел к ударным. Автоматически Мона ринулась через стену тел к центру толпы, бедрами пробиваясь к этому общему звуковому сердцу. Вскарабкавшись на деревянную, построенную в виде юбки ра-ра платформу с 360 градусами обзора, она увидела приближающихся Магз, Ника и Вести. Они то же автоматически ответили на призыв. Он их звал. Они его союзники. Каждый из них был этим вечером в своем трипе, — было совсем некогда. Они все были слишком заняты и сейчас с радостью нашли себя находящими друг друга. Это был секретный код Бэйли. Этим удивительным ритмом он их собрал. Завершение. Для того чтобы испытать американские горки последних минут этого века. Бедра почти на полу. Девушки нашли друг друга для этой полуночной решающей партии, и кайма мини юбки Моны начала подметать деревянный пол. Ник был манерен, настоящее наслаждение для голубого, а движения девушек слились в интуитивном и главном танце всей площадки. Пальцы Бэйли на натянутой коже напрямую

передавали им как надо двигаться. Осмозис. Это был его танец. Визуальное выражение его игры. Актеры под его руководством. Все это было знакомо, написано на каждой спирали человеческого ДНК. И от всего исходили теплота, удобство и счастье. И соединившись, они нашли каждый свой путь. Счастье, уходящее корням в другого человека. Твердо пришвартованные друг к другу, но, тем не менее, далекие, как никогда. Захваченные музыкой, наркотиками и планетарным притяжением.

Чувствуя прикосновение пуховых, шелковых рук, Мона издалека замечает, что ее талию удобно обхватили две руки. «Как давно они меня обнимают?» Казалось, что вечность. Мона открыла глаза. Лицо к лицу. Глаз в глаз. С другой девушкой. Длинные, цвета патоки волосы. Темный загар. Капельки пота на верхней губе. Выразительные карие глаза. Свободная накидка вместо платья. Без обуви. Раскрашенные ноги. Никаких других слов, кроме «Изабелла». Их тела движутся в чистейшей гармонии. Воспоминание. Известное количество. И дальше, вглубь транса.

Бэйли только выпучивает глаза, потому что танец покидает его пальцы и выходит на новый уровень, — тело Моны растягивается вниз и вверху ее пальцы встречаются с пальцами Изабеллы. Столб синего света разрывается в черепе Моны одновременно с тем, как она ощущает прикосновение губ, которые шепчут: «Le petit mort».

Время умирать: Выталкивая меня, слова вылетают спиралью. Луп проделал полный круг. Вокруг меня вечеринка открывается и закрывается. Это конкретно. Я уже не чувствую себя частью этого действа. И уже не чувствую в этом потребность. Смена игрока. Игра вышла из-под контроля. Я хочу найти Доменико. Выполнить обещание самой себе отплатить за услугу — великолепный косяк из глубин мира трипа. Я хочу соединить две реальности. Сделать из них одну. Сделать их цельными. Но я его не вижу. Нигде. Я злюсь. Ну, где же он? Тут до меня доходит. Куда можно пойти, чтобы посмотреть на первый рассвет?

Я смотрю за восток. На мягкий подъем пляжа. В сторону света, который является частью нас самих, точно так же как и темнота. На скалы, на которые я раньше пыталась залезть. На их вершине в бризе реют флаги — вечнозеленый и два небесно голубых — последние обрамляют похожий на Будду силуэт, который может принадлежать только Доменико. Я останавливаюсь, и некоторое время вглядываюсь в этот имидж, я чувствую эхо моего прежнего задания: «Так вот куда я пыталась забраться, вот куда вел меня трип». Наверх. Туда.

Сейчас я четко вижу тропу на вершину. На этот раз опасности никакой. И я легко и так счастливо поднимаюсь к свету. Он

построил нам этот памятник во времени. Он дал нам то, о чем большинство людей и мечтать не могут. Я чувствую, как от этого все внутри меня становится богаче. Все внутри меня звенит. Усиливается. Сливается со звуком колокола. У его колен на подушке цвета золота стоит огромная медная чаша величиной с фруктовую вазу. Рука Доменико опускается и снова легко ударяет в колокол. Звон становится сильнее по мере удаления от чаши, такой низкий и сочный, он проникает в мое сердце. Двадцать или тридцать секунд тишины, и он снова в него бьет. Он зовет.

Он смотрит на линию горизонта. Он медитирует на первые золотые, в свете нового рассвета, лучи. Теперь понятны и символы на флаге. Свободно развевающиеся по ветру. Это журавли — голова в круге крыльев. Я их узнала и поэтому улыбаюсь. Я снова вспоминаю свою мать. Она всегда говорила, что журавли олицетворяют то, каким должно быть материнство. Когда еды нет, они будут отрывать кусочки собственного мяса, для того чтобы прокормить потомство. Они отдают себя в жертву для будущего. Мать всегда говорила, что журавли могут кое-чему научить человечество. Вибрации меняются. Очень незаметно. Принимают форму голоса Доменико. Заключенная в луп мантра без намека на шов между концом и началом. Она становится громче. В руках он держит свиток, и кончиками пальцев крутит его очень, очень осторожно. Звук моих шагов разбивает его очарование. Он поворачивается вправо, и уже второй раз на этой скале я застываю. Я очарована. За ним я вижу стоящего на коленях Ника. Церемониально Доменико кладет свиток в шелковый мешочек и передает Нику. Он выглядит прекрасно. У него нет возраста. Так словно он, наконец, узнал, кто он есть на самом деле. Выражения лиц Ника и Доменико одинаковое, одно отражает другое. Открытое. Бесконечное.

— Это теперь твое, — говорит Доменико и его голос тише, чем тишина. Ник только смотрит на подарок в его руках, и слезы текут по его лицу.

— Что это? — спрашиваю я, и чувствую себя полной невеждой. Потом вижу радость в его улыбке.

— Это второй шанс, — отвечает Ник. Очищенный. Перерожденный. Его кожа — это покрывало золотых слез. Цвета прозрения.

Курция Ньюлэнд
Часть моих мыслей

В тот вечер они встретились около семи подле «Белсайз Хауз». К этому времени окна в здании уже погасли, а ночь была достаточно холодной — они тихо ругались и жаловались на погоду. Как, впрочем, бывало каждую зиму. Через площадку для игр к их дому тянулся призрачный туман — словно легкий дымок, словно бесплотный призрак, бродящий по пустому дому, отчаявшийся найти хотя бы одну жертву. По улице нескончаемым потоком текли роскошно разодетые бездельники, их лица разрумянились от предвкушения грядущих празднеств.

Хотя большинство вело себя именно так, как обычные бездельники перед хорошей вечеринкой, некоторые казались подавленными и напряженными. Эти завсегдатаи празднеств молчаливо шли со своими приятелями, передавая друг другу бутылки с шампанским и косяки с марихуаной; историческое событие, до которого оставалось менее пяти часов, словно бы заворожило их, заставило оцепенеть. Более жизнерадостные свистели в свистки и рожки или с лихорадочным возбуждением выкрикивали поздравления; они направлялись в «новый» конец Гринсайда, где шел уличный праздник в честь его официального открытия. Влюбленные парочки целовались и обнимались друг с другом с такой теплотой и нежностью, словно каждый взгляд или прикосновение могли стать последними.

Компания юнцов возле «Белсайза» по временам посматривала вверх, но больше ни на что не обращала внимания; по их лицам нельзя было сказать, что сцены, происходившие вокруг них, вызывали у молодых людей хоть какие-то чувства. Их было пятнадцать — девять юношей и шесть девушек, которые были согласны с тем, что «Розовый Сад» в Кройдоне был именно тем клубом, в который стоило пойти, поскольку он мог похвастаться четырьмя этажами: «Гараж», «Хип-Хоп», «Ритм-энд-Блюз» и «Драм-эн-Басс». Никто не собирался появляться на месте сбора раньше одиннадцати, но, поскольку большинство вечеров они все равно проводили в этом квартале, им просто суждено было встретиться, чтобы выпить и покурить перед началом праздника.

Они столпились на тротуаре, невидяще глядя в сторону спортплощадки; желтые лампы в лестничных пролетах отбрасывали на асфальт пятна света. В основном все молчали. Сисси крепко прижималась к Валентину, как это часто бывает у влюбленных, всем своим видом показывая: этот парень — мой!

Валентин отвечал ей тем же; обоих абсолютно не волновало присутствие остальных. Орин наблюдал за своей сестрой, нещадно дымя сигаретой; его лучший друг Малькольм стоял рядом, обмениваясь тихими шуточками с Алексом Картером (который стремительно превращался в Лучшего Парня района). Каролин напевала последнюю новинку от «Бокс»; Лила, Сиан и Софи подпевали, на удивление хорошо. Бенджи громко болтал с Робби о своей последней любовной победе. Райан последний раз глубоко затянулся и передал косяк Рэю.

Малыш Стэйси стоял, засунув руки в карманы; его лицо было напряженным и раздумчивым, словно в голове его роились тысячи мрачных мыслей. Он стоял, глядя, как приближается туман, вспоминая свою жизнь и размышляя, по какому пути она пойдет после полуночи, когда он вместе со всем остальным миром отважно вступит в следующее столетие. Он вполне мог признать это, но предпочитал обманывать сам себя. У каждого человека, где бы он ни находился, были свои теории касательно того, что будет дальше, но ни одна из теорий не казалась сколько-нибудь обещающей. Мать Стэйси полагала, что наступает конец света. Бенджи считал, что компьютеры захватят власть над миром, как это сделал Скайнет в «Терминаторе». Кузина Стэйси Надя говорила, что крайне правые фашисты начнут мировую войну, и жизнь чернокожих в Англии станет вдвое тяжелее. В свои шестнадцать Стэйси думал, что его жизнь и без того была достаточно тяжела; он не был уверен в том, что выдержит, если она станет еще хуже.

Всякий раз, когда Стэйси думал о наступлении нового тысячелетия, его нервы начинали гудеть подобно натянутым гитарным струнам. Страхи были похожи на острые ножи, пронзавшие его внутренности.

Рэй слегка сжал локоть Стэйси. Тот опустил глаза, взял из пальцев друга недокуренный косяк и медленно поднес ее к губам. Рэй повел плечами, сделал движение, словно нанося удар невидимому противнику, потом приподнялся на цыпочки и ухмыльнулся остальным.

— Жду не дождусь сегодняшнего, — искренне сообщил он остальным. Райан вопросительно поднял бровь.

— Да все будет отлично, вот увидишь! Тусовка будет в «Розовом саду» — прошлый раз там было просто классно.

— Точно! — крикнул Бенджи из того угла, откуда он услышал последнюю реплику.

— Классно было в «Саду» в прошлый раз; я там тоже был. Надеюсь, сегодня мы выдадим на полную катушку!

Никто ничего не сказал в ответ; девушки — потому что

устали от постоянного подкалывания Бенджи, парни — потому что знали, что он прав. Стэйси обхватил себя руками; он дрожал от холода.

— Сегодня ночью будет холодно.

— Ну и что! — пискнула Кэролайн. Ей было шестнадцать, и она была очень красива. — Я просто хочу покурить и выпить, и оторваться, как смогу. Сегодня такая гулянка должна быть!

Стэйси выбросил окурок и снова сумрачно похлопал себя по бокам.

— Похоже, будет снег, — низким голосом проворчал он.

— Что ты говоришь, мать твою, снега не было уже года четыре или пять! — горячо возразил Рэй. — И сегодня ночью не видать тебе снега!

— В прошлом году снег был, и ты это знаешь, не фига тут! — ответил Стэйси. — Мы как раз тут и сидели, когда был снег!

— Это был не снег, — фыркнул Бенджи. — Настоящий снег должен лежать; а это дерьмо просто растеклось по асфальту, и все тут; ну, ты понял.

Он рассмеялся в лицо Стэйси и взмахнул своей бутылкой апельсинового «Хуча»:

— Кстати, о снеге…

Стэйси прищелкнул языком.

— Да, точно, единственно, почему снега нет — из-за этого дерьмового глобального потепления. В этой стране уже настоящие тропики, все эти безумные жуки и мошки летают вокруг каждое лето, а зимой нет снега. Меня от этого просто тошнит — я до смерти хочу убраться отсюда…

Стэйси снова прищелкнул языком, на этот раз — со злостью, потом вздохнул и снова принялся разглядывать клубящийся, ползущий по земле туман. Его молча оглядели, переглянулись, пожали плечами. Сиан, маленькая китаяночка в очках, повернулась к молодому человеку, сдвинув брови:

— Что с тобой такое?

Он плотнее обхватил себя руками, потом снова вздохнул и уронил руки.

— Ништяк, все в порядке…

— Точно? — присоединилась к разговору Лила. — Глядя на тебя, этого не скажешь.

— Верно говоришь, — подтвердила Сиан.

— Все с ним в порядке, дай братку расслабиться, — зарычал на девушек Бенджи. Он был одним из тех людей, которым всегда нужно говорить раз в десять громче окружающих. — Он вам уже сказал, что у него все круто, так что нечего тут над ним кудахтать…

— Отвали, Бенджи, — оборвала его Лила, резко развернувшись лицом к парню. — Стэйси, вроде как, из твоей компании, а ты даже не въезжаешь, когда с ним что-то не то творится. Барахло ты. И пасть у тебя слишком большая, ты слишком громко ее разеваешь, но ни одной долбанной умной мысли…

— Ну, да, да, и еще не только у меня здесь большая пасть, сечешь, о чем я? — фальшивым голосом пропел Бенджи. — Это все из-за той дряни, которую ты сейчас принимаешь, так, Ли? — Бенджи раскрыл рот и подвигал челюстью вверх-вниз, чтобы проиллюстрировать свои слова, что вызвало у ребят взрыв хохота. Райан начал петь «Проложи это в рот» Аркинеля; вокруг чуть не лопались от смеха. Лила одарила Бенджи взглядом, который мог и Медузу превратить в камень, но промолчала, понимая, что проиграла. Райан изобразил было партию ударных, завершавшую классический хит, но тут заметил что-то и указал на спортплощадку:

— Глядите…

Все, кроме Стэйси, (который теперь мрачно созерцал дорогу), посмотрели в указанном направлении. Через высокую стену площадки перебиралась фигура в капюшоне, как раз переваливавшая на уличную сторону; пока ребята наблюдали за ней, фигура перекинула левую ногу через ограду и рухнула на тротуар; потом незнакомец посмотрел в их сторону и поднял сжатую в кулак руку жестом приветствия. Райан прищурился:

— Эт-то еще что?

Малыш Стэйси поднял глаза с утомленным выражением лица, потом внезапно улыбнулся, узнав того, кто двигался сейчас в их направлении. Он кивнул и тоже поднял кулак; незнакомец приблизился к ним.

— Что такое, Немо? Что происходит?

Парень по прозвищу Немо стукнул кулаком о кулак Малыша Стэйси, потом тем же образом поприветствовал по очереди всех молодых людей. Куртка «Найк» с капюшоном, которую он носил, была покрыта пятнами всех цветов радуги; армейские штаны были примерно в том же состоянии. Маленький рюкзак за спиной погрохатывал при каждом его движении; рюкзак был таким же потрепанным и разноцветным, как и его хозяин.

— Все в порядке. Пришлось поработать, въезжаешь? Вы сегодня гуляете?

Вся компания согласно и охотно закивала.

— И куда направляетесь?

— В «Розовый Сад». Там сегодня гулянка, все туда собираются, — судя по всему, Малыш Стэйси был счастлив

отправиться в этот вечер на праздник, хотя это была по большей части его идея, и именно у него оказалась украденная «Мастеркарта», которую они использовали для заказа билетов. Немо поднял бровь; его лицо, казавшееся одновременно юным и старым, было сосредоточенным и серьезным.

— Да, «Розовый Сад» — крутая тусовка, вы классно там оттянетесь.

— И что, ты тоже пойдешь, Немо? — спросила Сисси, по-прежнему обнимавшаяся с Валом. Немо покачал головой и бледно улыбнулся:

— Нет, парни, я давно все это прошел, догоняете? Я больше не тусуюсь. Я занимаюсь Искусством.

На это Малыш Стэйси улыбнулся, как гордый отец, которому его сын вслух рассказывает алфавит. Остальные переглянулись, нахмурившись, потом посмотрели на Немо так, словно он признался в дъяволопоклонничестве.

— Что, сегодня ты пишешь? — поинтересовался Стэйси.

Немо огляделся; было явно видно, что он не уверен, стоит ли раскрывать перед остальными свои планы. Он моргнул, откашлялся, прочищая горло, потом медленно заговорил.

— Да… у меня появилась такая идея… я тебе показывал наброски… Нужно этим заняться…

Теперь молодежь заинтересовалась; они подошли поближе к молодому человеку в капюшоне, явно желая узнать, что может оказаться более важным, чем празднование Нового Года. В особенности этого Нового Года. Орин прикурил очередную сигарету и сделал жест в сторону Немо:

— Это действительно вещь? Или фигня какая?

Немо фыркнул:

— Фигня? Брось, ты знаешь, я не из таких, кто фигней страдает, въезжаешь? А сегодня… я хочу сделать лучшую свою вещь, посвященную новому тысячелетию.

— И о чем там будет?

Немо усмехнулся, потом трижды постучал пальцем по кончику носа:

— Погоди, увидишь. Нужно просто подождать, и увидишь. Я не собираюсь рассказывать о своем плане действий, пока не пришло время. Я только скажу, что эта моя вещь о новом тысячелетии будет не только самой большой и лучшей из того, что давало Искусство этой страны за последнее время — она будет, к тому же, стратегически расположена так, что ее нельзя будет пропустить.

— Типа?.. — поинтересовался Стэйси.

— Этого я тоже пока не могу сказать, — смущенно признался

Немо.

У ребят вырвался стон разочарования.

— Почему? — спросил Малькольм.

Немо невинным взглядом окинул их суровые лица:

— Потому что я не хочу рисковать, не хочу, чтобы хоть один человек знал, что я хочу сделать — просто, чтобы никто ничего не разболтал. Досужая болтовня может оказать мне паршивую услугу.

— Брось, парень, — настаивал Малыш Стэйси, которого не убедили слова друга. — Ты же с мужчинами разговариваешь…

— И с девушками, — вставила Кэролайн, но на нее никто не обратил внимания.

— Или ты думаешь, что мы такие болтуны и все растреплем? — продолжал Малыш.

— Да нет, конечно… Но будет лучше, если я пока придержу это при себе. Поверьте, все станет известно после сегодняшнего вечера — и поверьте, вы просто не сможете это пропустить. Вам что, трудно один день подождать?

Вся компания недовольно заворчала. Немо пожал плечами:

— Все равно мне еще нужно кое-что сделать. Попозже вы будете поблизости?

— Будем, будем, — ответил Стэйси. — По крайней мере, до десяти или половины одиннадцатого. Если сразу не найдешь, загляни на мою вечеринку. Можем вместе раскурить новогодний косячок, сечешь?

— Ладно, парень, — ответил Немо, снова вскинув кулак. — Я попозже к вам загляну, ничего?

— Нормально. Удачи тебе с твоими делами, — присоединился к хору прощаний Орин. Немо кивнул, потом развернулся и пошел на свою квартиру в «Бартоломью Хауз». Орин проводил его взглядом, потом покачал головой.

— Граффити, — он недовольно сплюнул. — Я-то думал, парень уже давно перестал этим заниматься.

— Да нет, — возразил Малыш Стэйси; по его лицу явственно можно было прочесть, что он знает больше остальных и гордится этим. — Парень делом занимается; и я тебе вот что скажу: если он говорит, что эта его штука, которую он готовит к новому тысячелетию, стоит того, чтобы на нее посмотреть, значит, так оно и есть…

… По дороге домой он вытащил из кармана маркер и принялся писать свое имя на стенах, сумрачно улыбаясь и качая головой, когда видел росписи Ксендо и Бузы, попадавшиеся почти с той же частотой, что и его собственные надписи. Он использовал жирные, свивающиеся буквы, соединявшиеся друг с

другом — так, чтобы легче было писать, но пи этом начертанные так причудливо, что неопытный человек просто не сумел бы их прочесть. Хотя все знали его как Немо, и он по-прежнему писал это имя, когда ему это было удобно, последней его подписью было «Омен-99»: ей он пользовался уже шесть месяцев; разумеется, это было просто имя Немо, прочтенное с конца. Один приятель рассказал, что они зашли помочиться в туалетную комнатушку «Бургер Кинга» на Лестер-сквэйр и увидели высоко над своими головами эту надпись, сделанную красной аэрозольной краской на резервуаре с водой. Немо нравилось, когда ему рассказывали такие вещи.

По временам он писал имя «Риск», хотя и не пользовался им уже год или два, так что только олдовые парни, занимавшиеся граффити, знали его как Риска. Он всерьез занимался Искусством с двенадцати лет; теперь ему было двадцать три, он пристрастился к наркотикам, как любой нормальный человек с нормальным хобби. С тех самых пор, когда он посмотрел фильм «Дикий стиль», Немо захотелось делать то, что нью-йоркские художники граффити умели лучше всего: расписывать именами, надписями, рисунками стены домов, целиком разрисовывать автомобили… Конечно, пробраться в парк поездов было сложнее, чем в Штатах, но с компанией семерых ребят-единомышленников, известных как ВВГ — Вандалы Внутреннего Города, Немо хорошенько постарался, расписав названием своей группы каждый поезд, свободную стену или здание. К тому времени, когда он справил свой девятнадцатый день рождения, ВВГ уже почти три месяца как разошлись из-за внутренних споров и разногласий. С тех пор Немо работал один: поначалу это пугало, но со временем он научился любить и ценить такое одиночество.

Неожиданный шум раздался позади как раз в тот момент, когда он выводил вторую девятку; он вздрогнул и стремительно обернулся: дорогу напротив переходил высокий чернокожий человек средних лет. Он посмотрел прямо на Немо. Молодой человек быстро спрятал орудия производства и, засунув руки в карманы, развернулся на каблуках. Чернокожий продолжал разглядывать Немо; заметив эту попытку прикинуться невинным, он улыбнулся.

— Не бойся! — крикнул чернокожий и махнул рукой, прежде чем развернуться и зашагать прочь. Немо медленно двинулся следом, еле заметно улыбнувшись: чувствовал он себя прекрасно. Похоже, не все ненавидели художников граффити. В общем-то, это происшествие можно было счесть добрым предзнаменованием, сулившим удачу сегодняшней затее.

Мужчина прошел мимо дома, где жили ребята, и направился

к «новому» концу Гринсайда, беспечно помахивая пластиковым пакетом. Немо пересек дорогу у «Бартоломью» и увидел компанию девчонок, прислонившихся к дверям у входа. Он беззвучно застонал; его шаг, против воли, замедлился.

Ванесса, самая высокая и самая красивая изо всех четырех девушек, отделилась от группы и пошла к Немо с улыбкой, способной растопить даже ледяное сердце.

— Привет, Немо, — пропела она, приближаясь к нему легким шагом, чуть покачивая бедрами. — Что происходит в твоем мире?

— Все то же дерьмо, — грубовато ответил художник граффити, небрежно дернув плечом. — Я просто прогуливаюсь, гружу народ, кое-что рисую… ну, в общем, понятно…

Он остановился у входа в здание, равнодушно разглядывая Ванессу и ее подружек. Сама Ванесса и ее лучшая подруга Барбара (которую все, кто ее знал, называли Буза были из «Каннингем Хауз», самого нового здания в Гринсайде. У Ванессы была спортивная фигура и каштановые волосы; к девятнадцати годам у нее хватало и академических знаний, и мудрости улиц. Она переехала сюда со своей сестрой-калекой три месяца назад и сейчас обучалась высокому искусству, мечтая когда-нибудь в будущем стать модельером. Они с Бузой с ума сходили по граффити, а это неизбежно влекло их к Немо, одному из самых плодовитых художников в Западном Лондоне. Их внимание льстило Немо, однако очевидная, почти навязчивая привлекательность девушки пробуждала в нем инстинкт одиночки: ему хотелось бежать от нее в поисках укрытия. Симпатичная и любящая повеселиться Буза, в то же время, была с ним в прекрасных отношениях: их соединяла уютная платоническая дружба, основанная на их обоюдной любви к Искусству.

При его последних словах Ванесса скривилась и угрожающе уперла руки в бока:

— Почему так получается, что ты никогда не зовешь нас с Би с собой, когда отправляешься гулять? Мы тоже хотим рисовать наши знаки!

Ванесса была владелицей знака «Ксендо», а Буза просто писала свое прозвище. Они постоянно засыпали Немо просьбами научить их своему искусству; однако он все время отказывался, говоря, что научить этому невозможно. Тем не менее, попытки убедить девушек оставить его в покое не увенчались успехом. Пока.

— О, брось, у меня нет времени ставить всех и каждого в известность о любом своем движении. Я ничего не планирую, ничего подобного, просто делаю это, когда у меня появляется

такое настроение.

— Было бы неплохо, если бы ты все-таки предупреждал нас, — вскользь обронила Буза. — Ну, мы и так видели то, что ты сделал в индустриальном районе на Мобли Уэй. Это было здорово. Неужели ты думаешь, что мы сами сможем научиться делать это так же хорошо? Нам нужно, чтобы ты помог нам.

Требования девушек начинали действовать ему на нервы. Он терпеть не мог, когда на него давили — в особенности эти художницы-недоучки, которые, похоже, хотели навязать ему тот образ жизни, что был им по душе. Он скривился и фыркнул носом:

— Я ничего от вас не жду…

Словно что-то оборвалось в Ванессе: она резко, со злостью развернулась к нему:

— Почему ты всегда так себя ведешь? — внезапно выплюнула она; ее лицо помрачнело, на нем читалась угроза. — Что мы сделали, что ты так с нами обращаешься?

Немо молча посмотрел на обеих девушек, не зная, как ответить на вопрос Ванессы. Он прищелкнул языком и решил, что больше не намерен это терпеть.

— Мать вашу, я не собираюсь с этим возиться…

В возбуждении от зашагал мимо них, коротко кивнув другим двум девушкам, Мелинде и Кэйт, потом пошел к лифтам, ни разу не обернувшись, провожаемый руганью и проклятиями. Уже в лифте, поднимающемся на одиннадцатый этаж, он прижался лбом к стенке лифта, потом осознал, что делает, и резко отскочил.

Что ж, ты мог и получше с этим управиться, сказал он себе, глядя на светящиеся цифры, бегущие по потолку лифта. Он терпеть не мог так грубо разговаривать с людьми, но большей частью это выходило бессознательно — реакция, которую ему трудно было сдержать. На самом деле, Ванесса была вовсе не такой уж плохой и совершенно не заслуживала столь жесткого обращения; но он был одиночкой и не любил, когда его свободу стесняли. Уже теперь, спустя всего несколько минут после того, как он так обошелся с девушкой, ему хотелось извиниться перед ней, — но он понимал, что не может этого сделать; он уже знал, что ни разум, ни язык не послушаются его.

Этаж, на котором он жил, был темен и мрачен. Немо не обращал на это внимания; он вошел в квартиру, щелкнул выключателем и с треском захлопнул дверь. Теперь он жил один, но раньше делил квартиру с двумя спальнями со своей бабушкой, которая умерла почти год назад. После этого городской совет с неудовольствием предоставил квартиру в полное его

распоряжение. Гостиная и кухня остались такими же, как при бабушке; но на дверях туалета и на обоях появлялись маленькие рисунки и надписи, сделанные шариковой ручкой и попадавшиеся все чаще по мере приближения к комнате Немо — наследие его приятелей-художников, которые посещали эту квартиру. Дверь спальни была вся покрыта надписями, почти невозможно было понять, что когда-то она была покрашена в белый цвет. Немо сбросил рюкзак со спины, держа его в левой руке, повернул ручку двери и вошел в комнату, которая за годы успела стать чем-то вроде святилища языческому богу граффити.

Самую большую стену полностью занимала огромная фреска, сделанная аэрозольной краской и представлявшая собой иллюстрированную надпись «Я люблю граффити». Под этой надписью был изображен стоящий у кирпичной стены херувим шести футов высотой, вся одежда которого состояла из фигового листка; херувим небрежно держал баллончик с аэрозолем. Он только что закончил рисовать огромное сердечко. Колчан херувима вместо стрел был заполнен баллончиками с аэрозолями. На противоположной стене висел прикрепленный кнопками к потолку лист, закрывавший ее целиком; здесь разместилась картина в «диком» стиле, сделанная Немо много лет назад и носившая название «Городская лихорадка». Телевизор и видеомагнитофон были небрежно пристроены на стуле посередине комнаты. Вместо постели в комнате был брошенный прямо на пол матрас; по полу были раскиданы насадки, колпачки, клочки бумаги, ручки, баллончики с краской и журналы…

Единственным прибранным местом в комнате был маленький стол и стул в углу. На столе стояла кружка с разноцветными ручками, над ним висела полка, плотно уставленная книжками и папками с набросками. На столешнице был разложен лист формата А3, казавшийся, на первый взгляд, разноцветной мозаикой. Немо подошел к листку, бросил на пол рюкзак и откинул капюшон; его глаза горели от гордости, он пожирал взглядом каждую линию, каждую букву… Это была лучшая его работа. Его мечта. Венец его достижений. Это было его Творение Тысячелетия.

За три месяца он истратил восемь листов формата А3 и четыре коробки цветных карандашей, чтобы создать этот титанический образчик своего искусства. Слова «Счастливого Нового 2000 года!» взрывались на листе разноцветием красок, а огромный мускулистый чернокожий человек, стоявший за надписью, обхватывал ее руками, словно бы хотел сдавить буквы, спрессовать их вместе. Ноги великана, обтянутых джинсами, тонули в круговерти танцующих фигур, изображавших людей всех

рас, полов и возрастов.

Этой его работы никто не видел. Это была сверхсекретная работа, о которой он не рассказывал никому из сотен знакомых художников, и про которую даже никогда не упоминал до сегодняшнего дня. Один Бог знает, почему он рассказал о своих намерениях Малышу Стэйси и его компании. Наверное, потому, что ему нравился этот парень: Стэйси был умным и забавным, его интуиция делала юношу мудрее своих лет; кроме того, у парня был здоровый интерес к Искусству. Несколько раз Немо брал с собой семнадцатилетнего Стэйси — и впервые за все время был доволен тем, что у него есть соучастник. Конечно, слишком рано было говорить о том, чего мог стоить Стэйси с баллончиком краски в руках, но, судя по тем его работам в карандаше, которые видел Немо, парень обещал стать потрясающим художником граффити.

Немо с неудовольствием признался себе, что ему было одиноко. С тех самых пор, когда умерла его бабушка, квартира всегда была холодной и слишком тихой; кроме того, Немо по-прежнему чувствовал, что ее дух все еще витает в квартире, словно бы присматривая за ним. Не то чтобы это пугало его — ничего подобного; однако, по чести сказать, иногда ему хотелось бы слышать здесь еще чей-нибудь голос. Желательно — женский. Черт побери, уже почти наступил новый век — а он жил один, работал один, играл один… Немо нужен был компаньон. Он был просто слишком упрямым и стеснительным, чтобы самому предпринимать какие-то шаги.

Молодой человек посмотрел на часы; потом прошел к постели и, потянувшись, взял портативный приемник. «Полночь-ФМ» (бывшая пиратская радиостанция района) получила трехмесячную лицензию, которая прихватывала еще и один месяц нового года. Комнату Немо тотчас заполнила музыка; секунду били барабаны и звучали басы, потом мелодия поднялась вверх, в нее ворвался голос ведущего, заставивший молодого человека улыбнуться. Немо потянулся за пепельницей, нашел в ней недокуренный бычок и с наслаждением прикурил.

— Перемотай это назад, ди-джей, ты ведь знаешь — это то, что надо… Сегодня «Полночь-ФМ» проходится по мотивам прошлого года, сегодня у нас — звуки прошлого. Сейчас вы слышали «Баста-Баста Раймз» для той штуки, «Все остается сырым»… Так мы проводим полночь: выберите мелодию… Началась музыка, загудели барабаны: песня была именно такой, какой запомнил ее Немо. Он постарался забыть о своем одиночестве, кивнул, глубоко затянулся и прикрыл глаза, наслаждаясь мыслью о том, что его час почти уже пришел.

Малыш Стэйси собирался на вечеринку весьма неспешно: он медленно вымылся, невероятно медленно оделся; к тому времени, когда он гордо созерцал результат в большом зеркале спальни, он все еще не знал, действительно ли собирается туда идти. На нем была небесно-голубая рубашка от Ива Сен-Лорана, поблескивавшая в неярком электрическом свете, и пара совершенно новых джинсов от Версаче; и то, и другое он купил по «Мастеркарте». Его волосы были подстрижен не далее как этим вечером. Его тренажеры были куплены в местном отделении «Джей-Ди Спортс» в Хаммерсмите.

Для семнадцатилетнего подростка его комната была на удивление чистой и опрятной. В ней стояла дорогая двуспальная кровать, покрытая многоцветным покрывалом, сосновый шкаф от ИКЕА и, под стать ему, туалетный столик, а в углу поместился аудиовидеоцентр «Сони». Стены были оклеены сиреневыми обоями. Наверху шкафа стояли коробки с тренажерами и обувью, за приоткрытой дверцей виднелся ряд костюмов, рубашек, маек, джинсов и брюк. Его мать никогда не спрашивала, откуда у него деньги на все это: у нее тоже были свои способы сводить концы с концами. В целом, у молодого человека была весьма спокойная домашняя жизнь, если не считать редких ссор со старшим братом.

Стэйси тоже слушал ночное шоу «Полуночи», хотя и вполуха, не вслушиваясь. Он снова посмотрел на себя в зеркало. Выглядел он отлично. Но почему же тогда, хотя все выглядело, вроде бы, нормально, ему казалось, что что-то не так? Он вздохнул и повалился на постель как раз в тот момент, когда в дверь его спальни громко постучали. Он выключил радио, включил телевизор и, не глядя, крикнул:

— Входите!

В комнату вошла его мать, Гейла, в черном облегающем мини-платье, в туфлях на высоком каблуке; она раскинула руки и широко улыбнулась сыну.

— Та-да! — пропела она своим хрипловатым голосом. Стэйси посмотрел на нее.

— Ну, скажи, как я тебе? Я выгляжу сексуальной, разве нет?

Стэйси одарил ее несчастным взглядом, потом снова повернулся к телевизору.

— Да, мам, ты выглядишь очень сексуально, — пробормотал он. — Значит, сегодня ты идешь с Льюисом?

— Угу… — улыбнулась Гейла. — Он приглашает меня на ужин, а потом, скажу тебе, мы пойдем на вечеринку…

Она прошла несколько шагов танцующим шагом; Стэйси невольно рассмеялся. Льюис был отцом Сисси и Орина и приятелем его матери. У Гейла был с ним роман последние два

года — и, похоже, они были счастливы вместе. Стэйси был рад за мать, хотя его старшего брата Никки, похоже, несколько шокировала вся эта история.

— А ты, значит, все-таки собираешься в «Розовый Сад»? — продолжала Гейла, выискивая в его пепельнице окурок подлиннее; найдя, прикурила и жадно затянулась. Стэйси не обратил на это внимания: он уже давно привык к своей матери.

— Да… думаю, да… Хм-м… вообще-то не знаю…

Она прищурилась, пристально вгляделась в сына, наконец, поняв его состояние и увидев мрачное выражение на его лице:

— С тобой все в порядке?

Пауза. Он серьезно задумался над вопросом; с его языка чуть было не сорвался резкий ответ, но он вовремя вспомнил, что говорит с матерью — а по ее представлениям, завтра они все вполне могли погибнуть. Он решил не беспокоить ее.

— Нет, все в порядке, мама. Я просто боюсь — боюсь того, что с нами может случиться завтра. Каждый раз, когда я думаю об этом, у меня сердце в пятки уходит. Я пытался рассказать об этом Рошель, но она только сказала, что это глупо и по-детски… А я ничего не могу с собой поделать. Я и вправду думаю, что случится что-то плохое, мама. И мне так страшно…

Раздался звонок в дверь. Мать с облегчением обернулась, потом снова перевела взгляд на сына и посмотрела на него с жалостью. Подойдя к сыну, она положила теплую ладонь ему на лоб:

— Все будет хорошо, Стэйс, сегодня ночью ничего плохого не случится. Это праздник, шаг в новую эру…

— Раньше ты совсем не так говорила! — возразил он. — Ты говорила, что наступает конец света, и все такое!

Гейла пожала плечами, снова взглянув на дверь спальни. Раздался новый звонок, громче и настойчивее. Стэйси понял, что утратил внимание матери — по крайней мере, на данный момент. Поэтому он перестал обращать внимание на ее руку, уставившись в экран. У Гейлы был такой вид, словно она разрывается пополам.

— Ты же меня знаешь, дорогой — я вечно болтаю всякую ерунду… ты не должен все это слушать, хорошо?

— Хорошо, хорошо, — проворчал он, потеряв интерес к разговору. — Ты лучше иди, куда собиралась, а то Льюис окончательно разозлится.

Больше ничего его матери говорить и не нужно было.

— Отлично, тогда я пошла, — пропела она, посылая ему воздушный поцелуй. — Увидимся! И не волнуйся, никаких стихийных бедствий и войн не будет; это просто Новый Год, такой же, как и все остальные. Хорошо?

— Хорошо… Счастливо повеселиться.

— Тебе тоже, дорогой. Счастливого тысячелетия.

— Да, мам. Счастливого тысячелетия.

Когда мать вышла из комнаты, он позволил себе откинуться на диван. Он чувствовал себя одиноким. Безнадежно. Похоже, никто не понимал, что он чувствует.

Хлопнула входная дверь. Лежа с закрытыми глазами, он слышал, как открылась дверь его спальни, как прошуршали внутрь шаги. Он не поднялся, просто заговорил громко, хотя его голос заглушало покрывало:

— Мать вашу, постучать, что ли, нельзя?

— Заткни пасть. Дай лучше курнуть.

— Не.

— Что?

Он поднял глаза и увидел своего братца Ника: тот возвышался над ним, огромный, одетый в канареечно-желтый костюм от «Эксель»; узкая пурпурная бандана удерживала в относительном порядке его буйную шевелюру. Он пошел в своего отца (который вовсе не был отцом Стэйси) и был большим, сильным и широкогрудым. Никки было двадцать пять, и он был «скверным парнем» Гринсайда, цель жизни которого, похоже, заключалась в том, чтобы превратить все существование своего брата в сплошное несчастье.

— Я же тебе сказал, нет ничего, — зло выплюнул Стэйси. У него действительно не было настроения этим заниматься.

— Не ври, парень, я чую запах травки. У тебя всегда есть, я же знаю, — Никки пошел к шкафу Стэйси и начал вытаскивать ящики, разыскивая травку. Малыш Стэйси поднялся с кровати и уставился на своего брата.

— Отвали к матери от моих ящиков, нечего тут хозяйничать в моей комнате. Иди ищи сам, где хочешь и отвяжись от меня!

Никки цыкнул зубом и продолжил рыться в вещах.

— Точно тебе говорю, ты тут ничего не найдешь.

Никки еще покопался в ящиках, повыдвигав их все, пока не понял, что Стэйси был прав. Он фыркнул, захлопнул шкаф, поднялся и пошел к выходу.

— Сопляк поганый, — зло фыркнул он, прежде чем с грохотом захлопнул дверь спальни.

Стэйси закатил глаза, сделал не вполне приличный жест в сторону двери, потом перевернулся на спину и уставился в потолок. У него и без того болела голова, ему вовсе не нужен был еще и братец, чтобы ухудшить состояние. Может быть, все происходящее было дурным предзнаменованием перед грядущей ночью. Может быть, ему не стоит идти на сегодняшнюю

вечеринку. Но, с другой стороны, если не пойти, то что же он будет делать? Он же точно не станет болтаться по Гринсайду в ожидании наступления 2000 года. Тогда — что же ему делать?

Некоторое время он размышлял о том, чтобы позвонить своей девушке Рошель и сказать ей, что сегодня он не придет. Он знал, что она расстроится. Знал, что она не поймет. Рошель была мечтой цвета черного дерева, состоявшей исключительно из изгибов и мягких округлостей — и при этом такая же серьезная и деловая, как и все остальные его друзья. Они хорошо работали вместе, их семьи любили друг друга, да и сами они выглядели неплохо. Она была утесом среди волн его штормовой уличной жизни, хотя иногда он и задумывался о том, кто из них двоих больше вовлечен во все сложности этой жизни.

Он поднялся с постели, пошел к двери спальни и тихо, так, чтобы не услышал Никки, повернул замок. Потом прокрался к шкафу и сдвинул его так, чтобы шкаф встал под углом к стене. Он наклонился и вытащил толстый пакет, завернутый в полотенце; потом бросил пакет на кровать, развернул полотенце и уставился внутрь, как зачарованный.

Там лежало полкило травы: по крайней мере, двадцать готовых десятифунтовых пакетиков марихуаны. Бенджи приберег немного крэка, а у Орина имелось экстази — они втроем решили, что поставят всю вечеринку на уши. Рошель и остальные девушки заявили, что не против подержать наркотики у себя, пока охранника «Розового Сада» будут обыскивать ребят, так что все должно было выйти круто. Именно поэтому он и не мог остаться сегодня дома. Нужно было сделать деньги и устроить веселье.

Почти в тот же момент он услышал легкое постукивание в дверь. Встревоженный, он спрыгнул с кровати и оглядел комнату, словно внутрь уже ворвалась целая бригада полиции с ордерами на обыск и собаками, натасканными на поиск наркотиков. Его взгляд стал жестким и сосредоточенным.

— Кто здесь? — рявкнул он.

— Немо, — ответствовал голос из-за двери. — Пришел насчет того дела с тысячелетием, ну, ты понял.

Лицо Малыша Стэйси снова помолодело от облегчения. Он выдохнул и немного расслабился.

— Погоди! — крикнул он художнику граффити, поднимая один из десятка пакетиков и засовывая его в карман. Затем он снова завернул траву в полотенце и придвинул шкаф к стене. За дверью преувеличенно громко и утомленно вздыхал Немо.

— Ну, давай же, чем ты там занят, приятель — фокус готовишь?

— Вроде того, — проворчал в ответ Стэйси, открывая дверь.

Немо зашел внутрь; в мотавшемся на его спине рюкзаке что-то звякало — явно банки с аэрозолем. Судя по его виду, под курткой с капюшоном на нем было надето пол крайней мере два свитера, а лицо его было наполовину закрыто толстым шарфом. Юноши крепко пожали друг другу руки, потом Немо шагнул назад к двери и плотно закрыл ее. Он стянул с лица шарф, открыв рот, и заговорил хриплым шепотом:

— Эй, что это с твоим братцем, Стэйс? Он выглядел так, как будто готов был в клочья меня разорвать…

Стэйси пожал плечами.

— Не обращай внимания на моего братца, он просто курит слишком много дерьма, — безразлично объяснил он; заметив рюкзак, ткнул в него пальцем и, улыбаясь, спросил: — Это все для сегодняшнего дня, точно?

— Точно, точно… — Немо присел на постель и улыбнулся в ответ. — Не могу дождаться — я обещаю, это будет лучшим, что я когда-нибудь делал. Правда. Я ухватил самый дух, все будет отлично…

Он умолк, по-прежнему улыбаясь в пространство. Стэйси присел рядом; он немного завидовал хорошему настроению друга.

— Хочешь шмальнуть?

— Только с тобой.

— Да ну, брось, мне не в напряг…

— Ах-х… хорошо, тогда давай «Ризлу».

Стэйси порылся в кармане, вытащил пакетик и передал его приятелю, а сам снова включил радио. Некоторое время оба сидели молча. По радио передавал рэп в вольном стиле, и минут пять оба сосредоточенно слушали.

— Брер классно выдает, — в конце концов, заметил Немо, затянувшись последний раз. Стэйси согласно кивнул:

— Точно, это круто… Когда начинаешь, Мо?

Художник граффити скорчил гримасу:

— Думаю, когда у меня будет настроение. Сейчас пока нет.

— Хотел бы я пойти вместе с тобой.

Немо повернулся к юноше и серьезно посмотрел на него, хотя его глаза и слегка туманились:

— Почему бы и нет? Я не откажусь, если кто решит мне помочь, въезжаешь? Ты раньше ничего такого не делал, а?

— Не-а… — с минуту Малыш Стейси выглядел растерянным и несколько ошеломленным, Потом покачал головой, словно вспомнил внезапно все, что должен был еще сделать. — Нет, не смогу, приятель. Сегодня ночью мне нужно еще кое-что сделать, Мо, — я не могу войти в следующий век с ветром в карманах,

понимаешь?

— Ну, судя по твоему виду, с этим у тебя все в порядке, — заметил его друг. Стэйси забавно пошевелил носом, словно собирался усмехнуться, и рассеянно потер лоб:

— Верно, но мне нужно держать марку. Продолжать вкалывать, понимаешь? Все это даром не дается.

Немо медленно кивнул:

— Ладно, тогда все ясно. Но если передумаешь и решишь пойти со мной, я буду только за.

— Где ты будешь?

— Знаешь ту большую стену, которая проходит вдоль здания «Би-Би-Си», в парке «Би-Би-Си»?

На минуту в комнате повисло молчание, потом глаза Стэйси расширились, став похожими на блюдца. Увидев появившееся на его лице выражение, Немо рассмеялся.

— Что?

Стейси потряс головой, потом присоединился к смеху друга.

— Да, братишка! — хихикнул он, коснувшись сжатого кулака Немо. — Богом клянусь, ты просто сумасшедший!

— Ты меня знаешь, приятель, — скромно ответил Немо.

«Нокиа» Малыша Стейси запищала настойчиво, как одинокий ребенок, требующий внимания. Стэйси перекатился по кровати и быстро взял трубку. Она выпала из его руки и со стуком упала на пол.

— Мать!..

Телефон все еще звонил. Стэйси резко свесился с постели, сгреб его и нажал на кнопку.

— Да, да… Ну, все в порядке, дети, что случилось… Да? О, я просто уронил этот чертов телефон, вот и все… Ничего, все в порядке… Да… Я по любому собираюсь с тобой скоро связаться, просто сначала нужно достучаться до Рэя… Он собирается в этом участвовать? Я буду через час, не больше… Хорошо, малышки… Скоро буду…

Он дал отбой. Немо улыбался.

— Рошель?

Стэйси улыбнулся в ответ и кивнул:

— Точно. Она молодец, даже дала мне немного денег, чтобы я мог затариться травкой. Ей тоже семнадцать, но она настоящий свой парень.

— Значит, сегодня ты точно идешь на праздник?

Малыш Стэйси медленно кивнул:

— Да, похоже на то, верно? Я не могу их так вот кинуть, они на меня полагаются, понимаешь?

— Да не волнуйся ты…

Немо поднялся с кровати и дотронулся до руки Стэйси:

— Жаль, конечно, но вы там повеселитесь и за меня, ладно?

— Конечно! Если что, буду возвращаться из «Сада» — может, буду проходить мимо парка «Би-Би-Си», тогда я к тебе подскочу. Посмотрю, что там делается…

— Клево. Ну, будь осторожен.

— Обязательно.

Стэйси следил за уходящим Немо, не испытывая особенного разочарования. Его скверные предчувствия нимало не уменьшились — просто другие мысли вытеснили их, загнав в дальний уголок сознания. Но когда он снова остался один в комнате, эти мысли вернулись с беспощадной ясностью. Через пять минут после ухода Немо он взял свою куртку, ключи и мобильник и решил немедленно отправиться к Рэю.

Час почти настал. Немо двигался словно бы в сюрреалистическом мире снов — шел среди домов, образовывавших западную границу его района, по улицам, которые сейчас наполняли бессчетные толпы людей… Звуки свистков и рожков звучали теперь громче, из некоторых квартир доносился гром музыки и гомон голосов, хотя света там и не зажигали. С востока район до него доносилась еще более громкая музыка: там праздник отмечали прямо на улице. Над головами людей плыли дирижабли крупных компаний, похожие на мыльные пузыри, и с ними вместе плыли слова приветствия новому тысячелетию. Огромные электронные часы на крыше «Денвер Хауз» отсчитывали минуты и секунды; 10.05:35… 36… 37…

Немо не обращал на это внимания. Часы его не интересовали.

Он слышал, как его окликают; он махал рукой в ответ, обменивался приветствиями и двигался дальше. Все его существо наполнял почти животный восторг; пальцы сжимались и разжимались — они оцепенели от холода, но не могли дождаться того мига, когда можно будет начать работу. Глаза Немо горели фанатичным огнем.

Он проходил мимо магазинов, когда снова увидел четырех девушек — Ванессу, Бузу, Кэйт и Мелинду, — пивших шампанское из маленьких бутылочек и куривших сигареты, являвших собой живую рекламу продажи спиртного на вынос. Ему стало достаточно скверно — до того, что захотелось пройти мимо, но огромным усилием воли он подавил в себе это желание; вместо этого он направился прямо к веселой компании. Похоже, его действия сильно удивили Бузу и ее подружек; Ванесса отвернулась, словно бы и не заметила Немо. Он встал прямо перед ней и посмотрел ей прямо в лицо. Ванесса его

игнорировала.

Буза (его добрая подруга Буза!) дала ему небольшую передышку:

— Привет, Немо, как дела?

— Все в порядке. Вы в порядке, Мелинда, Кэйт?

— Да-а, — ответили девушки; они были слишком заняты разглядыванием их с Ванессой, чтобы сказать что-нибудь более толковое.

— Ванесса, можно тебя на минуточку — на пару слов? — немного неловко спросил он. Она скрестила на груди руки и одарила его пронизывающим взглядом, чуть вздернув верхнюю губу, как рассерженная кошка.

— Зачем?

— Я просто хочу с тобой поговорить, не нужно так со мной…

Она уронила руки; лицо ее сохраняло рассерженное выражение. Ее голос прозвучал громко и эмоционально:

— Почему это не нужно? Ты-то ловишь кайф от того, что именно так со мной обращаешься безо всяких причин, Немо. Я тебе ничего не сделала для того, чтобы ты меня опускал так, как ты это обычно делаешь! Ты должен быть благодарен за то, что кого-то настолько интересуешь ты и то, что ты делаешь, а не вести себя так, словно я пиявка какая, которая грозит досуха высосать твой талант! Мне сдается, это не со мной, а с тобой не все в порядке, и…

Немо оглядел остальных девушек, немного посмотрел в небо, потом снова развернулся к Ванессе.

— Я знаю…

Она остановилась на середине фразы; моргнула.

— Что?..

— Я сказал, я… — он снова посмотрел на Бузу. Девушка казалась ошеломленной; она стояла, чуть приоткрыв рот, но уголки губ начали приподниматься в улыбке. Мелинда и Кэйт выглядели почти так же. Немо снова заговорил с Ванессой:

— Послушай, можно просто поговорить с тобой? На пару секунд — вон туда?

Он указал на маленький парк напротив через дорогу. Ванесса молча кивнула; они оба развернулись и пошли к воротам парка, остановились там и посмотрели друг на друга. Над ними взвизгивали и взрывались фейерверки, рассыпались множеством пучков разноцветных огней, бесчисленным множеством цветов. Самый воздух был насыщен электричеством; они оба это чувствовали.

— Я правильно тебя поняла? — начала Ванесса; на ее лице удивление мешалось с неуверенностью.

— Да, правильно, и не надо больше об этом, потому что и без этого чертовски тяжело. Самое главное — я хочу, чтобы ты пошла со мной сегодня. Туда, где я буду рисовать. Я хочу сказать, мне действительно нужно твое общество. Ты хочешь пойти?

Она уперла руки в бедра и прищелкнула языком:

— Это что, извинения?

Немо вздохнул.

— Брось, Несса — я знаю, что до этого вел себя паршиво, я понимаю, что это было свинством. Мне… мне правда тяжело все это дерьмо, поэтому, может, ты облегчишь мне задачу?

— То есть, я должна чувствовать себя виноватой? Или пожалеть тебя? Почему я должна что-то тебе облегчать? Разве ты это для меня сделал?

Новые фейерверки. На этот раз белые, словно маленькие молнии, высветившие фигуры стоявших через дорогу подруг Ванессы. Мимо прошла компания парней; задержалась и вступила в разговор. Девушки отвечали небрежно, все их внимание было поглощено сценой, разыгрывавшейся напротив.

— Ну, Мелинда, тогда дай мне свой телефон, что ли.

— У тебя есть парень? Я знаю, что у тебя есть парень, точно?

— У меня кое-что есть, Буза — пойдем, встретим Новый Год вместе…

В конце концов, Мелинда обернулась к парням и яростно набросилась на них:

— Почему бы тебе не отвалить, Джейсон? Мы никуда не собираемся, не хотим выпить — мы ждем свою подругу, а потом пойдем на уличный праздник, ясно?

Парень, которого назвали Джейсоном, сунул руки в карманы и тряхнул заново отросшими волосами:

— Ладно, и хрен с вами, отваливайте, — прорычал он и пошел прочь вместе со своими приятелями. Буза услышала последнюю фразу и развернулась к удаляющейся компании:

— С чего это мы должны отваливать, Джейсон? Вы думаете, вы крутые мужики? Да вы просто пацаны сопливые! Валите домой, играйте там в мужчин!

Один из молодых людей, смуглый и массивный, хотел было повернуть назад, но его друзья, включая и Джейсона, остановили его и увели за собой. Было видно, что они крайне недовольны. Забыв о них, девушки снова повернулись к Ванессе и Немо.

— Ну, так что, идешь ты со мной, или нет? — с явным раздражением говорил Немо.

Девушка закатила глаза и отвернулась, словно бы вглядываясь в угольную черноту за воротами парка:

— Видишь, Немо, ты даже попросить нормально не можешь

— с чего же мне хотеть с тобой идти?

Он вздохнул — но вздох этот был пропитан злостью:

— Да с того, что ты сама этого хотела, — зашипел он на нее, понимая, что выглядит и поступает глупо. — Послушай, мы ведь друзья, верно?

— Иногда — когда ты в настроении.

— Но мы ведь дружим с тобой, разве нет? Если бы кто-то спросил тебя, друзья ли мы, что бы ты сказала?

— Немо…

— Нет, ты ответь — что бы ты сказала?

Ванесса начала нервно постукивать пальцами по запястью; теперь она снова избегала смотреть в лицо Немо.

— Я бы сказала — да, дружим, а что? Что же мне еще говорить?

— Потому что до сегодняшнего дня мы ни разу не ссорились, так?

В голосе Немо слышалось отчаянье. Как ни странно, Ванесса поняла, что не испытывает от этого ни малейшего удовольствия. Но ей все-таки нужно было высказаться.

— Да, до сегодняшнего дня мы ни разу не ссорились, но это не означает, что ты хоть когда-нибудь относился ко мне как к другу, Немо. По правде сказать, обычно ты ведешь себя грубо, заносчиво, надменно…

Немо широко открыл рот, задохнувшись от удивления:

— Что?..

— Проклятье! Это правда, Немо, и нечего на меня так пялиться, ты знаешь, что я не вру!

Некоторое время ему пришлось собираться с мыслями и подыскивать слова в свою защиту. Слова Ванессы казались ему горстью острых булавок.

— Несса, послушай, может, ты позволишь мне все-таки извиниться и сказать, что я сожалею? Послушай меня: я прошу прощения. Я в полном дерьме. Я был не прав. Ну, теперь-то все нормально, и мы можем идти?

Долгое молчание. Они смотрели друг на друга так долго и пристально, что сами испугались этого и отвели взгляды. Немо почувствовал, что что-то внутри него сжимается: за долгие годы он никогда не позволял себе такого. Внутри была какая-то пустота, которую он жаждал заполнить; ему отчаянно захотелось снова увидеть отражение этого чувства в глазах Ванессы.

К сожалению, она стояла, опустив голову, глядя на грязный тротуар под ногами. Она глубоко вздохнула: сердце Немо подпрыгнуло и забилось где-то в горле.

— Нет, не все нормально, но это неважно, — осторожно

проговорила она. — Не думаю, чтобы мне хоть раз приходилось видеть тебя таким виноватым за все время нашего знакомства. Думаю, на этом можно и успокоиться.

Немо поскреб голову под капюшоном и несколько смущенно пожал плечами. Ванесса повторила его движение и сделала несколько шажков к нему.

— Неужели ты никогда не снимаешь этот капюшон? Иногда было бы неплохо видеть твое лицо…

Он откинул капюшон на плечи. Ванесса улыбнулась, и он улыбнулся в ответ; и долго они стояли так.

Стоявшие через дорогу Мелинда и Кэйт выглядели озадаченными.

— Что происходит? — быстро проговорила Мелинда, сдвинув брови. — Может, нам надо пойти через дорогу и напомнить ей, что нам пора?

На лице Бузы появилась медленная улыбка, которую она не могла прогнать.

— Нет, оставь ее, — не отрывая глаз от парочки у ворот, усмехнулась она. — По правде сказать, не думаю, что она сегодня куда-нибудь пойдет с нами.

— Проклятье, — хором высказались Мелинда и Кэйт. Все три девушки переглянулись и рассмеялись.

Снятый в аренду «Эспейс» сотрясался от рева басовых динамиков. Рэй без видимых усилий вел фургон по забитых машинами улицам — дымящийся косяк в зубах, невскрытая банка «Рэд Страйп» между ног; рядом с ним Малыш Стэйси и его девушка Рошель торопливо сворачивали косяки, позади Бенджи, Робби, Райан, Орин, Малькольм, Сисси и Валентин, все пьяные после бессчетного количества выпитых бутылок шампанского, выкрикивали что-то и смеялись. Орин вылил немного шампанского на покрытый ковриком пол грузовичка. Это вывело Малыша Стэйси из себя:

— Мать твою, что ты делаешь! — крикнул он, насколько мог, развернувшись назад и держа полусвернутый косяк в руке. Орин недоуменно воззрился на него.

— Что это с тобой?

— Не лей выпивку на пол, для этого и завтра времени хватит!

— Мать твою, я это делаю за того парня, которого здесь с нами нет, въезжаешь? За Джонни! — в голосе Орина звучало справедливое негодование.

— Точно, — поддержал его Рэй. — За Джонни!

Он снял одну руку с руля, большим пальцем вскрыл банку «Рэд Страйп», уперев ее в руль, и вылил немного на пол. После этого Стэйси почел за благо не спорить. Джонни Уинсам был

одним из самых близких друзей Рэя; восемь месяцев назад на Буш Грин его сбил шальной мотоцикл: он умер на месте. Молодые люди как по команде умолкли — какое-то время в машине звучала только музыка да гул мотора «Эспейса».

— Да, парень, нам тебя не хватает, — внезапно пробормотал Малькольм, выразив всеобщие чувства. Валентин кивнул, пожал плечами и потянулся за очередной бутылкой шампанского.

— Да, но сегодня надо думать о живых. О живых! — заявил он приятелям, едва не свалившись с сидения, когда фургончик свернул за угол.

— Точно! — заорал Бенджи, как всегда говоривший в полный голос.

Малыш Стэйси улыбнулся и покачал головой; сегодня он любил своих друзей, которых знал всю жизнь, как никогда. Он развернулся и подмигнул Рошель; девушка сжала его руку и мягко опустила голову ему на плечо.

«Эспейс» ехал вперед.

— Ты уверена, что после прыжка с того забора с тобой все будет в порядке? — обеспокоено поинтересовался Немо у Ванессы минут через десять после того, как был окончен разговор у ворот парка. Он говорил приглушенно и вел себя обходительно, почти ласково — он вел себя так уже некоторое время, но Ванесса вовсе не была уверена, что ей это нравится. Тем не менее, она полагала, что такую перемену в сравнении с его обычным грубоватым поведением можно только приветствовать. Она обернулась к нему с чувством гордости за то, что сумела так повлиять на него.

— Конечно, со мной все будет в порядке. Я же не инвалид.

— Я знаю.

— Хорошо.

Еще один долгий пристальный взгляд. И снова Ванесса отвела глаза первой и повернулась к забору, взялась за него обоими руками и сильным рывком бросила тело вверх, еле слышно застонав от напряжения. Она скребла ногами по камню, пока не добралась до верха, потом перекинула обтянутую спортивными штанами ногу через гребень стены и уселась на нее верхом как раз рядом с воротами парка «Би-Би-Си». На самом-то деле он назывался парком Хаммерсмита, но находился не в Хаммерсмите, да и не было никому дела до настоящего его названия. Ванесса посмотрела на Немо сверху вниз и шутливо показала ему язык.

— Давай побыстрее, — улыбнулась она, чуть склонив набок голову. Он кивнул и сбросил с плеч рюкзак.

— Лови, — сказал он и бросил рюкзак наверх; Ванесса его поймала и перекинула на другую сторону стены.

Немо поспешил за ней, и вскоре оба они уже тихо, но упорно пробирались по задворкам темного парка. Они прошли по маленькому мостику, переброшенному над темным, заросшим ряской прудом. Ванесса попрыгала с одной ноги на другую, потом указала на купу деревьев:

— Мне нужно в кустики. Это все выпивка…

— Хорошо.

Она побежала к деревьям; Немо следил за ней со странным чувством. С Ванессой и вправду было все в порядке. Теперь, глядя на нее другими глазами, он замечал в ней множество черт, которые прежде оставались скрытым от него — и всё это были прекрасные черты. Ее улыбка. Запах ее волос (в Гринсайде они обнялись в знак дружбы, и теперь запах ее волос жил в его памяти: как вкус кукурузного зернышка на зубах). Округлые плавные линии ее тела, которые не мог скрыть даже мешковатый костюм. Казалось, что у него на глазах она расцвела, стала другим человеком… Да нет же, черт возьми: скорее покров упал с его глаз, и он, наконец, осознал те чувства, которые так долго скрывал сам от себя. Черт с ним, с этим самоанализом, цинично хмыкнул он про себя. Тебе просто одиноко в канун Нового Года, и в этом все дело.

Но дело было не только в этом, и он это знал. Его бабушка, Господи упокой ее душу, часто делала ему замечания из-за того, что он предпочитал все время быть один, хотя сам он утверждал, что счастлив, и старался не обращать внимания на слова бабушки. Может быть, подумалось ему, я все время обманывал себя? Может быть, я просто боялся привязываться к кому-нибудь? Если это и было так, то все должно было измениться.

Год 2000 почти наступил — я больше не могу быть один!

Ванесса пробиралась сквозь деревья, возвращаясь к нему с видом крайнего облегчения. Подойдя, она взяла его за руку.

— Там целый ворох использованных презервативов, — игриво сообщила она.

Он что-то проворчал и сжал протянутую руку; это оказалось очень просто. Они пошли вперед, пока не достигли кирпичной стены, окружавшей парк, и уставились на нее, пораженные тем, что собирались сделать. По другую сторону стены возвышалось массивное здание «Би-Би-Си» — самая большая студия прямого эфира в Европе. Белые огоньки, горевшие по контуру здания, делали его похожим на только что приземлившийся инопланетный корабль. Огни освещали Немо и Ванессу, но не слишком ярко.

— Ну? — сказала Ванесса, когда ей подумалось, что они постояли тут достаточно. Немо кивнул, выпустил ее руку, потом

бросил на землю рюкзак и принялся внимательно изучать стену. Потом порылся в рюкзаке и достал несколько баллончиков, казавшихся довольно тяжелыми.

— «Крайлонз энд Белтонз», — гордо объявил Немо, бросив один баллончик Ванессе; она поймала его и стала читать надпись на этикетке. — Самая лучшая краска, которую только можно достать, настоящие живые цвета. Я возьму тонкий колпачок, чтобы набросать эскиз, потом другой, пошире, чтобы заполнить контуры. Если берешь широкий колпачок, краски уходит больше, но зато дело идет быстрее.

— Ясно… — с сомнением проговорила девушка, подходя ближе. — А что мне сейчас делать, ты скажешь?

— Угу…

Художник граффити вытаскивал из кармана свернутый лист формата А3 с наброском того, что в итоге должно было появиться на стене. Он включил карманный фонарик и, сдвинув брови, принялся рассматривать рисунок, так что даже не сразу вспомнил, что Ванесса о чем-то спрашивала его.

— Сейчас ты пока ничего не можешь сделать, Несса, только стоять настороже. Мне вовсе не улыбается встретить Новый Год в полицейском участке.

— Это ты прав, — ответила она, притоптывая ногами по траве, чтобы согреться. Немо взглянул на нее, но она только состроила гримаску и пожала плечами.

— Со мной все в порядке. Я просто побуду здесь, пока ты этим занимаешься.

— Хорошо… — пробормотал он отстранено.

Она улыбнулась про себя и уселась на траву, скрестив ноги и выпрямившись.

Немо приступил к работе. Он рисовал контур длинными штрихами — Ванесса наблюдала за ним, но для нее эти линии ничего не значили, не складывались в одно целое: она не понимала, что рисует молодой человек. Немо рисовал линию, задумывался, потом сверялся с листом, потом снова приступал к делу, временами подпрыгивая, когда линия должна была проходить слишком высоко, проводя штрихи, пальцем убирая лишнюю краску.

Через полчаса молчаливого созерцания Ванесса поднялась и встала рядом с ним. У Немо как раз наступил очередной момент раздумья: он стоял, потирая измазанный краской подбородок и оглядывая стену. Наконец он перевел взгляд на девушку и улыбнулся:

— Ну, и как тебе?

Пока я не очень понимаю, что к чему. Но вот это смотрится

хорошо, — ответила она, кивнув на карандашный рисунок. Немо подмигнул ей:

— Не беспокойся, скоро все сложится воедино, — пообещал он с уверенностью профессионала.

— Тогда продолжай.

— Да-да…

Несколько больше времени ушло на то, чтобы очертить фигуру высокого мускулистого мужчины; эта работа потребовала гораздо больше внимания от Немо. Сначала он сделал набросок мелом, поскольку так легче было исправлять ошибки; потом, когда качество стало его удовлетворять, продолжил работу уже при помощи аэрозоли.

— О, да! — проговорила Ванесса, заглядывая ему через плечо в лист с оригиналом: она наконец-то начала понимать, что к чему. Огромная картина понемногу начала приобретать ясный облик.

Вскоре контуры были завершены, включая и танцующих людей внизу. Немо откашлялся и уселся рядом с девушкой, решив, что заслужил отдых. Из своего рюкзака он извлек банку кока-колы, вскрыл ее, отпил половину, а остальное отдал Ванессе. Девушка взяла банку, потом не без гордости погладила Немо по ноге.

— Хорошо смотрится, — улыбнулась она.

— Классно. Когда я займусь цветом, будет гораздо лучше. Потом я сделаю посвящения, надписи…

— Надеюсь, и мне достанется!

— Конечно… Тогда все будет закончено.

Она откинулась назад. Немо наблюдал за ней, стараясь сдерживать те чувства, которые вызывала у него эта девушка.

— Как ты думаешь, сколько это займет?

— Надеюсь, не слишком долго.

— Это сколько?

— Не знаю… с полчаса, наверное. Мы должны это закончить после двенадцати.

— А что будем делать потом? — поинтересовалась Ванесса, пристально глядя на Немо; тот рассмеялся, надеясь скрыть свою неуверенность и нервозность:

— Все что захочешь. Если тебе это интересно, то я живу один…

Она коротко усмехнулась:

— Я это знаю… И все же…

Она умолкла, и Немо тут же понял, что грядут неприятности. Он посмотрел на Ванессу: глаза девушки были расширены, рот приоткрыт.

— Вот дерьмо, Немо…

Он посмотрел туда же, куда и она. За воротами парка были видны огни машины, слышался лай собак, заглушавший рык мотора, работающего на холостых оборотах. Немо хватило одного взгляда, чтобы понять, кто это. Он поднялся, потянул девушку за руку и поднял ее, пока один из новоприбывших возился с ключами от ворот парка. Времени у них оставалось мало.

— Полиция парка. Надо линять! — прошипел он, заранее оплакивая потерю рюкзака: им нельзя было задерживаться для того, чтобы прихватить краски. Любая другая девушка замерла бы в ужасе, или начала кричать, или ударилась бы в истерику; любая — но не Ванесса. Можно было относиться к этому как угодно, но Ванесса была девочкой из гетто: для таких, как она, удирать от полиции — дело привычное.

Другими словами, Ванесса дала деру.

Они побежали к другим воротам парка, тем, что были ближе к Гринсайд — а позади них уже слышались крики и требования остановиться; разумеется, этого они делать не стали. Добежав до ограды, они взлетели на нее как кадеты военного училища: собаки были уже близко. Ванесса оказалась на гребне первой и протянула Немо руку, помогая взобраться наверх. Собаки, три голодного вида немецких овчарки, добежали до ворот и теперь стояли внизу, рыча и щеря зубы на беглецов.

— Хрен вам! — крикнул Немо, переваливая на ту сторону забора. Шум и огни Гринсайдского праздника показались обоим истинным благословением. Немо отряхнулся и накинул капюшон.

— Надо бежать туда, там ругаться будешь, — почти с материнским упреком проговорила Ванесса. Немо кивнул, признавая ее правоту.

Мимо них с ревом промчалась полицейская машина; раздался визг тормозов — полиция затормозила метрах в ста от них. Немо почувствовал в желудке неприятную сосущую пустоту. Он оглянулся назад: из глубины парка к ним направлялись бегущие фигуры. Полицейская машина начала разворачиваться.

— Твою мать! Хреновые наши дела, Несса.

— Бежим.

Они рванули в Гринсайд, сопровождаемые криками и руганью полицейских. Позади остались «Денвер Хауз», Маккензи — они приближались к Роквуду…

Когда молодые люди добежали до этого квартала, Немо остановился с задумчивым лицом. Перед ними был мусоросборник; двери были приоткрыты — туда недавно поставили новый мусорный бак. Это зрелище — а также перспектива, которую оно обещало — заворожили Немо. Ванесса

взглянула туда же, потом потянула Немо за руку:

— Пошли…

— Лучше найти какое-нибудь укрытие… — быстро проговорил Немо.

Ванесса поняла, почему они остановились; но она все еще надеялась, что Немо изменит решение.

— Ни в коем разе! Я туда не полезу, ты шутишь!..

— Хочешь, чтобы нас замели?

— А ты как думаешь?

Пока вокруг было тихо, но кто знал, сколько продлится это затишье, когда все вокруг наполнится ревом сирен… Ванесса прищелкнула языком. Немо воспринял это как знак согласия и бросился вперед, волоча за собой девушку. Оказавшись внутри, они закрыли, насколько могли, дверь и замерли, стараясь ни до чего не дотронуться.

Это было отвратительно. Вонь стояла чудовищная. Двух секунд не прошло, как Ванесса поняла, что ее сейчас вырвет. Она готова была убить Немо. Когда он попытался взять ее за руку, она отодвинулась; ее лицо было одновременно упрямым и до крайности несчастным.

— Мы все равно скоро выберемся отсюда, — прошептал Немо. — Эти крысы даже и искать-то нас особенно не будут, у них и без того сегодня дел…

Снаружи раздался топот бегущих ног, потом сирены и треск полицейских раций. Молодые люди обменялись испуганными взглядами и медленно отступили за здоровенный бак. Раздался скрежет когтей, потом писк какого-то зверька, который, как видно, решил составить им компанию.

Ванесса решила, что ей все же лучше будет взять Немо за руку.

«Розовый Сад» был набит битком. Малыш Стэйси с трудом проталкивался сквозь толпу, держа в каждой руке по две банки «Хольстена», внимательно оглядывая движущуюся толпу гуляк. Бар позади него был скрыт морем клиентов, выкрикивающих заказы и вытирающих пот. Музыка была похожа то на бриз, то на штормовой прибой, над которым царили голоса лучших лондонских ди-джеев. Женщины танцевали чувственно и небрежно; мужчины большей частью следили за ними или курили наркотики, которых в этом заведении было немало.

Остальная компания устроилась в темном углу зала; они уже решили, что разместятся на том этаже, где грает «Гараж», и подпевали доносившимся оттуда звукам. Было пол-одиннадцатого. Стэйси отдал одну банку своей девушке, остальные две Бенджи и Рэю; за его спиной появился Орин, такой

же нагруженный, как и сам Стэйси.

— Послушайте-ка, я сейчас вернусь туда и задам жару этой барменше! — заорал он прямо в ухо Стэйси; тот улыбнулся и закивал.

— Да, парень, судя по всему, она на это напрашивалась!

— Это точно, напрашивалась! — трещал Орин. — Я ее спрашиваю, где ее парень, а она говорит, что разбежалась с ним два дня назад! Все ее ребята наширялись а она сама под кайфом! Она говорит, что не хочет так начинать Новый Год! Сдается мне, что у меня сегодня ночью будет работа!

— Ты лучше подцепи девчонку сейчас, пока в ее комнатку еще кто не заскочил, — серьезно предупредил его друг. — Я видел, что около нее там кое-кто уже крутился.

Орин вскрыл банку и повел широкой бровью:

— Ерунда, не о чем волноваться! Я с ними со всеми разберусь и вышибу из них дух! Я никому не собираюсь спускать!

— Это точно, — согласился Стэйси, снова поворачиваясь к Рошель. Она широко улыбнулась ему, раскинула руки и потянулась: мини-юбка тесно облегала ее бедра. Стэйси присоединился к ней в танце: они двигались ритмично, прижимаясь друг к другу, Стэйси ощущал жар тела Рошель, ему было приятно видеть сосредоточенное выражение ее лица. Они снова вернулись к компании. Рошель рассмеялась, обвила его шею руками, прижимаясь к нему, пряча лицо в его волосах.

— Черт, ты что, собираешься сейчас танцевать? — улыбнулся он, шепча ей в самое ухо; она хихикала, что доставляло ему величайшее наслаждение.

— Да, и ты знаешь, что тебе это нравится! — искренне ответила она.

— Черт побери, ты права!

— Никогда не знаешь, как оно выйдет… если сделаешь правильно ставку, то, может, и тебе повезет, — сказала она, выворачиваясь из его рук и отходя туда, где были Кэролайн, Сисси и остальные девушки.

Малыш Стэйси улыбнулся про себя, решив, что особый повод, вероятно, настроил всех на сексуальный лад. Вокруг четырехэтажного здания «Розового Сада» молодые люди везде видели обнимающиеся парочки: некоторые просто обнимались и целовались, остальные явно занимались любовью. И теперь, когда он присматривался к темным уголкам зала, то замечал там тени, движущиеся в весьма подозрительных позах. Когда он обернулся, то увидел, что Рошель вернулась и теперь пританцовывала перед Стэйси, поглядывая на него с некоторым возбуждением.

— Что, заскучал? — поинтересовалась она, прямо-таки

расцветая улыбкой и слегка склоняя голову в весьма соблазнительной манере.

— А ты? — вопросом на вопрос ответил он. Какая-то часть его надеялась, что она ответит — «да»; но девушка только рассмеялась и покачала головой, сверкнув белыми зубками.

— Нет, но в полночь… никогда ведь не знаешь, что может быть, верно?

— Только тогда не забудь меня предупредить, — крикнул он ей, чуть отстраняясь; она легко провела пальцами по его руке, одними губами прошептав — «глупенький».

Стэйси покинул свою команду и направился к лестнице, желая сменить обстановку. Орин поймал его за руку и пошел следом. Так вместе они добрались до бара.

— Как же это ты так оставил свою девушку с этими оболтусами? — поинтересовался старший юноша.

— О, с Рошель ничего не случится, и зачем ей все время знать, где я нахожусь? — небрежно отвечал Стэйси. — Она вполне самодостаточна; за это я ее и люблю.

— Знаешь, хорошая у тебя женщина, — ядовито проговорил Орин. — И голова на плечах у нее есть. Пойду, посмотрю, может, и мне удастся подцепить хорошую женщину, — закончил он, поглядывая в сторону бара.

— Ладно, ладно. Удачи тебе, я знаю, что у тебя все получится, — ответил Стэйси. Пара мгновений — и Орин исчез. Стэйси направился к лестнице, смешался с толпой и влился в ее поток.

Вскоре он оказался на этаже «Хип-Хоп». Здесь все прыгали и скакали, сами стены и двери тряслись так, словно вдруг зажили своей жизнью. Как и на том этаже, который он только что оставил, здесь была в основном молодежь, одетая в костюмы от Мочино, Версаче, Армани и Томми Хилфиджера; кое-где попадались и те, кто был одет менее шикарно. Среди танцоров проходили «скверные парни», неведомо как умудрявшиеся протиснуться через толпу; если кто-нибудь пытался жаловаться, одного взгляда хватало, чтобы жалобщики умолкли.

Стэйси бродил по залу, пока не заметил компанию белых парней, одетых в мешковатые джинсы, майки и тяжелые башмаки. Он пробрался к ним и пристроился неподалеку.

— Травку ищете?

Парень с каштановыми волосами поднял глаза, взглянул на говорившего и еле заметно покачал головой, прежде чем снова опустить взгляд. Стэйси вопросительно оглядел остальных — только один, длинный тощий парень с какими-то успокаивающими глазами не стал отводить взгляда. Юнцы из

Гринсайда сдались. Иногда то, что тебя так явно боятся, не кажется постыдным, или раздражающим, или приводящим в отчаянье. Иногда от этого просто устаешь.

Он оставил юнцов и снова нырнул в толпу, произнося одними губами слово «травка» каждый раз, когда кто-нибудь бросал взгляд в его сторону. Он успел пройти шагов шесть-семь, когда кто-то крепко взял его за плечо. Стэйси обернулся и увидел тощего белого юношу, которого только что оставил.

— В чем дело?

— Послушай, это ты только что сказал, что у тебя есть травка? — спросил парень с надеждой. Малыш Стэйси кивнул.

— Точно; есть кое-что покурить, что поможет тебе этой ночью.

— Спид есть?

Стэйси печально покачал головой.

— Нет, парень, чего нет, того нет. Могу только дать покурить.

— А, ясно.

Похоже, парень разозлился. Некоторое время Стэйси разглядывал его, что-то обдумывая.

— Что я тебе скажу, парень: у меня есть кое-что в пакетиках. Три за пять. Они по два грамма, так что ты не проиграешь.

— Можешь достать?

— Точно говорю. Пошли, найдем какой-нибудь уголок и все уладим.

Они пошли вперед, пока не нашли местечко, где толпа не была такой густой. Стэйси вытащил три пакетика и отдал их парню. Парень протянул ему тридцатку; Стэйси дал сдачи.

— Как тебя зовут, друг?

— Саймон, — ответил парень.

— Откуда?

— Гроув.

— Ладброк?

— Арнос.

— Ясно…

Стэйси убрал деньги, озираясь по сторонам — не заметил ли кто. Парней из службы безопасности поблизости не было, но компания взволнованных юнцов его возраста наблюдала за его беседой с Симоном; никто из них не танцевал, некоторые курили, и у всех были «Ролексы» и костюмы стоимостью фунтов пятьсот. Уверенности у Стэйси, конечно, не было, но на всякий случай он насторожился. Парни выглядели как явные «быки». Проще говоря, уличные бандиты. Ему не нравилось, как они на него смотрели, но он вовсе не собирался отступать. Ему снова показалось, что у него все скрутило внутри, но на этот раз ощущение было вдвое

сильнее. На хрен этих придурков, шептал ему внутренний голос. У тебя ведь даже оружия нет…

Зато оно было у Рэймонда. Он заставил Сиан пронести мимо охранников пистолет двадцать второго калибра за резинкой трусиков; это неудобно, но необходимо, когда по нынешним временам собираешься продавать наркотики на таких сборищах: бизнес становится опасным. Стэйси решил не испытывать удачу и найти свою команду, прежде чем у этой команды возникнут какие-нибудь идеи касательно него. В конце концов, после этого он может и вернуться, чтобы выяснить, что хотят ему сказать эти придурки в углу.

Он обернулся к Саймону и слегка стукнул кулаком о его кулак:

— Слушай, я исчезаю. Счастливого Нового Года и все такое, наслаждайся травкой.

— И тебе того же, друг, — ответил Саймон, прежде чем присоединиться к своим друзьям-параноикам в центре танцевального зала.

Стэйси пошел прочь, едва парень обернулся к нему спиной; он проталкивался через толпу, не оборачиваясь, пока не добрался до бара. Тут он остановился. Оглянувшись, заметил, что компания, стоявшая в углу, пропала. Он выругался про себя, пытаясь понять, чем это может обернуться.

— Вот дерьмо…

Он не побежит. Он не собирался бежать. Упрямо протиснулся к стойке бара, пытаясь привлечь внимание кого-нибудь из обслуги. Как раз когда ему удалось обратить на себя внимание пышной белой женщины, чья-то рука схватила его за плечо, а вторая — за шею. Стэйси подпрыгнул, ощутив укол ножа в спину. Двое парней грубо оттеснили соседей Стэйси с обеих сторон и бесцеремонно заняли их места. Соседи, подумав, решили не возражать, и предпочли найти другое местечко. Тот, что был за спиной у Стэйси, с ножом, наклонился к его уху и заговорил хрипло и тихо, так, что никто больше услышать его не мог:

— Мои братки хотят бренди и колы, так что позаботься об этом, ясно? А потом мы немного поболтаем. Поговорим о том, как там у тебя сегодня насчет навара, понял?

Женщина за стойкой смотрела на Малыша Стэйси; возможно, она догадывалась, что с ним происходит что-то не то, но не была до конца уверена. Он оперся на стойку, каркнул: «Три бренди и три колы», — и принялся молиться, чтобы Рэй зашел сюда и вытащил его из той глубокой задницы, куда он, Стэйси, попал.

Полицейские машины, казалось, были повсюду. Ванесса и Немо съежились за большим мусорным баком и ждали, пока

сирены умолкнут, ждали уже тридцать минут — хотя девушке эти минуты показались часами. Из бака ужасно воняло. По временам откуда-то сверху доносились звякающие звуки: кто-то выгружал в мусоропровод груз бутылок и прочего мусора. Шум становился все громче по мере того, как очередная порция отбросов приближалась к первому этажу, а потом валилась в бак со звоном осколков, в облаке вони. Каждый раз Ванесса вцеплялась в руку Немо, а он крепко обнимал и успокаивал ее, не переставая вслушиваться в шум патрульных машин.

Наконец все звуки стихли. Прошло еще пять минут, и Немо кивнул Ванессе. Они поднялись и выбрались на волю.

По улице сновали ребятишки с раскрашенными лицами, похожие на воинов-пигмеев, на время позабывших о войне. Они громко хохотали, но в этот раз взрослые не просили их вести себя потише. Казалось, каждый дом отмечал свой праздник. Высоко над Денвер Хауз огромные электронные часы отсчитывали время: 11.59:22… 23… 24…

Ванесса и Немо переглянулись и улыбнулись друг другу.

Внезапно Немо пришла в голову мысль; он снял свою куртку с капюшоном, скатал ее и направился к мусорному баку. Когда он вернулся, у него в руках был один из двух джемперов, которые он надел в этот вечер; он протянул джемпер девушке.

— На всякий случай, — серьезно сообщил он ей.

— Спасибо, — ответила она и взглянула на Немо. В ее глазах бушевала настоящая буря чувств. Она влезла в джемпер, в процессе помахав рукой каким-то знакомым ребятишкам. Немо коснулся ее руки.

— Эй, хочешь пойти на праздник, или как? Я назад сейчас не вернусь, все равно вовремя уже не успею закончить. Можем потусоваться, или еще чего — не знаю… Там ведь будут все. Твои приятели, и все такое…

Слова Немо поразили Ванессу — уже во второй раз за сегодняшний вечер.

— С тобой все в порядке? Я думала, ты будешь переживать, что не закончил ту штуку… На самом деле, я почти ждала, что ты сейчас начнешь говорить, как хочешь вернуться назад!

Он выглядел немного смущенным:

— Ну, мне жалко, конечно, что мои краски остались в каком-то парке, где их подберет непонятно кто, но…

Он покачал головой; пожал плечами. Ванесса рассмеялась.

— Но что, глупыш?

— Ну… пока мы прятались за этим вонючим баком, я все думал… Понимаешь…

— Бога ради, Немо, уже скажи это!

— Ну… в жизни ведь есть еще что-то кроме граффити, верно?

На мгновение глаза Ванессы сузились, она уперла руки в бедра, пытаясь сдержать улыбку. На этот раз Немо рассмеялся. Девушка подошла и шутливо ткнула его в плечо, потом, помедлив, стала подворачивать рукава джемпера.

— Сволочь такая, — бормотала она. — Заставил меня сидеть рядом с каким-то вонючим мусорным баком целых полчаса, бегать от полиции, прыгать через стены — и все это для того, чтобы сообщить, что в жизни есть что-то кроме граффити? Подожди, вот только разберусь с этим проклятым джемпером, и ты у меня получишь, точно тебе говорю!

— Ой, не надо, — хихикнул Немо, поднимая руки вверх в знак капитуляции. — Я просто говорю, что, хотя я и очень люблю Искусство, нельзя давать таланту тебя ослеплять. Я хотел только сказать, что понял, наконец, как мне приятно находиться в твоем обществе. Ты не можешь меня за это бить!

— Как это не могу? — проворчала Ванесса, угрожающе надвигаясь на него. — Даже сейчас я чувствую запах прокисшего пива и использованных памперсов, Немо… и кое-кто мне за это заплатит…

С востока района и из домов, окружавших Ванессу и Немо, понеслись радостные крики. Молодые люди уставились друг на друга, осознав происходящее — а со всех сторон несся свист, звуки рожков и другие праздничные звуки, все громче и громче, так, что звенело в ушах, и любая попытка сказать что-нибудь была бесполезна — даже, если бы они сейчас нашли, что сказать. Для них это был момент, принадлежавший безраздельно им двоим; все остальное не имело значения. Они смотрели только друг на друга, а где-то на заднем плане толпа единым хором отсчитывала: «Десять… девять… восемь… семь… шесть…»

Они больше не могли сдерживаться. Они бросились друг к другу, крепко обнялись, поцеловались, лаская и гладя друг друга, тяжело дыша, забыв о малышах, с которыми только что здоровалась Ванесса… Детишки смеялись, хихикали и скакали вокруг, радуясь неожиданной удаче. А двое продолжали обниматься, пока голос толпы продолжал отсчитывать:

— Пять… четыре… три… два… один!

В небо взвились фейерверки; казалось, весь мир вокруг сошел с ума. Люди визжали, кричали, поздравляли друг друга… некоторые плакали от радости, что стали свидетелями такого чудесного, такого волшебного праздника. Немо крепче прижал к себе Ванессу; он был счастлив, бесконечно счастлив тем, что не останется одиноким в эту ночь. Ванесса ответила ему тем же, а ночь над Гринсайдом превратилась в день — впервые за всю

историю района.

Малыш Стейси был вынужден признать, что ему было не до встречи Нового Года и не до того, сколько до него оставалось. Его вел сквозь толпу парень с ножом и хриплым голосом. Одну руку он держал на плече у Стэйси, в другой был нож, упиравшийся Стэйси в спину. Они выбрались из битком набитого зала на лестницу; приятели бандита внимательно оглядывали окрестности. Оказавшись на лестнице, Малыш Стэйси принялся оглядываться, надеясь заметить Рэя или даже Орина; однако ни того, ни другого видно не было. Молодчики подтолкнули его вниз: спускайся, мол. Они спускались вниз, пока не добрались до самого низа лестницы, туда, где располагались мужские туалеты. Инстинктивно Стэйси направился именно туда, зная, что, реши он кого-нибудь ограбить в такой компании, как сейчас, именно так он и поступил бы. Его грубо протолкнули в дверь; один из молодчиков остался стоять на стреме. Затем Стэйси втолкнули в одну из кабинок и приказали всем остальным выметаться вон.

Один парень выместись отказался: уставился на них над краем унитаза страшными красными глазами:

— Плевать я хотел на ваши разборки, меня тут наизнанку выворачивает, так что катитесь к чертям.

Парни решили, что возиться с ним не стоит, и немедленно принялись за Стэйси. Малыш поднял руки и немедленно сдался.

— Эй, убери перо, ты, я сопротивляться все равно не буду. Вам что нужно, травки? Забирайте.

Он полез за пакетиками и протянул их бандитам; его жгла злость, но он пытался ничем не выдать этого. Первый же признак агрессии — и ему перережут горло; с другой стороны, если он будет слишком уступчив, его могут пришить просто ради развлечения. Очень трудно удержаться на этой грани; Стэйси вовсе не хотелось преступать ее. Он слышал, как давешний парень застегивает молнию; неверные шаги парня простучали к двери; дверь захлопнулась. Стэйси вздохнул. Один из бандитов, повыше остальных ростом, со скучающим видом привалился к двери кабинки.

— А как насчет навара?

— Ладно, парень, погоди, ладно? Не все хоть отбирай!

Тут появился еще один бандит. Он возник совершенно беззвучно. Глаза у него были кошачьи; и, что Стэйси совершенно не понравилось, вел он себя так, словно ему все было безразлично.

— Ты, парень, лучше не упирайся, отдай, что просят. Не заставляй моих братков тебя убеждать.

Стэйси пригляделся к новоприбывшему и решил проглотить

обиду. Он опустил глаза, полез в карман и вытащил примерно треть вырученных за сегодня денег. Остальные были припрятаны в маленький кармашек на колене, но этим придуркам знать о таком было совершенно незачем. Бандит с ножом вырвал у Стэйси бумажки и передал их своему приятелю.

— Тридцать, сорок, пятьдесят… И это все, что у тебя есть?

— Не может это быть все, он весь вечер торговал травкой, я его видел в «Гараже». Не морочь голову, выкладывай навар, не то мы сами его из тебя вытряхнем.

— Точно, — прибавил другой бандит.

— Мать вашу! — взорвался Стэйси. — это весь навар, никого я не морочу! Дела паршиво идут, сегодня канун этого гребаного Нового Года…

— Думаешь, меня е… т Новый Год? — воскликнул парень с кошачьими глазами, но тут дверь в туалет распахнулась, и внутрь ввалились четверо широкоплечих охранников.

— Это что еще за гребаные игры тут? А ну прекратить, уроды!

Это было лучшее, что только могло случиться с Малышом Стэйси; хотя он и не видел, что происходит, но времени, чтобы начать действовать, было вполне достаточно. Он захлопнул дверь кабинки перед носом у бандитов, расстегнул и спустил джинсы, вслушиваясь в звуки тяжелых ударов. Чтобы все выглядело естественно, он прикрыл глаза и принялся мочиться; впрочем, справлять здесь большую нужду он не согласился бы ни за что. Из того, что говорили вышибалы, он понял, что парня, стоявшего на стреме, заловили с косяком; потому охрана сюда и ввалилась.

— Отвали, слезь с меня, ты, мудак!

— Отсоси, засранец!

— Берегись! Нож! — раздался крик, потом лязг металла о кафель. Стэйси с трудом сдерживался, чтобы не засмеяться.

— Обыщи этого типа, Дэйв, у него есть деньги.

— Придурок гребаный, они не мои, не мои, мать твою! Ах-х…

Еще несколько ударов, потом смех.

— Ого-го, вот так сюрприз…

— Хороша травка, а, приятель? — вышибалы веселились, как полиция, когда знает, что преступник у них на крючке. Бандиты орали в голос о своей невиновности.

— Послушай, я чист, отстань от меня!

— Прекрати дергать меня за руки, это стоит больше чем весь твой гардероб!

— Проверьте кабинку, там парень, это все его!

Снова смех.

— Да-да, поговори еще…

Еще несколько тяжелых ударов, и голоса бандитов смолкли в

отдалении, как и их крики; судя по всему, с ними вышли и двое вышибал. Хотя, судя по всему, парням и не поверили, его кабинку должны были проверить, хотя бы для того, чтобы удовлетворить любопытство; Стэйси знал это, а потому ждал с приоткрытым в показном удивлении ртом, пока дверь кабинки не распахнулась. На Стэйси смотрел бритоголовый белый парень раза в три шире него. Парень уже явно принял свою дозу. Стэйси подхватил джинсы.

— О-ох…

— Давай, вылезай оттуда, парень, — скомандовал вышибала; возражений он явно не ждал.

Стэйси вышел, и тут же столкнулся лицом к лицу с чернокожим громилой. Выражение лица у громилы было несчастное; скорее сказать даже, он выглядел так, словно в жизни никогда не радовался. Его приятель проверил кабинку; чернокожий приказал Стэйси оставаться на месте. Вскоре его белый коллега выбрался наружу.

— Немного ты там успел сделать, а?

Стэйси пожал плечами, застегивая джинсы и заправляя в них рубашку:

— Я только было начал. А теперь и вовсе передумал. Можно, я пойду?

— Обыщи его, Филипп, — монотонно проговорил чернокожий; его темные глаза неотрывно смотрели в лицо Стэйси. Парень успел еще задаться вопросом, нет ли у громил гомосексуальных наклонностей, потом опустил руки и вздохнул.

— Давайте, — сказал он, зная, что совершенно чист.

Его обыскали быстро и методично, обнаружив и карман на колене. Они расстегнули карман, взглянули на его содержимое и вопросительно уставились на Стэйси.

— У моей девушки день рождения, — не моргнув глазом, соврал Стэйси.

Черного громилу это не убедило, но, поскольку наркотиков не нашли, белый кивнул и ткнул пальцем в сторону двери.

— Давай, проваливай.

— Привет, ребята, с Новым Годом.

Они не ответили, но Стэйси это было безразлично. Он вылетел из туалета как кролик из норы и увидел, что у лестницы народу уже почти нет. Пробежав по лестнице, он влетел в толпу, пытавшуюся попасть на тот же этаж, что и он. Гуляки бросались в толпу так, словно вовсе не боялись за себя. Музыка громыхала на всю катушку.

— Еще минута, люди, еще одна минута! — выкрикивал певец. — Еще одну минуту, Лондон, еще одну минуту!

Встревожившись, Стэйси врезался в толпу и начал проталкиваться вперед, не обращая внимания на ругань девчонок и угрозы мужчин (или, по временам, наоборот). Секунд через тридцать он снова оказался у бара; огляделся в поисках Орина и барменши, но никого не увидел, а потому двинулся дальше. В зале было так жарко, что пот лили с него ручьями. Сердце колотилось, грозя выскочить из груди.

И тут музыка прекратилась.

И ожидающая толпа обезумела.

— Десять… девять… восемь…

Он запаниковал и начал проталкиваться вперед быстрее; некоторые смотрели на него с насмешкой, но ничего не говорили. А он должен, непременно должен был встретить Новый Год со своими!..

— Семь… шесть… пять…

Вот они! Они стояли, как и все остальные, лицом к сцене, крепко обнимали друг друга и дули в рожки. Орин был с той самой барменшей, которую хотел подцепить (ничего необычного для молодого привлекательного парня) — Малыш Стэйси был рад за приятеля, и рад, что у того все вышло. Рошель стояла вместе с Сисси, Кэролайн и другими девушками, держа Кэролайн за руку; она что-то пила.

Стэйси поднырнул под группку девушек в мини-юбках и выскочил рядом с Рэем, который едва не подпрыгнул от неожиданности: тот курил косяк и, кажется, успел уже изрядно нагрузиться. Стэйси проскользнул мимо него и бросился к своей девушке. В последний момент Рошель заметила его; она взвизгнула, заставив Кэролайн расплыться улыбке, и широко распахнула руки ему навстречу.

— Четыре… три… два… один! Счастливого Тысячелетия!

Они обнялись. Она уткнулась головой ему в грудь, как всегда: это было так знакомо, так прекрасно после всего того безумия, которое пришлось недавно пережить Малышу. Вокруг все кричали и обнимались, знакомые и незнакомые: сейчас это не имело значения. Белые блики зеркальных шаров затопили зал. Бутылки с шампанским палили вовсю, как игрушечные детские ружья, все чаще и чаще, так что, в конце концов, это стало походить на очереди, и Стэйси захотелось забиться в укрытие.

Вместо этого он нежно поцеловал Рошель и заглянул ей в глаза, радуясь, что она принадлежит ему, а он — ей. Они снова поцеловались; она улыбнулась.

— Я люблю тебя! — крикнула она, хотя из-за шума он не мог ее услышать. Конечно, для Стэйси это не имело особого значение — где-то в глубине души он надеялся, что она произнесет эти три

волшебных слова. Но то, что он ощутил, следя за движениями ее губ, описать было невозможно. На этот миг все напряжение, все заботы и тревоги мира исчезли — он был здоров, беспечен и счастлив. Здесь и сейчас ничего больше не имело значения.

Он чуть сильнее сжал Рошель в объятиях и прокричал в ответ те же три волшебных слова.

Дуглас Рашкофф
Все собрались?

Все собрались?
Кто? Генри наверху? Ну, хорошо.
А дети? Прекрасно. Приведите их сюда.
Привет, дорогие. Замечательно.
Давайте немного музыки.
А-а-а, хорошо. Вот прелестно. Здорово.

Марта, в чем дело?
У тебя такой вид — такой вид, будто ты волнуешься. Да, да.
Думай только о Настоящем, и ни о чем другом.
Больше ни о чем, понимаешь?
Все благостно. Мы вместе.
Отлично. Ты понимаешь. Замечательно.

Прекрасно. Да. Прекрасно.
Кто-нибудь притушите свет.
А свечи у нас есть? Вы, двое.
Да, вы, найдите свечи.
И тут же возвращайтесь.
Мы подождем. Прямо здесь. Никакой спешки.

Генри, ты вернулся.
Ты все приготовил? Ну, молодец.
Кто-нибудь, обнимите Генри. Маделин.
Вот как, отлично. Любовь это все.
Вот и хорошо. Садитесь.
Все собрались? Замечательно. Так вот.

Как мы нашли друг друга?
Как получилось так, что мы знали?
Какое странное притяжение привело нас в это время?
Свело нас в этот момент, в это место, в это пространство?
Точно такой же вечер, как и все остальные. Как все остальные.

Стефани. Сядь со мной.
Подвиньтесь.

Пропустите ее.
Стефани. Дщерь Марчелло.
Ты не боишься. Нет.

Она не боится, потому что она знает.
Темнота наступает естественным образом.
Время циклично.
День переходит в ночь, потом ночь в день.
Круги, заключенные в круги. Мгновения в мгновениях.
Как наверху, так и внизу.
Так что все внизу.

И вы думаете, что у вас есть выбор.
Мир, ваш мир находится вне времени.
Вы думаете, что вы движетесь от удара к удару словно
Каждая вещь, которую вы выбираете, и поэтому шаг за шагом вы попадаете
Из одного места в другое. Но все это совсем не так? Не совсем так.
Нет. Не совсем так, правда, Стеф?

Конечно, нет, нет, моя радость. Ты знаешь правду.
Пруд, в котором мы плаваем. Бесконечный в своих возможностях. Бесконечный в своих судьбах.
Не то, чтобы одна судьба на человека, а много, больше миллиона.
Судьба на каждую мысль. Другой Генри,
который только что спустился по лестницы. Это существо
с рогом, растущим изо лба. Это существо
только что закончило заниматься любовью, и оно,
Еще одно, которое решило сесть здесь, а не там.
А может, оно вышло за дверь и никогда уже
не вернется.

Каждый Генри создает другую вселенную
возможностей. Нет, не создает, а
находит, трогает, открывает. Каждая из них
существует прямо Сейчас. Каждая — прошлое, каждая — настоящее, каждая — будущее.
Бесцельно мы бродим между моментами.
Все уже произошло. Ничто не оставлено
на волю случая. Не осталось ничего, чтобы
могло удивить вселенную.

Мы не движемся с линейным временем.
Ничего подобного не существует. Послушайте:
Все возможные варианты ваших жизней
уже существуют. Мы можем только выбрать вариант,
в каком будем гостить. Тот, который нам снится,
мы и имеем. Мы не можем ничего
форсировать. Мы только плывем в океане
возможных миров, в море возможных Я. Каждое
возможное будущее и даже те, которые взаимно не
существуют в мета-стихе, все они здесь.

Дженет,
принеси свечу,
поставь ее при входе в комнату
и расскажи нам, как ты меня нашла.

Да,
Правильно,
Мы впустили тебя в сон.
Я взял твою руку в ту ночь. Ты знала,
что это я, и я посмотрел в твои глаза. И после этого по-другому
твоя жизнь уже никак не могла сложиться.

Я вас всех так люблю.
И я знаю, как вы меня любите.
Так, как можете.
Как любите сейчас.

Какое счастье, что мы вместе нашли это место.
А ведь могло произойти совсем по-другому.
Этот момент. Это время. Прямо Сейчас.
То, что они называют тысяча девятьсот девяносто девять.
То, что мы называем моментом бесконечных возможностей.
Когда судьба и совпадение обмениваются поцелуем
сквозь этот Проход.

Потому что можно прорваться.
Сила воли. Сила
Веры.
Создают Портал.

Все собрались?
Как внизу, так и наверху.
Внесите вино.

Для того, чтобы прорваться сквозь сеть, которая
Держит нас в измерении одиночек.
Слепо передвигаясь от следствия
К следствию. Пойманные в иллюзии
Причины и следствия. Действия, не-действия.

Неважно сколько жизней ты проживешь,
Неважно сколько взлетов и падений,
хороших дел и дел плохих, любви и убийств,
рождений и смертей. Существует только возможное.

Я хочу, чтобы вы попробовали не-возможное.
Не конец истории, не после истории.
А вне истории. Вне многих историй.

Почему вы меня покинули? — спросил Он.

Да, сын Божий, он видел много историй.
Бог-человек, который знал, что жизнь это всего лишь кусочек складывающегося в общую картину паззла, и боялся представить, что находится за пределами неограниченного выбора.

Он вышел за все границы.
За все возможные жизни, которые он мог прожить.
Бог дал нам своего единственного сына, чтобы тот показал нам путь.
Как вырваться из круга радости и круга
боли. Выйти из всего.
Как обмануть смерть, навязанную теми, кто
не мог понять.

Даже Ему пришлось пережить момент
сомнения. Уйти от конкретного. Прыгнуть
через Портал, через который он появился
этой ночью две тысячи лет назад.

Бог всегда оставляет лучшее напоследок всем тем, кто выдерживает.
Уберите от меня чашу сию.

В абсолютной свободе нет смерти.
В выходе за пределы жизни нет смерти.
В отказе от перерождения нет смерти.
В поиске единственного способа того, как сделать выбор смерти нет.

Пей, Генри, пей. Да, сейчас. Вот хорошо.
И передавай дальше.

Представьте, друзья мои, что вы читаете книгу.
В книге строчки, заполненные словами.
История, записанная со слов человека.
Учителя с немного странным идеями, но который, кажется,
знает то, что вы и представить себе не можете.

Вы следите за словами, строчка перетекает в строчку.
Но чувствуете, что единственный выход это Сквозь,
или опять по новой, и, может, в следующий раз
все будет более вразумительным. Картинка
соберется. Та самая картинка, которая
все исчезает каждый раз, как вы к ней возвращаетесь.

Потому что каждый раз все по-новому. Мы
начинаем по новой. Бесконечно повторяя то же самое,
разными людьми в разных местах.

Вот так-то, Марселла. Так, замечательно. Просто пей.
А теперь помоги детям. Они еще не знают,
как их спасут. Оберегут от ужаса.
Спасут от боли в их короткой, чудесной жизни.
Они вовремя сюда успели, счастливчики.
Их коснулся свет. Они здесь только ради одного.

Кто-нибудь держите Маделин. Да, нет, не дверь.
Усмири ее, Генри. Она просто лишь боится.
Помогите ей, друзья. Помогите ей победить бессмысленные
протесты тела.

Представьте, что вы можете выйти из транса
земной иллюзии, которая кажется такой реальной.
Вырваться из истории — все уже выпили?

Это просто, как оторвать глаза от страницы.

Таня Глайд
Сука Павлова и Священная Корова встречают 2000 год

Я в своей жизни много чего делала, только вот в тюрьме не была. И не трахала свою мать. Сейчас семь вечера 31 декабря 1999 года, а потому, если я хочу обо всем рассказать до начала нового тысячелетия, лучше начать сейчас.

Эти пятница с субботой похожи на последние дни Римской Империи, говорит Священная Корова, разворачивая какой-то маленький сверточек. Иногда Священная Корова думает, что она Бог. Господь ее прости.

И вовсе нет, отвечаю я, нечего прикидываться гребаной жертвой прессы. Просто еще один год заканчивается, вот и все. Просто смерть еще раз ударила своим ломом.

Я беру бутылку водки и отпиваю глоток.

Этот канун Нового Года будет совсем не похож на тот, когда мы провели два часа на заднем сидении маленькой машины по дороге в Тараканий Конец в поисках «колес», а потом еще четыре часа пытались разыскать в Кенте вечеринку, которую все равно отменили, — а потом «колеса» не сработали, и нас стошнило. Он не будет похож на тот, когда ты гладила мою шею, а я блевала около забегаловки, где в окне висела здоровенная кефаль из оргстекла, а какой-то толстяк все пытался заставить нас выпить по «Розовой Леди». И мы не станем проводить его, тусуясь с людьми, которых мы, в общем, ненавидим или презираем. И не станем плясать под дудку поганых ди-джеев, которым, к тому же, явно переплачивают. Мы не проснемся на куче мешков с мусором с ошметками почти нетронутого пирога на лице. И смотреть специальные выпуски «Гарри Хилла», «Папаши Теда» или «Этой жизни» мы тоже не будем — они, конечно, ничего, но…

Заткнись, мать твою! Лучше нюхни и давай ближе к делу, говорит Священная Корова, у нас еще куча дел.

Я знаю! — рычу я, вышагивая вокруг стола, на котором она сидит, и медленно покачиваясь в такт музыке.

Мужской голос рычит и завывает большим зверем, он бесится и проклинает, а нарастающий ритм, похожий на густой сладкий аромат, поднимает меня все выше, выше —

Я видел это

Всегда и везде:

Ко мне поворачивались спиной.

«Ты нам не нужен, ты здесь чужой!»
И тогда я сказал: Прекрасно,
Я буду светить сам по себе,
И буду верен
Только себе.

Я называю это кайфом. Сеанс шиацу. Священная Корова начинает выворачивать ногу под каким-то странным углом, что не сулит ничего хорошего, уж я-то знаю. Потом она поворачивается, наклоняется и целует меня прямо в губы.

Только не сейчас.

Да ладно, давай.

Священная Корова может закинуть обе ноги себе за шею. Я всегда пытаюсь вести себя так, как будто на меня это не производит ровным счетом никакого впечатления. В конце концов, что мне за дело до того, куда она закидывает ноги? Никакого мне дела нет. Священная Корова проводит ладонью по моей левой груди и двумя пальцами сжимает сосок. Мы уже знаем, сколько наркоты можно принять, чтобы секс был в кайф, а не становился похожим на копание в грязном белье. А поймать этот момент не так легко. Она наклоняется, притягивает меня к себе и берет губами мой сосок. Я просовываю руку ей между ног. Она очень напориста и настойчива. Я начинаю гладить ее — моя рука движется снизу вверх, вверх по внутренней стороне ее бедер к ее киске. Пальцем поглаживаю ее клитор. Она гладит мне шею большим пальцем ноги. Ее губы такие мягкие…

Звонок. О нет, только не это. Прибыл Люк Смерть-Дорога, Человек, Который Был Здесь С Самого Начала.

Привет, Люк. Нюхни порошка. Еще есть водка. Какой у тебя классный меховой прикид, такой голубой. Похоже, Люк едва узнает нас, зато немедленно разражается речью.

О Господи, вы просто не поверите! Я вчера зашел в тот клуб, и ди-джеи оказались просто ужасны! Я хочу сказать, там был сплошной чертов молодняк, который даже не врубался в то, что происходит. Гребаные затасканные мотивчики, настоящее дерьмо — всякие там кислотные техно с барабанами и басами — я хочу сказать, они просто не знают, как оно все должно быть по-настоящему, их просто тогда не было, верно ведь? Оох, дома просто зашатает от этой второсортной муры! Все не так, как раньше, это я вам точно говорю. Никогда не поверю, что все эти ребята ловят кайф от такого дерьма! Все дело в том, что их не было тогда, в самом начале…

В самом начале чего? — шиплю я. Это самое лучшее, когда треплешься о музыкальных течениях последних двадцати лет с народом вроде Люка Смерть-Дороги: надо сообразить, о каком

стиле идет речь, сообразить, когда, по-твоему, «все это началось», а потом прибавить к этому еще пару лет — на всякий случай, и выдать что-то вроде «но ведь Африка Бамбаата это делал еще в 78-м, верно?». И все такое прочее.

Люк отвечает.

Ну, их просто не было тогда. Когда все это началось.

Как тот, кому в 1999 году исполнилось семнадцать, мог «быть там» в 1986, в четыре года? Я хочу сказать, если бы они даже и были в Ивисе в том самом году, они бы наверняка строили там песочные замки, разве нет?

Эти клубные фашисты — что-то особенное, совершенно отдельное племя. Я просто фигею от Люка.

Пора двигать! Священная Корова быстро встает на ноги. Нам надо раздобыть эту штуку. Мак так расстроится, если мы ее не найдем… Давай же! Ты только подумай, что ей пришлось пережить.

Ну, ладно, ладно.

Священная Корова идет к комоду и вытаскивает оттуда маленький потасканный дипломат. Он белый, пластиковый и обтянут вельветином. Выглядит как последняя дешевка, совсем не в стиле Священной Коровы.

Ничего не спрашивай, говорит она, это для Мак.

Тогда ладно.

Тихо.

Верно. Пора заняться делом. Давай, будет о чем внукам рассказать.

Мы принимаем по дозе ЛСД и начинаем поторапливаться: у нас есть важное дело. Мы направляемся к дверям.

Погоди-погоди, а как же насчет Лили?

О, с ней все будет в порядке. С ней всегда все в порядке.

В наше время дети быстро растут.

Да, слава Богу.

Охота началась. А вот и первый пункт остановки: паб неподалеку. До нас доходили слухи, что там есть то, что нам нужно. Мы садимся. Священная Корова хватает меню.

Не могу поверить, что нас сумеют быстро вычислить.

Нас всегда замечают, так что с заказом проблем быть не должно; вот только сели мы не столик, а на бочонки, которые еще не успели сгрузить в погреб.

Милашки, тут не сидят.

Ну, давай. Давай, «Кровавый пирожок» — ты меня понял, шепчет она.

Удачи, милашка. Он смеется.

Я смотрю на женщину за ближним столиком: она заказала

себе целого краба. Он очень большой — по крайней мере, в сравнении с тарелкой. Я смотрю и смотрю на этого краба: мне кажется, что он ползет. Или собирается поползти. Похоже, у меня появляются первые признаки фобии: я холодею, меня начинает трясти, я чувствую, что вот-вот разревусь.

Священная Корова кричит — слишком громко для такого времени суток, пусть даже сегодня и канун Нового Года, последний день года 1999.

Что значит — нет «кровавых пирожков»! Мужчина выглядит усталым.

Нет бифштексов! Прекрати, ты знаешь, что мы можем потерять лицензию.

Брось, парень!

Прости, милашка.

Священная Корова сгребает меня в охапку, и мы несемся вниз по улице. Она со мной не церемонится.

Давай, Сука. Соберись. И не вздумай вываливать на меня все это крабье дерьмо — «О, это ноги, их ноги!..» У тебя нет глюков, и не будет.

Ладно, ладно, успокойся, старая ты развалина!

Мать твою. Хорошо, заскочим на минутку на вечеринку к Полу, у него наверняка что-нибудь найдется в холодильнике. Мы выбираемся на улицу, где нас чуть не хватает случайный патруль. Делать им нечего. Посылать сюда патрули — все равно, что стрелять по рыбам в бочке. Они с тем же успехом могут арестовать и тех, у кого нет ничего, на что стоило бы тратить время полиции.

Мы ловим кэб и едем к Полу.

У Пола милая квартирка, где люди с длинными крашеными ногтями потягивают разную выпивку и слушают всякую легкую музыку типа джаза. Пол любит своих друзей; они у него правильные. Я имею в виду их образ жизни, а не сексуальную ориентацию. Посредственностям вполне хватает мелких адюльтеров и щипков за задницу.

Я начинаю болтать с каким-то мужиком.

Господи, что за музыка, говорю я. Эй! Помнишь мультфильм, где кузнечик по имени Честер встречается с таким маленьким потерявшимся щенком, который говорит: «Дай мне булочку с ветчиной», — и они все живут вместе на Таймс Сквер за мусорными баками? Представь себе, что щенок говорит: «Дай мне булочку с ветчиной, или я сделаю в твоей башке дыру, по сравнению с которой Гранд-Каньон покажется с комариный нос!»

Я хихикаю.

Эй, хочешь меня трахнуть? — говорю я мужику и замечаю,

что в это время Священная Корова исчезает в подвале — явно не просто так.

Мужик высокий, черный, в жутко дорогом костюме; пока я этого не сказала, он выглядел так, словно ему тут все надоело. Теперь он выглядит так, как будто ему все надоело смертельно.

Сука! Быстро спускайся сюда!

Я нужна Священной Корове. Я сматываюсь; теперь мужик выглядит ошалевшим.

Смотри! Морозильник! Там внутри точно есть то, что нужно!

Священная Корова поднимает крышку морозильника; под ней оказывается пицца в коробках и много всякой всячины в коробках от мороженого. Про себя я тоскливо думаю, что там внутри, наверное, части расчлененного трупа. На сегодняшний день расчленёнка считается делом унылым и нудным. Самый шик для киллера — пришить и смотаться; так я думаю. Священная Корова начинает ожесточенно рыться в содержимом морозилки. Я расхаживаю взад-вперед. Конечно, здесь холодно. Я держу в руках замороженного лосося в пакете. Пол любит готовить. Бьюсь об заклад, ему дела нет до всяких законов и смертных приговоров. Пол есть Пол.

Представь, каково быть супермоделью! — внезапно говорю я. Представь на минутку, что ты — одна из этих женщин. В конце концов, если те части твоего тела, которые всеми ценятся, так странны, представь себе там те части твоего тела, которые не видит публика. Ха! Действительно массивные ноги — те, которые фотографам не советуют фотографировать — ноги мужского размера, я хочу сказать, размера крупного мужчины. Руки, похожие на здоровенные, огромные окорока или когти — как в фильме «Нечто», где тот тип убегает, а потом мы вдруг видим, как он вытаскивает здоровенную когтистую тварь; или когда грудей совсем нет (что, разумеется, странно для любой женщины кроме модели). А это все только снаружи! Что и говорить о внутренностях! Представь вытащенный наружу пищевод и кишки — может, у них уходит больше времени на то, чтобы проглотить и переварить еду, и потому у них такой чертов метаболизм, что они могут съедать по двадцать пирогов с чипсами и не толстеть! Странно, что у супермоделей никогда не бывает квашиоркора,[7] верно? К тому же, конечно, есть еще здоровенные широкие и такие странные зады…

Заткнись, мать твою, лучше помоги мне держать крышку открытой! — шипит Священная Корова. Выложи часть всего этого барахла на пол или еще куда.

Лосось прилипает к моей руке.

Нет здесь никакого долбаного мяса!

Странно, но Священная Корова вспотела. Я покачиваюсь в такт музыке.

Теперь пойдем к Луне.

Сейчас?

Сука, ты, похоже, кое-что забыла. Мы должны принести Мак немного мяса, в этом все дело, сечешь?

Господи Иисусе, а рыбой она не может обойтись? Мы же можем позаимствовать ее у Пола, верно?

Мы выметаемся отсюда и отправляемся к Луне в плавучий дом в Батерси.

Предупреждаю, там будет полно «Анонимных наркоманов», компьютерных зануд, вегетарианцев, и помешанных сектантов. У них-то точно не будет никакого мяса.

Мы попробуем. Старуха Луна со странностями, никогда не знаешь, что у нее может быть припрятано.

После кошмарного путешествия по спускам и лестницам в кромешной тьме, мы, наконец, добираемся до корабля Луны. На вечеринке полно «Анонимных наркоманов», компьютерных зануд, вегетарианцев, и помешанных сектантов. Но Луна — поборница равноправия, так что, может, они и не все такие. Большая часть гостей сгрудилась вокруг нового «Макро-Мака» Луны с огромным экраном. Экран и вправду два метра в поперечнике, как и говорила реклама!

Они смотрят на беспорядки. Кошмарные массовые беспорядки. Женщина что-то кричит и бежит прямо на камеру в языках пламени.

Вот дерьмо! И где это все? — спрашиваю я.

На меня смотрят так, как будто я тупая или свихнулась.

Ну, в самом деле, где?

Здесь, конечно, говорит томная блондинка; она смотрит на меня с презрением, потом снова поворачивает лицо к экрану, где здоровенный мужик в массивном шлеме тащит по дороге двух монашек. Он швыряет их на землю. Одна пытается бежать, но он хватает ее, вытаскивает мачете и разрубает ее лицо пополам. Он задирает ее одежду и пинает ее между ног; тело монашки дергается. На ней только колготки без трусиков. Я отвожу глаза от экрана и начинаю разглядывать затылки зрителей.

Да, да, но где это на самом деле?

Здесь, злобно рычит кто-то мне в ответ.

Какая я глупая! Они не станут снимать кино о революции; это будет в онлайне! — говорю я. Какой штамп…

Луна, маленькая, с вьющимися темными волосами, берет меня за руку и ведет на кухню.

Это начал кое-кто из моих друзей, разве не удивительно? Вот

наша карта. Можешь получить ее на http://www.millenium.riots.co.uk.

На самом деле я не слишком-то уважаю Луну. Один раз она задрала топ и продемонстрировала мне свой проколотый пупок и татуировки. Мне нравится украшать свое тело, сказала она, потому что это помогает мне общаться с дикими племенами.

На самом деле, ответила я, если хочешь действительно пообщаться с дикими племенами, почему ты не проводишь по восемь часов в день на перетирание маиса и не пытаешься совершать шестимильные прогулки туда и обратно с металлической канистрой с водой каждое утро? До нее не дошло. Еще у нее есть приятель, которого зовут Тват Санблест, или как-то в этом роде. Вот дерьмо, и он тоже здесь!

Господи, я уже столько натерпелся. На встрече прошлым вечером я все говорил и говорил, и никак не мог остановиться…

Я предлагаю ему выпивку — просто затем, чтобы он заткнулся; но он отказывается.

Прости! Я тоже ходил к «Анонимным алкоголикам» — просто для того, чтобы познакомиться, понимаешь меня?

Я предлагаю ему сигарету, Но он отказывается и вытаскивает эту маленькую пластиковую карту с сокращенной версией «двенадцати шагов».

Мне очень жаль, говорю я.

Я спрашиваю, к чему у него пристрастие — я кое-что слышала об этом от Луны. Я ожидаю рассказов о психозах во время «ломки» и детях, которых сбрасывают с верхних этажей.

Марихуана, говорит он. Я выкуривал сигарету каждое утро.

Если и есть на свете что-то, чего я не переношу, так это тех, кто подсели на том, что выдают себя за подсевших… Я сосредоточенно вытираю лицо, потом вспоминаю, что мне нужно отвлечь Луну, пока Священная Корова взламывает замок Луниного холодильника; она сделает это мизинцем (она говорила мне — понимаете, она и в самом деле может это сделать) и отыщет мясо.

Внезапно Луна смотрит мне через плечо, на ее лице отражается ярость. Какого дьявола Священная Корова делает у меня в холодильном отделении?

Священная Корова стоит с одной рукой в холодильнике, и вид у нее виноватый. Луна хватает ее и грубо дергает за руку.

Ох, мать твою, Луна, ладно, мы сейчас уберемся. Пожалуйста, ну, пожалуйста, можно нам взять эту говядину? Пожалуйста. Это для Мак. Ну же, ты знаешь, она была в этой гребаной дурке шесть месяцев. Ей это позарез нужно.

Ты хоть представляешь себе, что мне пришлось пройти, чтобы

получить это мясо?

Мы молчим. Мы хорошо знаем, что она должна была пройти.

Я снова поворачиваюсь к Луне.

Ты, жадная стерва! А ты себе представляешь, что прошла Мак?!

Луна сплевывает.

А ты, Сука, часом, не читала газет? Не видела информационных бюллетеней, которые суют нам под дверь? МЫ ВСЕ УМРЕМ. И я намерена получить удовольствие от этого куска говядины, тем более что кое-кто чуть не погиб, добывая его для меня. Скорее всего, мне придется продать машину, чтобы расплатиться с ним. Как вы смеете портить мне новогодний праздник! Живо выметайтесь отсюда!

О, Луна, ну, пожалуйста, пожааалуйста… Все равно встреча Нового Года всегда превращается в дерьмо. Только посмотри на все эти гребаные лодки, которые плавают вверх-вниз по реке! Будут утопленники, мать их, и несчастные случаи с фейерверками, и передозировки наркоты…

Выметайтесь.

Мы уходим. По пути я прихватываю бутылку текилы. Мы со Священной Коровой несколько секунд стоим на пристани, даже своих мыслей мы почти не слышим из-за шума и грохота, который царит на Темзе и ее берегах — или, по крайней мере, нам так кажется.

Жизнь До Мяса (ЖДМ) (ну, если честно, то такой и не было, если не считать каменноугольного периода и еще более древних времен). Жизнь После Мяса (ЖПМ) (теперь, для большинства из нас, ее просто нет). МЯСО!

Века назад я работала в Ланкастере и хотела купить «черный пудинг». Я спросила у приятельницы: «Знаешь ли ты хороших мясников?»

Нет никаких хороших мясников, Сука, ответила она; это были пророческие слова.

Черт, я совсем забыла! Я нехорошо ухмыльнулась про себя. Посмотрела на нас со Священной коровой — на наши тела, в которых тихо, нежно тикали бомбы замедленного действия. Много обителей у Господа, и всякое такое — и лавка мясника — самая паршивая из них.

Ну, прощайте, девяностые, говорит Священная Корова, и прощайте, мы, говорит она, ощутив мое настроение. Внезапно ее лицо становится сосредоточенным и обеспокоенным.

Ладно, я об этом раньше не говорила, но у «Хэрродса» до сих пор есть тайный мясной склад, который охраняют все двадцать четыре часа в сутки. Вряд ли кто об этом знает. Если ты там что-

то покупаешь, тебе приходится подписывать гарантийный сертификат и удостоверять, что весь их товар чист. Даже если ты королевских кровей.

А разве у особ королевской крови нет своих запасов? Все эти чертовы коровы, свиньи и овцы…

Я вспоминаю о трагических новостях шестимесячной давности.

Не знаю, Сука. Пошли. Нам пора.

Садимся в автобус до «Хэрродса». Кэбов нет. Поездка растягивается на века. На улицах полно народа. Просто ненавижу этот магазин.

Как мы пройдем внутрь? Священная Корова вытаскивает из своей сумочки что-то вроде маленького ананаса.

Это ручная граната времен Второй Мировой Войны. Что ты собралась с ней делать? — спрашиваю я.

Это мое дело. Ты же знаешь, я не только мама, хитренько говорит она. Сейф с мясом находится прямо в зале с едой. Два поворота налево, один направо. Бросим это и бежим.

Она протягивает мне кухонный нож. Кругом люди. Сейчас только девять тридцать, и дорогие бистро Кингсбридж переполнены этим золоченым дерьмом, разбрасывающим вокруг деньги. Я бы хотела подорвать их. Мы крадемся по лестнице, ведущей в какой-то подвал, и принимаем по дозе кокаина из уродливой пластиковой бутылки.

Давай! Мы бежим к окну магазина.

Мы ныряем под машину. Священная Корова выдергивает чеку и бросает гранату. К моему удивлению, она взрывается. Мы бросаемся в дыру, под ногами у нас хрустит битое стекло. Я наступаю на оторванную руку какого-то идиота. К нам бегут охранники. Священная Корова вытаскивает гребаный пистолет! Меня это переезжает вконец; к тому же все это должно закончиться каким-то крайним проявлением женского мужества — но потом. Позднее. Вслед за Священной Коровой я направляюсь к мясному прилавку.

Мадам! Вы не можете войти в это заведение в таком виде! — кричит еще один тип, пытаясь схватить меня; я рублю его по руке и обрушиваю целую пирамиду Шикарных Песочных Бисквитов.

Священная Корова выпускает несколько очередей по сейфу с мясом и издает вопль восторга, появляясь из-за прилавка с горстью тонко нарезанных филейных бифштексов, сочащихся соком. Они начинают проскальзывать сквозь ее пальцы. Она выпускает еще несколько пуль по охранникам.

Сумку мне! Быстро! Еще один тип удирает за прилавок, но тут же возвращается.

Да не бумажный пакет, ты, тупой гребаный урод!

Один из охранников упал на пол; кажется, он молит о чем-то.

Бога ради, по крайней мере, заполните форму, умоляет он. Я понимаю, что я круче охранника, который пытался меня схватить. Священная Корова стреляет еще несколько раз, и мы выбегаем из здания. Все это заняло не больше минуты.

Где то, что мы искали?

Мать твою! А ты как думаешь?

Священная Корова вручает мне капающий пакет и вытаскивает маленькую штучку для взлома кодов; мы забираемся в маленькую низенькую спортивную машину. Все это начинает выглядеть глупо.

Где ты взяла эту штуковину для взлома кодов?

Она улыбается; отчасти эта улыбка говорит о том, что она делает это для меня, из уважения ко мне, что она создала всю эту волнующую ситуацию для меня.

Может быть.

Как бы то ни было, я возбуждена. У нее, к тому же, есть ключ зажигания, и она заводит машину.

Но мы же говорили, что такие преступления — это мужское дело, нет разве?

Сейчас я валяю дурака. Прикидываюсь. Мне нравится иметь убеждения и ценности, но мы, люди, чаще всего забываем, что принадлежим еще и к животному царству. Я вот на минутку забыла об этом.

Я знаю, что мы сделали. Прекрасно знаю, — говорит она, и в ее голосе звучит нетерпение. Я смеюсь.

Ну, Мак, мы уже едем. Я веду. Священная Корова врубает музыку на полную. А потом….

Постой, говорит она, давай-ка сейчас остановимся, запрем двери и выпьем.

На обочине оживленной дороги мы находим место для стоянки. Священная Корова поворачивается ко мне и проводит рукой по моему лицу. Она берет бутылку текилы и отхлебывает из нее. Потом передает ее мне. Коричневая жидкость обжигает мне рот.

Я смотрю ей прямо в глаза, Машина маленькая, но оба передних сидения откидываются.

Что это ты делаешь? — спрашивает она.

Я наклоняюсь к ней и заставляю ее откинуться на сидение. Я по-прежнему пристегнута ремнем безопасности — всегда его надеваю, что бы ни происходило. Ощущение несвободы доставляет удовольствие, Но я отстегиваю ремень, потом расстегиваю кофточку так, чтобы была видна грудь. Мотор все

еще работает. Священная Корова громко смеется и тянет ко мне руку, когда ее пальцы сжимают мой сосок, я отхлебываю еще текилы. Ее киска влажная. Мой палец проскальзывает внутрь, начинает двигаться там; я глажу волосы на ее лобке, веду рукой вверх по ее животу. Наша возня начинает привлекать внимание.

Ой-ё!.. В окна начинают тыкать пальцами и колотить кулаками. Лица скалятся, пускают слюни. Я забираюсь на Священную Корову. Пытаюсь найти удобное положение на узком сидении. Я прижимаюсь к Священной Корове, трусь об нее, прохожусь кончиком языка по ее лицу и шее. Она посасывает мой левый сосок — мой любимый — все сильнее, сильнее… Машина начинает трястись: ее раскачивают собравшиеся люди. Она раскачивается так сильно, что мне нужно только оставаться в неподвижности. Я отхлебываю еще текилы.

Дерьмо! Уже без четверти одиннадцать! — кричит Священная Корова; нам пора трогаться.

Вокруг столпилось столько народа, что машина кажется облепленной пчелами. Я переползаю на сидение водителя и заново запускаю мотор. Я веду машину медленно, люди взбираются наверх, царапают ее, бессильно пытаясь уцепиться хоть за что-нибудь. Когда путь немного расчищается, я прибавляю скорость, потом резко давлю на тормоз, отчего висящие на машине падают. Потом я давлю педаль акселератора до упора, расшвыривая людей как пустые бутылки по кухонному полу.

Мы едем, пробираясь сквозь все новые и новые толпы, сминая мусорные баки, пока не оказываемся перед ваксхолльским мостом. Кажется, что мы едем целую вечность — по мосту, через мост, через Брикстон, все вниз и вниз по дороге. Перед нами здоровенный дом с небольшой автомобильной площадкой у входа.

Мы вылезаем из машины; прежде всего Священная Корова прячет бифштексы за резинками чулок.

Привет, мы пришли навестить Мак. У нас назначена встреча. Откуда-то из задних комнат доносится музыка. Нас обыскивают, но бифштексы нарезаны слишком тонко — их не замечают.

Нас ведут через двери, все новые и новые двери, потом через двери с детекторами. Мак живет на том уровне, где не всегда обязательно следить за посещениями.

Кто-то говорил, что у Мак «мясная мания» проявилась раньше, чем это бывает обычно, и что ее нужно изолировать и держать под наблюдением. На самом деле, я думаю, что она кого-то обвиняла в преступлении, или в расизме, или в чем-то вроде этого, и люди решили, то она слишком похожа на шамана, что у нее не все дома. Еще она слишком злоупотребляла своими

способностями ди-джея и творила с толпой что-то странное. Мак держала небольшой магазинчик всякой странной всячины в Клеркенуэлле. Там были произведения искусства и прочее такое, связанное с героином, вещи знаменитых людей, которые им пользовались, книги, записи, картины… Неплохая была штука. В Мак шесть футов роста, И ее волосы перестали расти. Хотя, если подумать, и мои в последнее время стали ненамного длиннее.

Мы идем по коридору; я вцепляюсь в дежурного психиатра, и тут замечаю, что по ногам Священной Коровы медленно стекает вода с кровянистым оттенком.

Ты, грязная старая дрянь! У тебя месячные начались, а ты и не замечаешь! Я так сожалею, доктор!.. Я заталкиваю Корову в туалет, где мы вытираемся и моем бифштексы.

Мак приветствует нас воинским салютом и смеется. Мы хихикаем над бифштексами. Мак визжит от восторга. Уже шесть месяцев ей приходится есть печеный турецкий горошек и булочки: по ней это заметно.

У тебя есть? — спрашиваю я у Священной Коровы.

Что — «есть»?

Сама знаешь, что. То самое.

Она вздыхает. Когда дело касается дури, у нес свои обычаи. Мы никогда не произносим этого слова вслух. Мы делаем это в память об умершей подруге, которая никогда не менялась. Потом она приняла слишком большую дозу и умерла от передозировки, когда пошла помочиться — в чем была отчасти и наша вина. Я не имею в виду — в целом, но… в общем, вы меня поняли. Это наш вечный огонь в память о ней. Ну, или, скорее, вечная гонка. Что-то вроде того. Не то чтобы нам это нравилось.

Ну, это.

Это?

Да, это.

Ну, э-э, попробуй поискать, э-э, вон там.

Здесь? — я достаю ее кошелек.

Да.

Священная Корова вытаскивает из сумочки косметичку.

Наркота! Даже больше наркоты, чем я думала. Священная Корова открывает косметичку перед Мак. Я заглядываю внутрь.

Ну-ка! Посмотрим, что же там! Я встряхиваю футляр губной помады, ожидая услышать стук таблеток, открываю пудреницу, ожидая увидеть в ней маленькие пакетики с белым порошком… Нет, это и в самом деле пудра.

Я хотела накраситься, говорит Мак. Ей позволили иметь в комнате маленькую плиту — истинная привилегия — и мы готовим бифштексы. Но сначала заклеиваем лентой щели в

двери. До того, как мы начинаем готовку, Мак съедает один кусок сырым, пачкая свои белые зубы. Уже половина двенадцатого. В больнице поднимается шум.

Не могу дождаться своего бонга![8] — хихикает Священная Корова.

Сколько же тебе нужно, мать твою? — спрашивает Мак, вытаскивая импровизированную водяную трубку. У Священной Коровы с собой еще не одна доза. Она очень организованная.

Остается четыре минуты. Мы взволнованы и возбуждены так, как будто только что выяснили, что Санта Клаус и вправду существует. Я вожусь с каким-то кусочком фольги.

Мы все умрем, говорит Мак. Я это знаю. Скоро. Нам не нужно проходить по Прямой улице в Дамаске, чтобы получить это откровение.

Прямая… да что вообще есть на свете прямого? — спрашиваю я, наблюдая за Мак: та задержала дыхание и не торопится выдыхать. Она протягивает длинную коричневую руку и касается волос Священной Коровы.

Мак едва не воет от смеха; внезапно набросившись на Священную Корову, она кусает ее за шею. Мое сердце сжимается от ревности.

Содом, Гоморра и Геморрой! Смерть придет к нам всем! Она идет, напевает Мак.

Перед моими глазами стоит кошмарное видение свиньи, пожирающей людей, мне вспоминается умирающий ягненок… Остался еще кусочек бифштекса; я разрезаю его пополам и провожу одним кусочком (теперь он уже теплый) по обнаженному плечу Мак, оставляя на ее коже мокрый след.

На улицах и повсюду в городе люди почти истерически ведут обратный отсчет времени. Прыжком я оказываюсь у окна и выглядываю на улицу. Включены все радиоприемники, все телевизоры. Как и при каждой встрече Нового Года, крики, приветствующие его наступление, звучат вразнобой: часы у всех показывают немного разное время. Я начинаю смеяться. Мак и Священная Корова по-прежнему затягиваются марихуаной.

Возьмите еще немного мяса, подруги, наступил новый, двухтысячный год! Они берут по кусочку. Тут я начинаю рассказывать анекдот, надеясь, что они поперхнутся и задохнутся от смеха. Но этого не происходит. Утробный низкий рык, исходящий из утробы Лондона, так долог и громок, что мне вполне хватает времени на то, чтобы перерезать горло Священной Корове и ударить Мак ножом в сердце.

Я ухожу, ныряю с головой в вопящую ночь. Я оказала им обеим большую услугу.

Стив Бирд
Ретокси ти

Семья Ванг забыла выплатить отступные копам из наркоотдела Корпорации, и я едва сумел унести ноги. В данных Лондонской сети этот случай значится как «выяснение вопроса юрисдикции». Очередное происшествие, несчастный случай и все такое прочее. Вы эти песни знаете.

Списки пострадавших в больнице Святого Фомы не выдают. У большинства пострадавших не было идентификационных данных. Затерялись где-то в цифровых джунглях. Так что в окончательных отчетах они не учитываются, capische?[9]

Ночь выдалась паршивая для тех, у кого весь смысл жизни заключен в наркотиках и плясках. Но, с другой стороны, ради этого и стоит так долго торчать в Англии. Похоже, впрочем «Ю-Эс-Эй Глобал» интересуют другие истории. Например, то, какая из враждующих партий, держащих руку очередной выродившейся королевской семьи Европы, будет всем заправлять из Вестминстерского дворца. Или то, как Лондонская Палата потеряла кучу бумаг на фьючерсном рынке.

Ерунда это все. Понимаете, в этих новостях нет места для настоящих, больших событий — для тех еженощных жертвоприношений, которые и заставляют вращаться колесо власти. Потому-то я и живу сам по себе в Южном Лондоне с моей камерой «КАМнет».

У меня тогда был выбор. Я мог заскочить в любое из веселых заведений, которых в индустриальных районах Южного Берега хоть отбавляй — Крусификс Лэйн, Клинк Стрит, Тинворт Стрит, Годинг Стрит, Бондвэй, Найн Элмз Лэйн… Однако мои источники в Киото сообщили, что «экстази» можно найти на Баттэрси Парк Роуд: там его хоть отбавляй. Заодно там же его и производят.

Так я и оказался в «Бэт'с Хэт» в одиннадцать вечера. Это место похоже на Вестминстер, старый добрый островок на Темзе. С другой стороны, оно совсем непохоже на древнее место коронаций, такое далекое от общинных храмов и оккультных сообществ Лондонского Сити: Баттерси и Южный Берег всегда были сточной канавой империи.

Копните поглубже, возьмите образчик из самой сердцевины этих мест. Вернитесь назад — забудьте о мусоровозах, электрогенераторах, заправочных станциях и железнодорожных депо, оставьте позади печи для обжига извести, химические заводы и ветряные мельницы. Пройдите еще дальше — к фермам,

ярмаркам и болотистым местностям, поросшим лесом. Все дальше и дальше… везде наследие изгоев и трущобных владетелей неистребимо, оно подобно темной метине.

Я хорошо усвоил, что незачем отказывать себе в удовольствиях. А на Южном берегу всегда находились фабрики удовольствий, прячущиеся в корпусах закрытых предприятий.

Голубые лазеры прорезают ночное небо, вокруг шум и движение: барабаны Лондона, звучащие подземным гулом. Сегодня вечеринка — как и каждый вечер с конца тысячелетия. Некоторые просто не знают, когда следует остановиться. Они тысячами собрались со всего Лондона — с захламленных пустырей Брикстона и Стоквелла, из трущоб Уайтчепела, Плэйстоу и Боу, с тротуаров Фулхэма и из дешевых квартирок Холловэй Роуд. Старая электростанция, прилепившаяся к берегу Темзы, стала для них маяком, сулящим независимость, приключения и секс.

Но у некоторых из нас есть еще и работа. Я бывал на плавильнях Сан-Паулу и в военных зонах Требона. Здесь не было ничего нового для меня.

Поток несет меня через этот жалкий и грязный город, жмущийся к развалинам, через город, ставший домом для народа безумных, потерянных и изгоев. Бритые головы, глаза-лазеры, антенны, похожие на гигантские кнуты, выпирающие из индустриальных отложений… Житие бездомных одинаково во всем мире. Полотнища полиэтилена, спортивные цвета, переработанная техника… Единственное отличие здесь заключается в том, что это роскошный мусор. Помните ваши «ягуары», «мерсы» и «БМВ»? Вот и они: выгоревшие остовы, приспособленные под импровизированные жилища, покрытые разномастным ярким барахлом — битой плиткой и кафелем, металлическими брусьями, расколотым мрамором — обломками прошедшего двадцатого века.

Вы видите то же, что и я? Видеокамера мигает красным глазком, аппаратура наблюдения «Си-Си-Ди» фиксирует все.

Посмотрите на то, что осталось от собора, когда-то построенного в Баттерси Лондонской Энергетической Компанией. Раскрошившийся кирпичный фасад, обнажившаяся стальная арматура, с которой свисают клочья неопрена и пластика, внутренняя арматура генераторов, поворотные круги и лампы… Только четыре ребристых трубы из железобетона, возвышающиеся над развалинами как парные ракеты, которым никогда уже не взлететь, по-прежнему взрезают небо. Они похожи на угасшие факелы Прометея.

Парни из Южного Лондона называют это место «Бэт'с Хэт».

Для них это источник обновляемых ресурсов и храм плотских наслаждений. Потому я здесь и оказался. Для местных помещиков-беглецов все выглядит совсем иначе. Семья Ванг наблюдает за этой далекой полоской земли у реки со своего вращающегося спутника слежения так же лениво и раздумчиво, как и за прочими трущобными владениями, пришпиленными к обратной стороне их портфеля всемирных инвестиций. Проглядывая последний свод отчетов семьи Ванг в «Эйч-Кей», я видел, что с Баттерси в Лондоне они сделали то же, что и с остальными не окупающимися земельными угодьями в Бомбее, Санкт-Петербурге и Куала-Лумпуре. Передали управление лондонской ветви семьи, расплатились с местными предводителями, уладили проблемы с наркодельцами и попытались по быстрому срубить капусты, пока не восстановится рынок.

Ветвь банды Ванг из Сохо уже давно здесь все разрулила. Или, по крайней мере, так им казалось. Танцы семь вечеров в неделю, привилегии с наркотиками; Мет закрывает глаза на нарушение установлений безопасности и охраны здоровья за долю в доходах, брикстонские «ярдиз» усмирены… Они действительно создали для себя нишу. Жаль только, что не обращали внимания на то, что происходит между Короной Англии и Лондонской Корпорацией к северу от Темзы. Многим придется заплатить за это упущение своими жизнями.

Однако пока что ничего такого я не чувствовал. Скорее, было предощущение некоего события. Кэбы и рикши мчатся вниз и вверх по Баттерси Парк Роуд; гуляки и выпивохи в масках, облегающей одежде от Версаче и светящихся ботинках на танкетке потоком вливаются в двери увеселительных заведений; лимузины с дымчатыми стеклами движутся сквозь толчею на подземные автостоянки. Какая-то компания под кайфом отрубилась прямо у танцзала. Вы видите то, что вижу я? Торговцы наркотиками в костюмах от «Реплэй» и «Шевиньон» выкрикивают свои предложения («Приход! Крэк! Вас обслужили?») Индуски сидят на жестких циновках, они торгуют чаем, сигаретами и лепешками «наан». Торговцы «костюмами виртуальной реальности» и пиратскими компакт-дисками загораживают проход. Парамедики устанавливают палатки срочной помощи. Парней Мета нигде не видно.

Это был особый вечер. Уж это-то я, по крайней мере, понимал. На этот день в местном языческом календаре выпадает праздник огня. Пятое ноября. Семья Ванг зарезервировала место на фасаде здания под обычную разношерстную рекламу водопроводных компаний, поставщиков наркотиков и фирменные

знаки студий звукозаписи. Логотипы «Тэмз Вэлли Уотер», «ГлаксоУэлкам», «ТДК» и «Сони» словно бы прожигают выкрошившийся кирпич, как ставшие зримыми воспоминания. Здесь нет ничего нового.

Необычными были сообщения-картины, проглядывающие между строками рекламы, словно подсознательные напоминания об утопическом прошлом. Местные ви-джеи выдавали картинки-пожелания всему Вестминстерскому сборищу — и пожелания эти не отличались добротой. Сцены сожжений, повешений и расстрелов вились под изображением старой королевы. Изображение было откровенным китчем. Впрочем, королева все равно мертва. Так что — какая разница?

Правда, как выяснилось, разница таки была…

К массивным фигурным воротам и дальше, в танцевальный зал. Вымогательство у дверей. Бандиты тай-чи в утепленном камуфляже «Антарктика» и розовых очках от Оукли, стальной блеск рукоятей из-под мышки: сразу видно крутых парней. Досмотр — нет ли оружия; кредитная карта вставляется в аппарат и тут же извлекается; дополнительная плата за видеокамеру. Все закончилось, и я уже внутри.

Итак, вы хотите знать, что происходит в Лондоне?

«Скверный, нечистый, нечистый и злой!»

Скрытые усилители выплевывают кашу невнятных звуков. Напыщенный ди-джей путается на одной из танцевальных площадок: мне его отлично видно. Я с трудом удерживаюсь на ногах. Резкие тени, клинья света и мрака. Я попадаю в настоящий живой пресс на входе в здание. «Видеоглаз» портативной камеры слепнет. От удушливого басовитого гула, кажется, дрожит фундамент здания, на меня обрушивается чудовищный шквал звуков.

«Да, да, да, да, Лондон Таун.»

Рокот барабанов сотрясает мое тело; я оступаюсь и едва не падаю.

Да, здесь мне придется нелегко.

Время сориентироваться и перестроиться. Я вытаскиваю карты господ К. С. Аллотта и Сына, которые были инженерами в Манчестере еще в те времена, когда украинцы умели строить висячие мосты, железные дороги и дамбы. Проверяю восточное направление, западное и снова восточное. Вижу две бойлерных, два турбинных зала, две распределительных комнаты. Мне нужна операторская над турбинным залом с западной стороны; пора вернуться к реальности и свернуть влево. Я не знаю, куда иду. Попытка ориентироваться по старым картам бессмысленна — слишком сильно изменилась внутренняя архитектура.

Время сдаться на милость толпы: пусть ее поток сам несет меня. Видите, как меня тащат по лабиринту импровизированных танцплощадок, похожих на наросты на обглоданных останках завода? Отблески света на балках из нержавеющей стали, на кирпиче из Уостершира, на электрических кабелях, по которым давно уже не течет ток, на обломках «кевлара» и поливинилхлорида, алюминиевых лонжеронах и неопреновых плоскостях.

Мимо. Проход камеры по одному из этажей. Ди-джей, возвышающийся на подиуме, закованный в пиджак из металлических пластин, с золотым украшением в носу и костяным кольцом в ухе. Две тысячи танцоров у его ног, разодетые в перья, драгоценности и светящиеся полоски ткани, повторяющие движения его рук. Кружится голова от качания помостов над головой, от осыпающихся лестничных колодцев, от яростных вспышек света. Пространство наполнено тяжелым гулом басов, грохотом барабанов и обрывочными фразами, представляющими собой прекрасный образчик лондонского сленга. «Локхид Ф-117», аэрокосмические «саламандры», «Ю-Эй-Ви» без иллюминаторов проносятся на экранах над головой ди-джея.

Голоса продавцов наркотиков и разносчиков шампанского звучат как призывы сирен, но — позже! Я пробираюсь по темным извилистым коридорам, пока мне не удается отыскать надпись над дверью бывшей операторской. ХРАМ ИЗИДЫ: голографическая надпись светится огненно-красным, рядом мерцает Око Гора. Я прохожу через звукоизолированный шлюз и шагаю в хаос движущихся тел, громыхания и безумных барабанов.

В ноздри мне бьет едкий запах героинового дыма. Танцоры сбились разношерстными группками по краям площадки и «заправляются», покуривая изящно сработанные турецкие трубки. Из замаскированных канистр с бутаном высоко в воздух вырываются длинные языки пламени. Сквозь проломленную крышу видны звезды.

Даю панораму комнаты. На сенсорных дисплеях, встроенных в покрытие из черного бельгийского мрамора, которое чудом уцелело на стенах, видны тотемные изображения и граффити. Знаки бродяг, адреса интернетовских сайтов, цепочки буквенно-цифровых кодов. Астронавты с головами собак, бредовые ангелы, стилизованные письмена майя. Изображение «Бэт'с Хэт», перевернутое вверх ногами, подогнувшее «лапы», как насекомое, которое собирается распахнуть крылья. Планеты, звездные знаки, компьютеры. Изображение Изиды, выполненное аэрозолем на носу барки аэродинамической формы: с каждой стороны от

богини стоит прислужница. Сырой материал для моих коллег из Киото. Им этого хватит на год.

«Для всех жаждущих свободы, безумцев и бродяг. Унесите это на ту сторону.»

Вот то, ради чего я проехал через три континента и множество часовых поясов. Ради того, чтобы стать свидетелем этого. Оргиастический культ Изиды на пике его развития, танцевальное безумие, охватившее тысячи людей, подобно землетрясению потрясшее информационные сети планеты в последний год. Три десятилетия принуждения, давления и насилия, исходящих из районов к северу от Темзы, привели к тому, что коренные жители Лондона взбунтовались единственным известным им способом. Вы об этом слышали. Они изобрели доморощенный культ «карго» из того мусора, который выбрасывало на берега империи — культ, в котором смешались элементы древних американских и африканских мифов, гаитянские ритуалы Вуду, фантазии на темы межпланетных путешествий и оккультные «техно-науки». Они хотели не просто заявить о себе на обезлюдевших после эвакуации лондонских пустырях; им нужно было большее. Они пошли дальше. Они хотели исчезнуть.

Одному из них это даже удалось. Но ведь вы же в это ни за что не поверите, верно? Амбалы из Корпорации Лондона конфисковали мою камеру прежде, чем я успел смонтировать фильм. Но это не значит, что я забыл то, что видел своими глазами. Сейчас, сидя в арендованной комнате в Воксхолле за клавиатурой, я и сам с трудом верю в это. Но это было. Больше ничего сказать я не могу.

Все дело в том, что последователи Изиды действительно верили, что смогут добраться до иного мира при помощи одного камня, лондонских богов и архива с записями барабанного боя, который должен был направить их по верному пути. У них все это было вычислено и расписано. Пунктом назначения был Сириус Си, недостающая планета в созвездии Большого Пса (источник информации: мифы племен Догон в Мали); покровителями — Изида, богиня телепортации, и старый демон Начальник Порта с берегов Темзы (источник: местная мифология); 2012 год был определен как время, когда исполнятся сроки, когда будет нажат космический выключатель и возникнет новая планетарная кива (источник: календарь майя).

Храм Изиды возник в начале года. Одиннадцать месяцев спустя он все еще продолжал существовать и работать. Время уходило. Я был свидетелем экстатических ритуалов культа, подобного тем, что возникали в конце тысячелетия: время

истекало, а надежды все не было. Танцоры, затянутые в прозрачные «костюмы виртуальной реальности», в «виртуальных очках», покрытые дикарской татуировкой, весь прошедший год взывали к Изиде, пытаясь вырваться из объятий гравитации и совершить полет в «электронном эфире». Их задачей было превратить архаичные руины «Бэт'с Хэт» в межпланетный корабль, который должен был подняться ввысь над лондонским запустением и найти тот туннель, который привел бы верующих к Сириусу Си. Кто скажет, что они не способны были сделать это на самом деле? Да любой скажет, разумеется. По счастью, ваш верный корреспондент обладает не столь ограниченным мышлением. Кому-то приходится думать иначе, понимаете?

Две сотни жителей Лондона вертят бедрами, их руки взлетают вверх и падают вниз, их ноги чертят на полу сложные геометрические узоры. Их тела, находящиеся в состоянии сексуального возбуждения (что хорошо видно сквозь прозрачную, прошитую металлическими нитями ткань костюмов), сплетаются, сливаются в единое целое, обращаются в шторм танца в виртуальном мире.

Странные звуки синтезатора, похожие на стоны, плывут по храму, басы затихают, но в этом затишье чувствуется угроза — словно хищник припал к земле, затаился, готовясь к прыжку. Недолгая пауза — и барабаны взрываются яростным грохочущим ритмом: зверь ожил и прыгнул. Танцоры отшатываются, пригибаются, словно там, в виртуальном пространстве, они попали под обстрел. Кто-то уже упал.

Я отодвинул в сторону глазок видеокамеры, вытащил пару «виртуальных очков» и надел их. Передо мной развернулся ландшафт, заросший бархатными травами, по которому метались безумные фигуры — недолговечные аватары, проекции, созданные из иллюзорных частей тел и причудливых стержней механических конструкторов — и проносились мимо меня на скорости 170 ударов в минуту. Я быстро моргнул и перешел на широкий обзор: теперь я видел далекую планету в окружении незнакомых звезд. Планета была покрыта сетью пурпурных нитей, быстро обживаемых множеством аватаров. Вы спрашиваете, что они делали? Совершенно очевидно было, что они готовятся к полету. Одна из звезд, по всей вероятности, в южном полушарии, настойчиво и призывно пульсировала, ее биение явно совпадало с оглушительным грохотом барабанов. Это был сигнал точки назначения, навигационный код, необходимый кораблю для его невообразимого путешествия.

Это было уже слишком. Я швырнул очки на пол. Тяжелые быстрые удары барабанов сотрясали бывшую операторскую, пока

я пробирался к шаткому подиуму из обломков металла, где и располагался ди-джей. Она возвышалась над толпой последователей, как жрица Вуду, взывающая к богам звездных кораблей, или как авиадиспетчер, управляющий множеством находящихся вдалеке воздушных судов. Ее длинные пальцы с острыми иглами на ногтях, казалось, касаются атомов вокруг нее, сплетают невидимые нити, свивают их в кокон. Ее барабаны должны были бить всю ночь.

Я неподвижно стоял перед ней.

Значит, это и есть Вуду Рэй. Слава о ней широко распространилась по сети. Поговаривали, что она может вызывать духов из их убежищ в камнях, машинах и деревьях, что она — хранительница ключей, открывающих людские сердца. Я наблюдал за ней. Ее черное лицо подобно монашескому плату обрамляли наушники «Сеннхайзер» и облегающий капюшон; на ее губах была улыбка экстаза. Пот лил с ее лба, собираясь на оправе «виртуальных очков», скрывавших ее глаза. Она была похожа на языческую святую, на слепую пророчицу. «Видеоглаз» моей камеры фиксировал все это.

Пол под моими ногами вздрагивал в такт барабанам. Мне нужно было покурить героина: это был мой способ войти во сны Лондона, влиться в общую попытку осуществить заново открытые шаманские способы перелетов, покинуть рассыпающуюся скорлупу «Бэт'с Хэт». Но, как я уже и говорил, у некоторых из нас есть еще и работа. Мне нужно было сохранять голову ясной.

Вы просите меня конкретно описать технику, которой был набит Храм Изиды? Хорошо. Как и мифология Храма, его оборудование было собрано из множества разномастных находок. Пункт первый. «Бэт'с Хэт» выпадала из электрического пояса Лондона, и вся энергия имела своим источником генераторы, сгрудившиеся вне здания на импровизированной рыночной площади. Пункт второй: Костюмы и очки были доставлены сюда из секс-галерей в Сохо (семейные связи старой семьи Ванг). Пункт три. Все виртуальные образы-аватары были созданы в компьютерных подвалах Брикстона. Пункт четыре. Адептам культа удалось прибрать к рукам кое-что из программного обеспечения Лондонской Палаты, и теперь они путешествовали по задворкам ее банка графических изображений. Для них не имело значения то, что стелящиеся шелковые травы, пурпурная планета и мерцающие звезды являлись закодированным отображением старых финансовых транзакций. Однако для Лондонской Корпорации это имело значение.

Хотите, чтобы я продолжал? Ладно, так и сделаем. Пункт пятый. Ряды компьютеров устаревшего семейства «СПАРК»

образовывали локальную сеть, одновременно погружавшую всех танцующих в одно и то же виртуальное пространство. Нити «запоминающих» сплавов, вплетенные в ткань их «костюмов виртуальной реальности», создавали механизм обратной связи, который был замкнут на Вуду Рэй. Она была церемонемейстером. Ее собственный аватар был путеводной звездой в киберкосмосе, звездой, которая сводила воедино ритмы планетарной массы, раскинувшейся перед ней. Теперь понимаете?

Напряжение растет. Пункт шесть. Весь виртуальный пакет был построен таким образом, чтобы совпадать с аудио-тактильным полем, создаваемым компьютером. Инфракрасные сенсоры, встроенные в костюмы, посылают на «СПАРКи» закодированные сигналы, в основе которых лежат движения танцоров. Эти сигналы поступают в петлю обратной связи и направляются обратно в физическое пространство движениями рук Вуду Рэй. Движения у нее как у актеров в театре «кабуки». Пункт семь. В черном ящике «Камек» у подножия подиума располагался ДАТ-стриммер фирмы «Мацушита»; герметичный корпус устройства был покрыт календарными символами тольтеков и египетской надписью, исполненной в соответствии с ритуалом. Именно здесь Вуду Рэй хранила старые записи в цифровой обработке.

Пункт восемь. Динамики, выплевывавшие грохочущие звуки, которые Вуду Рэй извлекала из архива ДАТ мановением рук. Ее острые ногти заканчивались инфракрасными иглами, сверкавшими как когти, царапавшими воздух, чертившими странные знаки. Перед ней было выборочное пространство. За ней было игровое пространство. А она была объединявшей их программой.

Я пробрался ближе к ее возвышению.

«О, мой Бог. Лондон Таун. Да, да, да, да, да, да, ДА!»

Она стояла на помосте как маленький колосс, расставив ноги; под блестящей прозрачной тканью костюма между ног видна была влажная полоска, ягодицы двигались так, словно она оседлала громыхающий шквал звуков и скакала на нем верхом. С ее губ срывались мантры вперемешку с капельками слюны. Стремительными движениями она, казалось, выхватывала из воздуха отдельные звуки, ее руки взлетали, кружились, метались, словно ткали саван, словно она стремительно подключала невидимых абонентов телефонной станции. Казалось невозможным, что кто-то может двигаться так быстро.

Именно тогда я и понял все. Подиум Вуду Рэй был алтарем в этом храме звука, цифровой панелью, позволявшей подключиться к богам Лондона. К башне из металлического хлама, на которой

стояла она, были прикреплены смарт-карты с изображениями местных святых из СМИ — Джими, Джеральда, Джезебель. Под ее ногами лежал грязный кусок известняка, казавшийся капитанским мостиком этого здания. Это была ее сцена, ее эшафот, ее помост. Это была платформа, с которой она должна была шагнуть в неизвестность.

В мешанине железа и стали ящик «Камек» похож на добровольного пленника или свидетеля, находящегося под защитой. Видите ли вы то же, что и я? Машина в плетеной корзинке.

Я перестал танцевать. А что мне еще оставалось? Когда барабаны зазвучали со скоростью 220 ударов в минуту, это был единственный способ сохранить рассудок. Посмотрите. Вот почему сейчас камера так вздрагивает. Совершенно очевидно, что ситуация начала выходить из-под контроля.

Ритмы, острые, как иглы, вспарывают мою голову; я пытаюсь не отстать от их безумной скачки. Когти Вуду Рэй почти невидимы — так быстро движутся ее руки. Барабаны грохочут все быстрее, все громче, словно в панике. Я знаю, что смогу проанализировать все это, если сосредоточусь… но потрясение слишком велико. Мое тело безвольно подчиняется содроганиям музыки, на мгновение я теряю сознание. Ритм барабанов похож на бег — все выше, выше — в лабиринт звука врываются стремительные цветные стрелы — мне кажется, что я могу протянуть руку и коснуться их… Внутренняя архитектура фантастического корабля снов. На пленке ничего этого не осталось.

Посмотрите; вы видите, что происходит? Толпа обезумела, она словно захвачена вихрем противоречивых желаний; люди раскачиваются, кружатся, вскидывают руки. Кто-то упал и катается по земле. У кого-то идет носом кровь, кто-то болтает без умолку, у некоторых наступил спонтанный оргазм. Как вы думаете, может быть, что-то действительно надвигается?

Тут-то громилы Корпорации и устроили свой большой выход. По периметру «Бэт'с Хэт» установили временную карантинную зону и перекрыли все выходы еще до начала празднества. На Баттерси Парк Роуд стоят кордоны. СМИ молчат. В небе стрекотали вертолеты «Чинук», вооруженные ракетами «Эксосет». Были выписаны ордера на арест за пиратское использование компьютерных программ и контрабанду наркотиков. Энергостанция Баттерси была объявлена автономной частью Лондонского Сити. Корпорация могла делать все что угодно.

Вы слышали историю о том, как они выпустили ракету? Я не знаю. Это могли быть барабаны.

«Да, да, да, да. Пусть все обрушится.»

Вуду Рэй… Она переводит барабанный бой на еще более высокий уровень. Чтобы уследить за ней, придется замедлить воспроизведение…

Именно тогда мои чувства отказали. Пол танцевального зала выскользнул у меня из-под ног, и я упал.

Всеобщая паника, ужасная неразбериха. Корпорация удерживает ломящуюся наружу толпу постоянными атаками. По толпе молотят «Хеклер и Кош», радио кричит на разные голоса, на стенах — кровь. Чего именно они хотят? Внутри оцепления появляются люди в белых костюмах биозащиты, их лица скрыты страшной печатью Корпорации Лондона, рубчатые кабели на их спинах похожи на красный драконий гребень. Они дышат своим кислородом. Словно больше всего боятся какого-то чудовищного вируса.

Они двигались к каменному помосту, на котором танцевала Вуду Рэй. Она бросила против них своих компьютерных богов; невидимые языки пламени лизали белые костюмы. Барабаны визжали и вскрикивали, словно в день Страшного Суда. Человеческий организм не выдерживал этого. Но люди в белых костюмах ничего не слышали. Звукоизоляция. В чем они действительно разбирались, так это в безопасности.

Последнее движение Вуду Рэй. Она разворачивается на 180 градусов и демонстрирует наступающим легионам свою спину. Только теперь я замечаю татуировки под ее прозрачным костюмом. Семь из них спускаются от ее затылка по позвоночнику до низа спины; татуировки похожи на разъяренную змею или на закрученные языки пламени. Это последнее, что она может сделать, чтобы защитить себя.

Она припадает к камню, широко раздвинув ноги, и в последний раз взывает к своим богам. Ее татуировки похожи на странные запутанные диаграммы, на переплетенные символы Вуду, впечатанные в угольный пласт. Инфракрасной иглой, прикрепленной к указательному пальцу левой руки, она быстро очерчивает каждый из знаков. Ее рука легко пробегает по позвоночнику, словно она хочет расстегнуть свой костюм, освободиться от него — и в то же время управляет барабанами; лавина ударов превращается в нечто чудовищное. По телу Вуду Рэй пробегает дрожь наслаждения.

Все это слишком странно для громил Корпорации. Совершенно ясно, что они ничего не поняли. Кто-то спускает курок, и начинается беспорядочная стрельба.

«Стойте, стойте, СТОЙТЕ!» Это мой собственный голос. Последнее, что я успел сказать, прежде чем моя камера

превратилась в лом, и мне расшибли голову. Вы видите то, что вижу я? Идентификационный номер того громилы, который приканчивает меня: его просто нет. Вззз! Конец записи.

Я был ошеломлен и истекал кровью. То, что произошло дальше, можно назвать необъяснимым феноменом. Потому что совершенно ясно: это не было моей галлюцинацией.

Вуду Рэй все еще на помосте; она опустила голову между коленей. Крови на ней нет. Ее не зацепило. По-прежнему грохочут барабаны. Это чудо. Вуду Рэй царапает камень иглой, рисуя символ, который, должно быть, прозревает внутренним зрением. Ее лицо превратилось в маску чудовищного осознания. Может быть, ее призывают? Громилы Корпорации смыкаются вокруг нее: они готовы убивать. Кровь у них кипит. Что им за дело?

Я так и думал, что кого-нибудь застрелят.

На мгновение кажется, что танцевальный зал теряет опору. Сумма вибраций. Отчаянный треск автоматов. Вуду Рэй возносится в небеса в дыму.

Позвольте мне сформулировать это по-другому. Голубой столб света вырос из камня, облек ее усталое тело сияющим коконом. Она подняла руку жестом прощания. Словно бы она живой возносилась на небо. Она переносилась; атомы ее тела рассеивались.

Я увидел, как татуировки на ее теле загорелись красным, словно вплавлялись в ткань костюма. Когда свет угас, костюм упал на камень, как сброшенная с плеч мантия, как небесный покров.

Вознесение.

Рев барабанов вскипает яростным проклятием. Этого не должно быть.

«Прости…»

… Потом нужно было просто убрать хлам. Разумеется, у «Бэт'с Хэт» не было будущего. Корпорация провела эвакуацию здания и взорвала все, что осталось. Думаю, там оставались какие-то свидетельства, которые они не хотели оставлять.

Что странно во всей этой ситуации. Массовые аресты, но никаких обвинений. Те, кто выжил, были оставлены на Баттерси Парк Роуд — ошеломленные, растирающие затекшие запястья, — а в это время трубы энергостанции сложились внутрь и обрушились в облаке пыли. Вскоре Корпорация сняла оцепление территории и передала ее Короне. Вывела войска так же быстро, как и ввела их. В местных новостях всему этому происшествию было уделено десять строк. «Мышиная Шляпа» — смертельная ловушка. Изида: культ Вако. И так далее, и так далее. Черные, стволы и наркотики.

Чуть больше — на НЕК Вайп Нет. Еще одно этническое столкновение в ходе Европейской гражданской войны. Семья Ванг подает в суд за потерю доходов. После всего этого остается один неразрешенный вопрос. Сколько человек было убито Корпорацией Лондона? Где они похоронены и как их имена?

Информацию по этому вопросу найти крайне сложно.

Одно я знаю, наверное. Вуду Рэй может числиться в списках погибших. Но в молитвах компьютерных шаманов ее имя будет жить вечно.

Нил Стефенсон
Хруст

Приговоренный принимает душ, бреется, успевает надеть большую часть костюма и вдруг понимает, что опережает график. Он включает телевизор, с целью успокоить нервы, достает из холодильника пиво San Miguel, потом идет в клозет, чтобы достать все необходимое для своего последнего приема пищи. В квартире всего один клозет и когда его дверь открыта, то кажется, что будто в стиле контейнеров Амонтилладо все внутри заложено очень большими плоскими кирпичами, большей частью красной гаммы. Холодный красный цвет с сильными синими полутонами, не теплый оранжевый цвет, и это впечатление еще сильнее подчеркивается пронзительной синевой формой уважаемого и одновременно почему-то странно добродушного и в какой-то мере даже заносчиво грустного военно-морского офицера, облик которого напечатан на каждом из кирпичей. Их привезли сюда прямо к двери несколько недель назад по указанию его босса, который провел трогательную и слегка раздражающую компанию по поднятию духа Рэнди. Он их купил целый поддон, а может (Рэнди точно не знает) и целый контейнер, остатки которого все еще находятся в порту Манилы, окруженные вооруженными охранниками и огромными, величиной со словарь крысоловками с пред оргазменно напряженными пружинами и крючками, на конце которых насажана наживка в виде одиночного золотого катушка. Рэнди вынимает один из кирпичей из стены, создает разрыв в рядах, но за вынутым виден такой же идентичный кирпич, другая картинка с изображением того же военно-морского офицера. Кажется, что они маршируют из его клозета веселыми фалангами усмехающихся мирмидонян. «Неотъемлемая часть полностью сбалансированного завтрака», — говорит Рэнди. Это часть ритуала. Потом он захлопывает дверь, размеренными, насильственно спокойным шагами идет в гостиную, где обычно и ест, уставившись в экран тридцати шести дюймового телевизора, почти как какой-нибудь викторианский холостяк, развлекающий с противоположного конца огромного стола своих благородных знакомых женского пола. Он выставляет и раскладывает San Miguel, вместительную, пустую тарелку и исключительно больших размеров суповую ложку, настолько большую, что в большинстве европейских культур ее бы приняли за половник, а в большинстве азиатских за садоводческий инструмент. Он достает стопку салфеток, не обычных коричневых, сделанных из

вторсырья, тех самых, которые даже если в воду окунешь, то все равно практически не намочишь, а возмутительно вредных для окружающей среды, белоснежно-белых, пушистых как хлопок и отчаянно гигроскопичных. Он идет на кухню, открывает холодильник, лезет в глубь и находит непочатый пакет-сумку-контейнер UHT молока. Чисто с технической точки зрения нет никакой необходимости хранить молоко UHT в холодильнике, но для того, что последует, кардинальное значение имеет то, что температура молока на несколько микроградусов должна быть выше точки замерзания. В самом конце холодильника Рэнди есть решетка, куда холодный воздух попадает непосредственно после фреоновых колец. Рэнди всегда ставит пакет молока прямо перед этой решеткой. Не слишком близко, чтобы пакеты не перекрывали проход воздуху, но и не слишком далеко. Холодный воздух врывается внутрь и превращается в видимый глазу газ, он конденсирует влагу и это так просто — открыть дверцу холодильника и наблюдать характеристики потока, словно ты инженер, проводящий испытания нового микроавтобуса в воздушном туннеле River Rouge. В идеале Рэнди хотел, чтобы весь пакет молока равномерно, будто завернутый во что-нибудь компактное, обдувался потоком воздуха для создания более эффективного теплообмена через многослойное, состоящее из пластика и фольги, покрытие пакета. Он хотел, чтобы молоко было таким холодным, что когда он достает и сжимает его, он чувствовал, как эластичный мягкий пакет твердеет в пальцах из-за образования льдинок, возникающих из ниоткуда только по причине того, что пакет побеспокоили и сдавили.

Сегодня молоко почти холодное, хотя и не совсем такое, как хотелось бы. С пакетом в руке Рэнди идет в гостиную. Надо обмотать его полотенцем, потому что пальцам больно. Он включает видеокассету и садится. Все готово.

Эта одна из кассет серии, которая заснята в пустом баскетбольном зале с полированным кленовым полом и безжалостно воющей вентиляцией. Ее герои, молодые мужчина и женщина — оба привлекательные, худые и одетые немного как балаганные фигуристы из какого-нибудь затрапезного представления Цирк на Льду, проделывающие простые танцевальные шаги под аккомпанемент придушенной музыки из стоящего на линии свободного броска магнитофона. До боли понятно, что видео снято третьим, отягощенным обычным любительским агрегатом, конспиратором, шатающимся из стороны в сторону от какой-то болезни внутреннего уха, которой он или она стремится поделиться с другими. Танцоры с клинически болезненной решительностью оттаптывают ногами

простейшие танцевальные шаги. Оператор всегда начинает с общего плана обоих танцоров, после чего как отчаявшийся садист, мучающий какое-нибудь безответное и безобидное существо, направляет свое орудие на их ноги и все закружилось в танце, танце, танце. В какой-то момент слетает прикрепленный к его эластичному поясу пэйджер и сцену приходится прервать. И ничего удивительного — он один из самых популярных инструкторов танцев в Маниле. Его партнерша то же могла быть такой популярной, если бы только больше мужчин в этом городе желало научиться танцевать. Но в реальности она дает уроки мизерному числу запутавшихся или затоптанных под каблуком жены недотеп, таких как Рэнди Уотерхаус, поэтому с грехом пополам зарабатывает десятую часть того, что получает инструктор-мужчина.

Рэнди берет красную коробку и крепко держит ее между коленей так, чтобы удобная, предназначенная для закрытия верхняя картонная створка была направлена в противоположную от него сторону. Одновременно обеими руками он осторожно залезает кончиками пальцев под створку, пытаясь создать одинаковое давление с обеих сторон, и особое внимание обращает на те места, где проклеечный аппарат налил слишком много клея. На протяжении нескольких долгих мгновений ничего не происходит, и невежественный и нетерпеливый «подавальщик» может даже подумать, что Рэнди ничего не делает. Но вдруг клей отходит по всему фронту и створка резко открывается. Рэнди не любит, когда верхняя створка гнется, а еще хуже рвется. Нижняя створка держалась всего на нескольких маленьких каплях клея и, загнув ее, Рэнди видит прозрачный, надутый пакет. Находящийся над его головой на потолке галоген светит сквозь затуманенный материал пакета и открывает его взору золото — везде золотое сияние. Рэнди поворачивает коробку на девяносто градусов и, держа ее между колен так, чтобы ее ось была направлена на телевизор, берет верх пакета и осторожно разъединяет его вдоль запаянного шва, который мурлычет по мере раскрывания. Снятие в какой-то мере молочного пластикового барьера заставляет отдельные катушки Cap'n Crunch'a гореть в галогеновом свете с тем противоестественным похрустыванием и четкостью, которые заставляют небо рта Рэнди в трепетании светиться и пульсировать.

В телевизоре инструкторы танцев наконец-то закончили демонстрацию основных шагов. Смотреть на то, как они проделывают эту обязательную программу почти больно, потому что для этого они сознательно забывают все о сложных бальных танцах и движутся, словно люди пережившие кондрашку или

серьезные повреждения головного мозга, которые разрушили не только части, ответственные за красивую моторику, но и сорвали все чипы в платах эстетического восприятия. Другими словами они должны танцевать так, как это делают их начинающие ученики, а конкретно Рэнди. Зрелище это не из приятных, к тому же Рэнди прекрасно понимает, что он не обладает ни облагороженным лицом, ни прической, ни сложением танцевального альфонса.

Золотые катушки Cap'n Crunch'a бомбардируют дно тарелки со звуком разламываемых напополам стеклянных стержней. Маленькие кусочки от их краев откалываются и рикошетят по белой фарфоровой поверхности. Поедание хлопьев на уровне поистине мирового класса — это танец тонких компромиссов. Огромная тарелка, наполненная размокшими, плавающими в молоке хлопьями это признак начинающего. В идеальном варианте хотелось бы, чтобы сухие, как пересохшее дно водоема, катушки хлопьев и криогенное молоко попадали в рот с минимальным контактом между собой, и чтобы вся реакция между ними происходила во рту. Рэнди разработал несколько умственных чертежей специальной ложки для поедания хлопьев, в которой вдоль ручки располагалась бы трубка, и кроме этого имелся маленький насос для молока. Зачерпывая ложкой сухие хлопья из тарелки, большим пальцем нажимаешь кнопку и впрыскиваешь молоко в ложку, одновременно засовывая ее в рот. Второй вариант в его хит-параде это вести работу маленькими партиями, класть в тарелку небольшое количество хлопьев и съедать до тех пор, пока они не превратятся в омерзительную жижу, что в случае с Cap'n Crunch'ем, происходит за тридцать секунд.

В этот момент на видеокассете Рэнди всегда дивится, не поставил ли он случайно пиво на кнопку быстрой перемотки или что-то вроде этого, потому что танцоры от злобной имитации Рэнди переходят к тому, что без тени сомнения можно назвать высокой танцевальной школой. Рэнди знает, что все шаги, которые они выполняют, номинально те же, что и исполненные до этого основные, но так только танцоры входят в творческий модуль, Рэнди, будь все проклято, не может отличить один от другого. Нет никакого узнаваемого перехода, — именно это Рэнди злило и злит в уроках танцев. Любой идиот может выучить и кое-как протопать основные шаги. На это уйдет полчаса. Как только эти полчаса закончились, инструкторы всегда ожидают, что ты полетишь, что ты как-то сквозь время проскочишь и начнешь танцевать так бесподобно, словно в Бродвейском мюзикле. Они никогда тебе не показывают, как этот переход

происходит, именно к этому и сводится самая загадочная часть процесса, здесь что-то происходит: тут то ли созидание, то ли вдохновение, то ли что-то еще. Рэнди думает о том, что люди, слабые в математике, чувствуют себя точно так же — учитель пишет на доске несколько простых уравнений и через десять минут он уже вычисляет скорость света в вакууме, перепрыгнув через какую-то часть, где он делает что-то замечательное и волшебное, потому что даже сам не знает, как это сделал.

Одной рукой он наливает молоко, а другой сжимает ложку, он не хочет потерять ни одного волшебного, золотого мгновения, когда молоко и Cap'n Crunch уже вместе, но еще не начали загрязнять присущую каждому из них природу: две идеи Платона, разделенные преградой шириной с молекулу. Струйка молока омывает ручку ложки, и полированная сталь затуманивается от конденсации влаги. Конечно, Рэнди использует полноценное молоко, иначе какой во всем этом упражнении смысл? Все более разбавленное от воды неотличимо, и кроме всего прочего, он считает, что жир в настоящем молоке играет роль барьера, который замедляет процесс распада в жижу. Гигантская ложка уже во рту еще до того, как молоко в тарелке успело устояться. Несколько капель падают с ложки и попадают на свежевымытую козлиную бородку (Рэнди, все еще находясь в поисках правильного баланса между бритьем и нанесением себе ран, позволил такой вырасти). Рэнди ставит пакет молока, хватает мохнатую салфетку, подносит ее к подбородку и щипковыми движениями, а не вдавливанием и размазыванием капель молока в бороду, пытается, как бы их поднять с бакенбардов. Это происходит даже если об этом не думать; все его внимание сконцентрировано на внутренности рта, который он, конечно, не может видеть, но который он может себе представить в трех измерениях, словно включив приближение на экране виртуальной реальности. Вот здесь-то начинающий и потеряет уравновешенность и просто срубится. Несколько катышков взрываются между его коренным зубами, и после этого его челюсть закрывается и нераздробленные катушки попадают на небо, где их броня острых, как бритва декстрозовых кристаллов несет крупномасштабное уничтожение, превращая дальнейший прием пищи во что-то подобное маршу смерти, скрытой за завесой боли, и три дня делает из него в новокаинового немого.

Постепенно Рэнди выработал по-настоящему злобную стратегию поедания Cap'n Crunch'a, стратегию, которая базируется на использовании самых смертоносных характеристик катышков таким образом, чтобы эти свойства взаимодополнялись. Сами по себе катышки имеют подушечкообразную форму с

небольшими бороздками, что Рэнди всегда напоминает пиратский сундук с добычей или что-то в этом роде. Так вот, с хлопьями в форме хлопьев стратегия Рэнди никогда не сработает, но, опять же, Cap'n Crunch никогда не будут производить в форме хлопьев, потому что тогда у них будет большая площадь поверхности, что является убийственным сумасшествием, — это должно было быть совершенно очевидно для разработчиков на General Mills, так как в такой конфигурации их продукция после погружения в молоко просуществует ровно столько, сколько засунутая в раскаленную духовку снежинка. Нет. Им надо было найти форму с минимальной поверхностью. В идеале это сфера, — поэтому здоровые хлопья в большинстве случаев имеют форму хлопьев, а засахаренные в основном круглые. И в качестве компромисса между сферой, которую нам навязывает евклидова геометрия, и любыми формами, наводящими на мысль о затонувших сокровищах, к которым, вероятно, стремились хлопьевые эстеты, была принята сложно классифицируемая форма бороздчатой подушки. И здесь для целей Рэнди важно только то, что отдельные катушки Cap'n Crunch'a в очень отдаленном сравнении имеют форму, близкую к коренным зубам. Стратегия заключается в том, чтобы катушки Cap'n Crunch'a молоть друг о друга в центре полости рта, сделать так, чтобы хлопья как бы сами себя жевали, почти как камни в гранильной камере, и сводить до минимума контакт с небом и деснами, потому что этот контакт будет кровавым, насильственным и болезненным. Точно так же, как и с высококлассными бальными танцами, устные объяснения (и точно такой же сидячий просмотр видеокассет) здесь и заканчиваются, потому что потом тело должно само научиться.

К тому времени, как Рэнди съел достаточное количество Cap'n Crunch'a (около трети двадцати пяти унцовой коробки) и достиг дна пивной бутылки, он убедил себя в том, что все танцы эта сплошная липа. К тому времени, когда он попадет в танцевальный зал, те, кто прислал ему приглашение, будут ожидать его с подленькой улыбкой на лице. Они сообщат ему, что все это было шуткой, пойдут с ним в бар, где его и благополучно уболтают.

Он надевает последние предметы своего костюма. К этому моменту приемлемы любые формы оттягивания, поэтому он проверяет факс. Он находит один факс от своего, специализирующего на алиментных делах, адвоката в Калифорнии и кладет бумагу в нагрудный карман пиджака, чтобы насладиться чтением стоя в пробке. Он съезжает на лифте вниз и ловит такси до Отеля Манила. Это (поездка в такси по Маниле)

стало бы одним из самых запоминающихся воспоминаний всей его жизни, если бы она была первой, но так как все это происходило уже миллион раз, в его голове ничего не откладывается. Например, непосредственно под знаком НЕТ ПОВОРОТА, он видит две врезавшиеся друг в друга машины, но ничего не запоминает.

Роберт Энтон Уилсон
Часы Сальвадора Дали

Все системы функционируют. Номер Пять жив!

Номер Пять

Я — не Номер Шесть! Я — свободный человек!

Номер Шесть

Во время переписи один переписчик попытался меня сосчитать. Я съел его печень с гарниром из мексиканских бобов и запил стаканчиком «Амароне».

Ганнибал Лектор

Первое условие перспективы

Дай-ка мне фомку, Глория.

«Воинственные рокерши-борчихи против Ацтекской Человекообезьяны»

Хотя дублинцы утверждают, что жители Корка — это всего лишь уроженцы графства Керри, притворяющиеся людьми,[10] есть основания полагать, что жители Корка просто наибольшие ирландцы из всех ирландцев, иными словами — самые утонченные натуры на всей земле. Ведь именно в Корке присяжные однажды вынесли такой вердикт: «невиновен, если больше никогда не будет делать этого в нашем городе».

Часы на городской ратуше Корка имеют четыре циферблата. Все четыре, выражаясь в ирландском духе, надежны только в том, что верить им никогда нельзя. Иными словами, редко когда два из них показывают один и тот же час, не говоря уже о минутах. Местные жители прозвали их Четырьмя Лжецами.

Приезжий из какой-то экзотической и дикой страны — возможно, из Англии — однажды сказал: «Как это по-ирландски: сколько часов, столько и мнений!»

Житель Корка, услышав эту фразу, заметил: «А как же иначе, если бы все четыре показывали одно и то же время, то три оказались бы лишними!»

Вообще-то в Корке считают, что время придумали англичане, чтобы заставить человека работать больше, чем ему это полезно.

Ведь не случайно оба ирландских философа с мировым именем — Эригена и Беркли — утверждали, что времени не существует.

Второе условие перспективы

Дао фа цзу-жань.

Дао Цзы «Дао де цзин»

На создание организации «Борцы Против Миллениума» (БПМ) Саймона по кличке Короткое Замыкание вдохновил достопочтенный телевизионный проповедник Джоули Фаллоу.[11] Ни пастор, ни Саймон тогда еще и не подозревали о существовании разумных насекомых и безумных арабов, которые вмешаются в их планы, при этом ненароком отправив миллионы землян в полет навстречу неведомому.

Саймон изобрел анти-миллениализм 3 абсолюта 124 года П. Э.,[12] когда последователи Фаллоу и всех прочих неохристианских и нью-эйджерских учений начали готовиться к миллениуму, до которого, в тот момент, оставалось еще два года, три месяца и девятнадцать дней. Саймон же по кличке Короткое Замыкание утверждал, что, по его расчетам, до миллениума оставалось еще три года, три месяца и девятнадцать дней, да и то миллениум этот совсем не настоящий, а первый настоящий случится не раньше, чем через восемьсот лет.

Саймон полагал, что, поскольку патафизика является, в первую очередь, наукой, то и патафизический календарь — это единственный подлинный календарь. Поскольку все остальные науки изучают всеобщее, и только патафизика изучает исключительное, то и патафизический календарь — исключительный. Ведь это единственный календарь, в котором пятница всегда приходится на тринадцатое число, чтобы народ не расслаблялся.

Родителей Саймона по кличке Короткое Замыкание, как вы уже догадались, звали вовсе не мистер и миссис Короткое Замыкание. Их звали Тим и Молли Мун. Конечно, останься они жить в прекрасном графстве Корк, именоваться бы им Мойхенами (Mudhen). Но, поскольку в Соединенных Штатах, население прочло бы эту древнюю кельтскую фамилию как «Мудхен», родители Саймона предпочли сменить свою старинную фамилию на более ходовую. Саймон, который был юношей дотошным, знал, как чудовищно выглядит эта фальсификация с позиций гэльской этимологии, но, поскольку ни одного американца даже под дулом пистолета нельзя заставить выговорить звук «х», оставалось только мириться со сложившейся ситуацией.

Впрочем, это было не важно: ведь друзья в любом случае

называли Саймона «Коротким Замыканием».

— Вон идет Короткое Замыкание, — говорили они.

Или же:

— Кто тут вьется, словно тень отца Гамлета? Не Саймон ли это Короткое Замыкание?

Или же:

— Берегите ваши жесткие диски, парни — Саймон Короткое Замыкание зашел в помещение!

Саймон получил это прозвище в результате своих экспериментов с патапространством, к которым он перешел после того, как истощил все возможности как киберпространства, так и криптопространства.

В киберпространство может попасть любой владелец компьютера, но в криптопространство (а только в нем и стоит жить) может попасть только обладатель последней версии PGP, выпущенной на этой неделе, не раньше. Криптопространство населено исключительно троглодитами и партизанами, подлинными обитателями киберпространственной ночи.[13] Патапространство, как и обычное киберпространство, было доступно для всех, но вполне постижимо лишь для Истинно Просветленных Умов, к числу которых относились сам Саймон и еще одиннадцать членов «Общества Незримой Руки».[14]

Хотя внешне Саймон сильно смахивал на снежного человека (разве что размер ноги у него был вполне людской), но душа у него была добрая. Если бы он хоть на миг отказался от своего прикида в духе начала шестидесятых и постригся в парикмахерской, он легко мог бы сойти за менеджера среднего звена из Силиконовой долины. Он никогда не использовал свои патафизические таланты для того, чтобы причинять вред окружающим (за этим он следил очень тщательно). Наличие их всего лишь окружало его ореолом загадочности и заставляло задуматься о том, не проник ли уже некий сверхчеловеческий разум, вполне вероятно — инопланетного происхождения, во всемирную паутину Интернета.

Продвинутые хакеры, которые знали о существовании Саймона и о том, чем он занимается, часто ввязывались в многочасовые дискуссии на тему, какие сайты организованы самим Саймоном, какие — его подражателями, какие являются плодом стараний сетевых безумцев, а какие — и впрямь форпостами внеземных цивилизаций.

Если вам случалось наткнуться в сети на вирусоподобную программу, которая, не причиняя никакого вреда системе, время от времени настоятельно требовала выслать порцию лазаньи голодающим пришельцам в Сектор 51, то вы, вероятно — но не

более чем вероятно — столкнулись с одним из патафизических провокаций против рассудочного мышления, организованных Саймоном. А может, это были плоды баловства другого любителя сетевых розыгрышей, хотя нельзя исключать и того, что это были на самом деле проголодавшиеся пришельцы, погибающие посреди горячих песков юго-запада Соединенных Штатов. Кто может знать, что взбредет на ум ЦРУ?

Третье условие перспективы

В будущем, возможно, удастся создать компьютер, который будет весить не более полутора тонн.

«Популярная механика», 1949

За все свое недолгое существование (которое продлилось не более двенадцати миллиардов лет, после чего лучшие умы планеты эмигрировали на Дзету Сети) Земля произвела на свет приблизительно восемьсот сорок пять тысяч видов животных, что вполне нормально для такой крошечной и недолговечной планеты.

Среди этих видов амфибии, к которым относятся лягушки, жабы, саламандры, тритоны, квакши и прочие квакающие и прыгающие твари в том же роде, составляют ничтожный процент: их насчитывается всего-то две с небольшим тысячи разновидностей.

Несколько лучше обстоят дела у млекопитающих, каковых существовало четыре с половиной тысячи видов, включая преданных собак, ненавистных, но неистребимых крыс, чванных гуманоидов, царственных львов, пронырливых полевок, жвачных копытных, угрюмых медведей, учтивых свинок (домашних, диких, двуногих и в полицейских мундирах), а, кроме того — лис, динго, гиппопотамов, водных животных (касаток, дельфинов, кашалотов, аллегорического белого кита и потрясающего воображение голубого кита).

В порыве творческого вдохновения Земля породила более семи тысяч видов рептилий, среди которых брахиозавр, стегозавр, тиранозавр, крокодил, аллигатор, боа-констриктор, гадюка, кобра, мамба, щитомордник, гремучая змея, а также достопочтенный Джоули Фаллоу.

Но существуют на Земле и такие твари, которые расплодились в количествах прямо-таки сюрреалистических. Это, конечно же, птицы, представленные более чем девятью тысячами видов, разнообразие которых простирается от невероятного павлина до ослепительной малиновки и неприметного воробья. А представьте себе к тому же сойку, зяблика, сокола, ястреба, чайку и самоотверженного пеликана, клюв которого, как это известно любому знатоку классической поэзии, вмещает больше пищи, чем желудок…

А что говорить о двадцать одной тысяче видов рыб — от акулы и лосося до гуппи, кальмара и омара.

Не иначе, как впав в творческий экстаз, природа расщедрилась восьмьюстами тысячами насекомых (очевидно, она считала членистоногих своим наивысшим творческим достижением), из которых жуки составляют большинство. Таким образом, из восьмисот сорока пяти тысяч видов животных более чем восемьсот тысяч суть различные разновидности букашек.

Земля также породила и растительное царство: кактусы, орхидеи, гигантские деревья тропических лесов, целительницу-увеселительницу-просветительницу коноплю, розы, фиалки, фуксию, ноготки, лютики и брокколи. И, наконец, царство грибов.

Но все же особенное пристрастие природа испытывала именно к жукам. Она производила на свет все новые и новые их виды.

Складывается такое ощущение, что планете Земля, сколько жуков не подай, все будет мало. Видимо, у старушки наблюдается острый приступ запущенной битломании.[15]

Одному крайне умному млекопитающему по имени доктор Дж. Б. С. Халдейн — представителю отряда приматов и биологу-марксисту, ежедневно занимающемуся йогой — однажды задали вопрос: «Если бы вы согласились с утверждением, что эволюция создана Высшим Разумом, тогда каковы, по вашему мнению, были бы наиболее выдающиеся особенности ее создателя?»

Доктор Халдейн ответил, не моргнув глазом: «Неконтролируемое влечение к жукам».

Но муравьи, которым было глубоко наплевать на мнения всяких там млекопитающих типа доктора Халдейна, а еще в большей степени наплевать на жуков, взяли и захватили эту планетку, воспользовавшись подходящим историческим моментом.

По крайней мере, в том единственном из многих параллельных времен, о котором они знали.

Большую часть своей скромной жизни Вттгрл провела в качестве рабочего муравья в Институте исправления истории, расположенном в Бкфсзн, но неудержимое стремление к знаниям, странное для ее ранга, отравляло муравьихе все существование. Поскольку вездесущая радиация вызывала у муравьев частые и разнообразные мутации, Вттгрл предположила, что, возможно, унаследовала пару-другую аномальных генов. Иначе говоря, что она родилась со скрытым дефектом.

Разумеется, многие из мутаций могли быть полезными. Но думать о себе в таком роде считалось проявлением нескромности и антиобщественных настроений.

Институт исправления истории, где трудилась Вттгрл, в народе назывался «Контора „Чего не было, того не было“.» Работники Института посвящали все свое время и силы тщательной регулировке Большого Взрыва. Для того чтобы делать это, они не нуждались в гиперпространственных переходах и путешествиях во времени. В деятельности своей они опирались на интерпретацию теоремы Адкк, произведенную Кгввкв, которая утверждала, что, поскольку все явления на атомном уровне подвержены нелокальной корреляции, то любое воздействие на этом уровне здесь и сейчас имеет последствия там и тогда. Нелокальность же попросту означает, что «здесь и сейчас» полностью тождественно «где угодно и когда угодно». При помощи тензоров Фугкииквт «где угодно и когда угодно» по желанию экспериментатора отождествлялось со специфическим «там и тогда», а именно — с моментом Большого Взрыва.

«Вселенная началась в момент Большого Взрыва», — разглагольствовал какой-нибудь вития на экране антенновизора в передаче посвященной проблемам науки, как только речь заходила о деятельности Института, — «так что если где-нибудь что-нибудь идет не так, то исправление следует начать с начала начал, — то есть, с Большого Взрыва».

Почти свою жизнь Вттгрл считала это утверждение своим Символом Веры, хотя, по идее, оно подавалось как Научный Факт.

Вттгрл, как и другие представители вида гигантских уму-равьев были склонны, наподобие предшествовавшим им разумным видам частенько путать Символы Веры с Научными Фактами. Некоторые из них были настолько разумны, что обратили внимание на это явление и создали комитет по отделению Символов Веры от Научных Фактов. При наличии идеальных условий их аналитические труды, в которых так нуждалось уму-равьинное сообщество, привели бы к тому, что мышление каждого уму-равья небывало прояснилось бы.

К несчастью, члены Комитета были твердо убеждены, что их Символы Веры есть самые, что ни на есть, Научные Факты, так что работы их только подлили масла в огонь общего смятения умов.

Вттгрл однажды принимала участие в работе Комитета, но вскоре осознала порочность его деятельности. Всю жизнь она провела, отмечая заблуждения одной группы уму-равьев относительно учения другой группы. Единственное, что она так и не заметила, так это тех заблуждений, которые были присущи всей цивилизации черных уму-равьев в целом.

Заблуждение это состояло в том, что мир достигнет совершенства, как только будут истреблены рыжие муравьи. Все

труды по усовершенствованию Большого Взрыва сводились к тому, чтобы путем регулировки на субатомном уровне ограничить, насколько это возможно, количество существующих вселенных, так, чтобы, в конце концов, осталась лишь одна совершенная Вселенная, в которой не было и следа каких-то там рыжих муравьев.

Ересь Вттгрл и ее Запрещенные Эксперименты начались с того момента, когда она, в один прекрасный день, точно вычислила, сколько параллельных вселенных предстоит сделать невозможными, пока не останется только Единственная Совершенная. Число это оказалось больше, чем вычисленная Ксзбри бесконечность первого рода, и даже больше чем ее бесконечность второго рода… собственно говоря, расчеты Вттгрл показали, что число это явно больше чем все мыслимые виды и роды бесконечностей, когда-либо вычисленные математическими гениями муравьиного мира.

Никакое конечное количество регулировок Большого Взрыва, сколько бы их не было произведено, не могло привести к возникновению единственной вселенной без рыжих муравьев. Вттгрл записала свое доказательство в виде системы уравнений, единственно с целью проверить свою догадку. Результат остался прежним: только имея в распоряжении бесконечное время и внеся бесконечное количество поправок, можно было создать вселенную, в которой отсутствовали бы эти проклятые рыжие.

Вттгрл поняла, как опасно смешивать Символы Веры с Научными Фактами еще в те времена, когда она посещала собрания тех, кто считал, что могут без затруднений провести различие между первыми и вторыми. Она не стала рассказывать никому из подруг по муравейнику или коллег по Институту о своем открытии. Она уничтожила свои записи. Но продолжать думать ей никто не мог запретить.

Постепенно она поняла, что Большой Взрыв расположен слишком далеко во времени, чтобы начинать с него процесс исправления Истории. Вместо этого Вттгрл обратила свое внимание на период, непосредственно предшествовавший началу истории, а именно — на время перед так называемым «Переломом».

Обе населявшие Землю разумные расы появились уже после Перелома. Это были, с одной стороны, мудрые и добрые черные муравьи, миролюбивые поклонники изящных искусств и чистого разума, которые хотели для себя всего лишь ту территорию, которая и так принадлежала им по Естественному Закону, с другой стороны — их заклятые враги, злобные рыжие муравьи, под предводительством безумной царицы (обладавшей

«диктаторской жаждой власти»), которые погрязли в войнах, низкопробном китче, дремучих суевериях и претендовали на территорию, которая не принадлежала им по Естественному Закону. Перелом же случился после так называемой Белой Зари, которая произошла вследствие бессмысленного конфликта между представителями расы абсурдных двуполых млекопитающих, которые некогда доминировали на этой планете.

Вттгрл изучила первобытную историю тщательнее, чем любой живший до нее уму-равей. В конце концов, она поняла, какая именно группа особей отвратительных двуполых существ была ответственна за Белую Зарю.

Группа эта именовала себя «Христианами». Не зная о том, что все в этом мире есть воплощенная мысль, и ничто не существует, если мысль ему не предшествовала, они постоянно размышляли о Конце Света. Хуже того, они заставляли думать об этом и тех, кто не были христианами. Таким образом, предаваясь апокалиптическим фантазиям, они чуть было не вызвали подлинный Конец Света, результатом чего явился Перелом.

Теперь нужно было только добраться до момента возникновения этой секты и перебить всех христиан поодиночке.

Вттгрл начала изучать всю имевшуюся литературу по гипервременным дырам. Теоретически они были возможны, но общее просвещенное мнение сходилось на том, что строительство одной такой дыры обойдется в квинтиллион (миллиард миллиардов миллиардов миллиардов) мегазтуйккпзов. а проектирование ее займет, по меньшей мере, четыреста семьдесят тысячелетий.

Вттгрл впала в отчаяние — но ненадолго. Ее странные гены сделали ее такой, что она утешалась легко и быстро, что бы там не случилось.

Ей еще только предстояло прийти к самой страшной своей Ереси. Установив, что многие общепризнанные Научные Факты являются всего лишь Символами Веры, она решила выяснить, не могут ли, напротив, некоторые Символы Веры оказаться Научными Фактами. Она принялась за изучение «суеверий» глупых и грубых муравьев-солдат, к которым рабочие муравьи питали нескрываемое презрение. Ведь все знали, что презренные солдаты годятся только на то, чтобы ежегодно убивать миллионы проклятых рыжих муравьев. Вттгрл начала исследовать веру муравьев-солдат, центральным персонажем которой является Великий Сзн, который поддерживает равновесие, обновляя Вселенную каждую наносекунду.

Она потратила долгие годы на работу с гадательными методиками, которые давали точность не более пятидесяти

процентов, курила трубку долголетия, после чего ее долго мучила бессонница и раздражительность, — короче говоря, не было такой галиматьи, к помощи которой она не прибегла. Но постепенно йиспийская система медитации и визуализации начала являть ее взору картины мира, бывшего не менее реальным, чем Институт исправления истории — ужасного, прекрасного и тоскливого мира млекопитающих. И тогда муравьиха начала понимать великое мистическое учение, положенное в основание культа Сзн. Вттгрл вскоре нашла формулу: она содержалась в первом квеаве древнего гимна «Сзн Сд Бгбмб». «СЗН КОТОРОГО МОЖНО ПОМЫСЛИТЬ — НЕ ИСТИННЫЙ СЗН». Именно при помощи этой формулы Вттгрл рассчитывала создать свою собственную гипервременную дыру.

Она, как обычно, начала с «везде и всегда» и приступила к вычислению точного «здесь и сейчас».

И из глубин времен до нее начал смутно доноситься голос, брюзжавший что-то насчет грязных носков и дурного запаха изо рта…

Пятое условие перспективы

Эта морковка, как вы ее назвали, сконструировала космический корабль, приводимый в действие неведомой нам силой, который способен преодолевать расстояния в миллионы миль.

Нечто

— И все эти детоубийцы, эти сторонники абортов, и люди, которые лгут другим людям, и адский морок НЛО, и даже Хиллари Клинтон, — вещал Джоули Фаллоу, обращаясь к телевизионной камере, — всем им воздастся по заслугам в день Великого Перелома — да, да, я говорю именно о Переломе…

Саймон Мун, затянувшись посильнее трубочкой с гашишем, ухмыльнулся и переключил телевизор на канал «Плейбоя».

Интерпретация Вселенной началась… Анти-миллениалистский мем проник в христианское измерение реальности.

Шестое условие перспективы

Божество — это вам не ярмарочный балаган для зевак.

Джеймс Джойс

Когда Абдель Рахман Массуд, директор Института фундаментальных исследований нелепостей и абсурда решил отправить себя на двести лет в прошлое, из шестнадцатого столетия в четырнадцатое, он знал, что, возможно, совершает большую ошибку.

Тем не менее он вполне серьезно полагал, что выбор его был продиктован необходимостью. Это, если хотите, была миссия, возложенная на него Богом. Кроме того, он утешал себя высказыванием Неверной, Имя Которой Запретно — высказывание это, написанное большими буквами, висело у него на стене в кабинете:

НЕ БОЙСЯ СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЯ:
АЛЛАХ РЕГУЛЯРНО ПРОИЗВОДИТ БЭКАП СВОЕГО ЖЕСТКОГО ДИСКА!

Абдель заменил в цитате слово «Богиня» использованное Неверной, Имя Которой Запретно, на слово «Аллах».

Поскольку Абдель был вполне нормальным для своего времени, — да и для любого — мусульманином, он тщательно проштудировал запрещенные труды Хассан-и-Саббаха, Абдуллы Альхазреда, Нобеля Дрю Али и Хаким Бея. Может быть, даже чересчур тщательно. Даже во снах он иногда видел, как некоторые, наиболее шокирующие, их высказывания пляшут у него перед глазами: «Ничто не истинно, все разрешено», «Прошлое, настоящее, будущее все одно в Йог Сатот», «Покурим это дерьмо», «Порвались цепи закона!».

Кроме того, у него имелась бесстыжая (только слегка подправленная) табличка с надписью высказывания прославленной ведьмы Лолы из Капитолы, которая жила двести лет назад, во времена Великой Ошибки, т. е. в те времена, которые для Абделя являлись четырнадцатым столетием[16] (а необрезанные неверные псы, паривше на геостационарной орбите в космических станциях, из которых теперь и состоял весь дар аль-харб,[17] считали это столетие двадцатым веком от Рождества Христова, хотя христиан среди неверных давно уже не

наблюдалось).

У Абделя насчет Лолы был пунктик. Она знала что-то такое, о чем не догадывались даже Саббах, Альхазред, Нобиль Али и Бей. «У Аллаха есть жесткий диск для бэкапа» — чем больше вдумываешься в эту фразу, тем меньше понимаешь ее смысл. Но уверенность в том, что смысл есть, не исчезает.

Кроме того, после всего, что случилось, Абдель потерял веру в мулл, которые правили дар аль-исламом (в прошлом — планетой Земля). По мнению Абделя, исламские муллы ничем не отличались от жрецов всех прочих религий. Они понимали в метафизике столько же, сколько заяц в геометрии. Многие из них даже полагали, что Институт фундаментальных исследований нелепостей и абсурда — это какая-то прикольная шуточка суфиев! Они даже смели дразнить Абделя «муфи-Суфи»! Слепцы, они не могли заметить всех тех маленьких примет, разбросанных в самых заурядных местах и присущих самому устройству космоса, которые ясно указывали на то, что Вселенная — куда более абсурдное место, чем могли предполагать даже самые благочестивые умы. Синэргическую сумму этих моментов Абдель именовал Фактором Космического Хи-хи.

Абдель самостоятельно соорудил гипервременной переход — всего-то понадобилось соединить две черные дыры в соответствие с чертежом, который прилагался к эректору, принадлежавшему третьему сыну Абделя от второй жены. Подобные переходы были уже довольно распространены во времена Абделя, хотя муллы в один голос утверждали, что при помощи подобных штучек дозволено только заглядывать в прошлое, но не менять его.

Хуже того, муллы добились, чтобы это их мнение возвели в ранг закона. То, что замышлял Абдель, было одним из самых тяжких преступлений, предусмотренных уголовным кодексом, и наказывалось самым тяжким из существовавших в ту эпоху наказаний: выбором между сумасшествием и самоубийством. Приговоренным к высшей мере давали коробочку с капсулой цианида и запирали пожизненно в камеру с постоянно включенным телевизором, по которому двадцать четыре часа в сутки крутили древние видеозаписи выступлений Джоули Фаллоу. Почти все приговоренные принимали цианид в первый же год заключения.

Муллы хотели, чтобы люди использовали временные тоннели как телевизоры, настроенные на показ величайших моментов истории. От одной этой мысли у Абделя сводило зубы. Во всем Лос-Анджелесе — от потонувшей в роскоши Санта-Барбары на севере, до неприглядного Феникса на востоке — проживало больше исламских ученых, чем существовало на свете за все

время предыдущего существования ислама. И никто из них так и не отважился пренебречь повелениями мул, войти в гипервременной переход и изменить прошлое. Прошлое не может, не должно и не будет изменено, — утверждали муллы, — ибо так повелел Сам Аллах.

Религиозные консерваторы всегда и повсюду одинаковы. Никто из них не в силах понять, что Аллах достаточно мудр, для того чтобы иметь в запасе несколько жестких дисков с бэкапом. И ему не занимать умения в работе с Отделом переписывания истории.

Возможно, что некоторые события ему даже удается отправлять в контору «Чего не было, того не было».

Абдель был готов: он окончательно решился. Он больше не мучился сомнениями. Он войдет в тоннель, вернется в прошлое в тот момент, когда история пошла неверным путем, убьет Джоули Фаллоу — этого Большого Шайтана, который во всем виноват — и вернется в мир, который в соответствии с железной логикой следствий и причин будет другим, будет намного лучшим, чем тот мир, который Абдель покинул.

Он фликнул на позитронный электрофраммис, проверил кварковый компактор на нейрофранце еще один раз, раскрыл субпространство в узле Финагля и смело вошел в гипервременной тоннель.

Первым, что он увидел, выйдя из перехода, был гигантский черный муравей, размером с взрослого самца носорога.

Муравей тоже увидел Абделя и обратился к нему на рафинированном классическом арабском со следующими словами:

— О презренная и ничтожная пылинка верблюжьего помета, что ты делаешь в моем гипервременном переходе?

Седьмое условие перспективы

Орсон Уэллс не носил свитеров из ангоры!

Эд Вуд

— Я — телемит, — объяснял Мавис Селин. — В полночь для меня начнется новый, девяносто седьмой год ЭГ.

— ЭГ — это эра Гора, правильно? — вежливо переспросил Саймон.

— Гора-пар-Краата или, иначе, Гарпократа, — сказал Мавис Селин. — Я придерживаюсь учения реформированного телемитства.

Вечеринка анти-миллениализма была в полном разгаре. Часовая стрелка только что миновала цифру «одиннадцать», и поэтому все с нетерпением ожидали не-миллениума, который должен был наступить через час. Саймон ради такого случая даже наклеил поверх фотообоев с морским пейзажем репродукцию картины Сальвадора Дали «Упрямство памяти». Плавящиеся часы, изображенные на этом гениальном полотне, наводили на мысль о бессмысленности любой временной шкалы.

— Для нас, — рассказывал Хуан Тутригро на другом конце комнаты Марвину Гардензу, — новый год наступает 31 октября. Семьдесят девятый год закончился 30 октября, а 31 октября начался новый, восьмидесятый год psU, — заметив удивление Марвина, он быстро прибавил. — Мы добавляем к номеру года psU, что означает post scriptum Ulysses,[18] поскольку Джойс написал последнюю фразу в своем Евангелии 30 октября 1921 года, завершив тем самым христианское летоисчисление.

Китовая туша Блейка Уильямса нависла над ними обоими:

— Так что, вам еще 920 лет ждать первого миллениума? — спросил он, делая пометки в записной книжке (он изобрел нейросемантическую топологию и постоянно вел исследования в этой области). — Дольше ждать придется только патафизикам, календарь которых начинается с 1873 года э. в.

Стоя у двери в патио, маленький человечек по фамилии Гинзберг рассказывал Кэрол Кристмас.

— Я пришел на эту вечеринку только потому, что тоже не верю, что сегодня наступает миллениум. Я не ожидал встретить здесь такое количество странных типов…

— А через сколько лет наступает ваш миллениум? — заботливо спросила Кэрол, которая старалась быть

гостеприимной. Ее голова заботливо склонилась к гостю.

— Ну, следующий миллениум это будет год 6000 от сотворения мира, который для правоверного, вроде меня, наступит только через 239 лет, — сказал Гинзберг, несколько обеспокоенный тесной близостью великолепного образца самки млекопитающего.

— Для правоверного иудея, — поспешил добавить он на тот случай, если Кэрол его не поняла.

Саймон Короткое Замыкание в это время занимался тем, что раздавал промокашки с кислотой всем желающим.

— Даты? Фэйт, мне наплевать на даты! Я уверен, что сейчас у Вселенной нет никаких Больших Часов, которые управляют всем. Верно? Меня гораздо больше интересует, что я обнаружу на Марсе, когда применю компьютерный анализ к Лицу.

Саймон сразу узнал голос — это был профессор Тимоти Эф. Икс. Финнеган, который обратил его сначала в патапсихологию, а затем в патафизику.[19]

— Вы имеете в виду изображение лица, которое видится на поверхности Марса? — скептически переспросил Марвин Селин. — Но разве анализ не показал уже, что это всего лишь скалы и тени, ими отбрасываемые?

— Ха! — вскричал Финнеган, передавая дальше кокаин. — При помощи холистического компьютерного анализа я убедительно доказал, что это — лицо Мозеса Хорвица,[20] который, тем самым, является единственным человеком, прославившимся сразу на двух планетах! Разрази меня гром, если теперь весь научный истеблишмент не заерзает своими жопами передо мной!

— Мозес кто? — воскликнули хором, по меньшей мере, пять голосов, но в тот же момент Мами ван Дорен довольно отчетливо произнесла:

— Грязные носки и дурной запах изо рта.

«Какого черта она это сказала, — обеспокоено подумал Саймон, — и о чем это она вообще говорит?»[21]

Он был удивлен, но улицы Сэндикоува в тысяча девятьсот четвертом году удивили его еще больше. Уличное движение, представленное различными видами конных экипажей и, время от времени, допотопной «самодвижущейся повозкой», вполне соответствовали исходным пространственно-временным данным, но вот прохожие нимало не напоминали ирландцев. В основном это были мальчики-проститутки с арабской внешностью, которые раз двадцать пытались к нему привязаться, прежде чем он вскочил на трамвай, шедший в центр Дублина.

«… со своим братом Джеромом, понимаешь, и их дружком по

имени Лоренс Файнстайн…»

«… Сублиминальный Синдикат выглядел бледнее его рубашки… грязные носки для наших ирландских поэтов…»

Обрывки разговоров заглушались доносящимися откуда-то рядом звуками флейт и свирелей… запах полыни, необычно жаркое солнце…

Трамвай влекла огромная черная сороконожка. На кондукторском месте восседала барышня, похожая на Мадонну в одном из ее прикидов — бюстгальтер с остроконечными чашечками и балетная пачка. В руке Мадонна сжимала огнемет, который она иногда приводила в действие, производя предупредительные выстрелы над головой сороконожки, когда та с нескрываемой алчностью тянулась жвалами в сторону пробегавших по тротуарам иезуитов и опричников.

— Терпеть не могу эвфемизмов, — грустно пробормотал Саймон, — но какого протуберанца меня сюда занесло?

Он знал, что недавно принял кислоту, но окружавшая его действительность отнюдь не походила на трип.

— Позволь, я тебе объясню, — сказал огромный рыжий муравей. Действительно огромный — размером с междугородний автобус.

— Мы протащили тебе через переход. Ты и твои друзья-дискордисты хотите сорвать величайший поворотный момент в истории и, тем самым, сыграть на руку гнусным черным муравьям. Я раскрою тебе ужасную правду на английском, твоем родном языке.

(Это была очевидная ошибка: Саймон считал своим родным языком гэльский, а английский — языком саксонских оккупантов.)

— Ну и? — переспросил Саймон.

Муравей задумчиво зевнул (насколько мог понять Саймон, не искушенный в физиогномике насекомых) и продолжил на ломаном диалекте гэльского, принятом в Западных Графствах:

— А я тогда еще совсем малой был — да славится Господь Бог, Мария, Патрик и Бриджет — («Мысли читает!» — изумился Саймон.) — как проведал, что муравей — не первый и не последний хозяин бела света. И мы про вас все знаем, про вашу дурацкую двуполую расу. Мы изучили вас посредством нашего мощного, бесстрастного и беспристрастного разума. Мы знаем вас, как носа знает роза и роза знает носа.

(«Трудности гэльского синтаксиса одинаковы для всех, кто не впитал язык с молоком матери», — подумал Саймон.)

— Из-за вашего эридианского[22] вмешательства в веер линий судьбы, — продолжал гнуть свою линию муравей, — возникла

Тотально Неправильная Вселенная, населенная злобными черными муравьями, которыми предводительствует безумная царица, обладающая диктаторской жаждой власти. Это — существа суеверные, нелогичные и отсталые, а chara.[23] Говоря по-нашему, по-ирландски, они — полные засранцы. Я построил гипервременной переход, для того чтобы создать Вселенную, в которой появление этих недоносков полностью исключается. А ты путаешься у меня под ногами — ты и твои шуты-патафизики.

— Я шутее всех моих шутов, — заносчиво парировал Саймон.

Внезапно здоровенная черная лапа проломила пол и схватила Ингрид Бергман, стоявшую между Хемфри Богартом и Хенрайдом. На короткое время в отверстии показалась голова гориллоподобного существа, которая уставилась на Саймона и воскликнула:

— Ты только погляди, на что ты меня заставил пойти!

Произнеся эту реплику, голова вновь скрылась

Толпившиеся по соседству опричники не нашлись, что на это ответить. Они расхаживали по улицам Берлина нагишом, кожа их была такого цвета, какого бывает кожа на пенисе. На ходу они отхлебывал влагалищные выделения из лабораторных колб. Некоторые из них при этом мастурбировали, но лица их оставались совершенно бесстрастными.

— Джером был всегда популярнее, чем Мозес, но Мозес не имел ничего против такого положения дел. Знаете древнюю землянскую пословицу: «От добра добра не ищут»? А затем Джером умер, и все синергетика системы пошла прахом…

В это время профессор Юбю зачитывал результаты своего последнего социологического исследования по телевизору:

— Семнадцать процентов малолетних преступников и двадцать три процента преступников-сенаторов полагают, что Ингрид Бергман, а не Фэй Рэй была невестой Кинг-Конга. Клинические параноики во время теста Рошбаха часто заявляют, что показанные чернильные пятна напоминают им майора Штрассе, растирающего шоколадный сироп по выпуклостям и округлостям Ингрид Бергман. В подавляющем большинстве снов (в восьмидесяти процентах случаев) на Скалл-айленд спешит, чтобы остановить разбушевавшуюся гориллу, не Роберт Армстронг, а Джордж Вашингтон. Из всего этого можно заключить, что мечта о двухметровом пенисе, которым, согласно мифологии, обладает Кинг-Конг, превращается в навязчивый бред у лиц старше семидесяти лет. Именно это и является истинной причиной бомбардировок Ирака и других случаев агрессии против наций Третьего Мира.

После этого профессор забубнил нечто нечленораздельное.

— Крысы в лимонаде… дурной запах изо рта… короли из династии Меровингов окружают подозреваемых… земляничная мышь… запоры перестали его мучить…

Блейка Уильямса больше тревожила телеграмма, врученная ему костоправом в костюме гориллы. Он зачитал ее вслух и Джоули Фаллоу в ужасе выпрыгнул из окна.

> ДОРОГОЙ ФОРТИНБРАС УЖАСНЫЕ НОВОСТИ ТЧК СТАРЫЙ КОРОЛЬ НОВЫЙ КОРОЛЬ КОРОЛЕВА И ПРИНЦ ВСЕ УМЕРЛИ ТЧК ПРЕМЬЕР МИНИСТР ЕГО СЫН И ЕГО ДОЧЬ ТОЖЕ ТЧК ЕЩЕ ПОГИБЛИ ДВА СТУДЕНТА ИМЕН НИКТО НЕ ПОМНИТ ТЧК ТАКЖЕ ЭКСГУМИРОВАН ОДИН ШУТ ТЧК ВЫСЫЛАЙТЕ ЛОПАТЫ ТЧК ПОДПИСЬ ГОРАЦИО

— Знаете, — задумчиво сказал Мавис, — похоже, кто-то подмешал в кислоту средство для чистки унитазов. По-моему, Джоули не падает, а наоборот, взлетает вверх…

— Если бы он один, — в ужасе воскликнул Блейк Уильямс. — Смотрите, тысячи людей отрываются от земли и взлетают…

Восьмое условие перспективы

Меня гнев божий волнует не больше, чем сопли в носу!

Дж. Р. «Боб» Доббс

Утром седьмого абсолюта сто двадцать четвертого года патафизической эры Саймон собрал достаточно данных, для того чтобы понять, что произошло на самом деле. Он созвал собрание «Общества Незримой Руки», чтобы обсудить увиденное.

— Итак, готовы ли мы к обсуждению опознанных летающих объектов? — спросил он радостно.

— Несомненно, мы имели дело со случаем левитации, сказал доктор Харрис Нейсмит. — Имеются миллионы свидетелей, не говоря уже о том, что с поверхности Земли исчезли миллионы людей.

— Не просто случайные миллионы людей, — заметил Саймон. — Они были отобраны по определенному принципу.

— Вы тоже обратили на это внимание? — воскликнул У. Клаймент Котекс. — Да, это смахивает на сегрегационные вихри старика Форта.[24] Только отбор был еще более жестким. Это случилось с одними христианами.

— Ну что же, — заключил Нейсмит, — это вполне согласуется с теорией, которой придерживается большинство из нас. Если верить во что-то достаточно сильно и достаточно долго, то мысль совершит квантовый скачок и превратится в квантовую пену, из которой рождаются энергия и материя…

— И я придерживаюсь того же мнения, — сказал Мавис. — Эти психи, помешанные на Иисусе и огнестрельном оружии, всегда утверждали, что «вознесутся живыми на небо на переломе веков». Они об этом все время говорили и писали, и вот, когда соответствующий момент по их летоисчислению наступил, это произошло. Только кто сделал это?

— Гигантские рыжие муравьи, — сказал Саймон, — сперва я думал, что мне это кислотой навеяло, но теперь я понял, что видел одного из них. Они их к себе и забрали. После того, как несколько гипервременных тоннелей пересеклись в одной точке. Муравьи почему-то считают, что христиане особенно хороши на вкус.

— Какой ужас! — воскликнул Нейсмит. — Быть порванным на мелкие кусочки и сожранным огромным насекомым… напоминает Лавкрафта…

— Что ты хочешь, они же сами верили в ад, — сказал Саймон. — И большинство из них не могли соблюсти систему дурацких запретов, которые они сами себе придумали, поэтому считали, что ада им не миновать.

Затем воцарилась долгая пауза, после которой все посмотрели на участника вечеринки, который прибыл самым последним и еще не сказал ни слова.

— А ты что думаешь, Абдель? — спросил Нейсмит.

— Я здесь новенький, — сказал Абдель Рахман Массуд. — Но я тоже уверен, что без христиан мир будет гораздо более спокойным и уютным местом. За последние три дня кончилось уже пятнадцать войн… Возможно, мы здесь все не до конца понимаем все те силы и весь тот разум, что работали вместе, — хотя, порой, считали, что работают друг против друга, — для того чтобы «случайно» произвести тот эффект, благодаря которому мы все надолго запомним день, в который не наступил миллениум.

Все присутствовавшие обменялись задумчивыми взглядами.

— Незримая Рука, — изрек профессор Финнеган, поднимая свой стакан с «Джеймсон'с», и в молчании все выпили следом за ним свой виски.

Дуглас Коупланд
Пожар на фабрике «ативана»

Вайет задержался в латексной после работы. Он старательно разглаживает кожу пришельца, который должен быть готов к съемкам сразу после праздников. Его руки (Вайет безумно гордится своими руками, с длинными пальцами и без волос после стольких лет возни с химикатами) заляпаны эпоксидкой и краской, ногти в незаживающих рубцах и царапинах. Это издержки его не совсем обычной работы — Вайет креативный директор отдела протезов в местной компании, производящей спецэффекты, под названием «Плоть». В эти дни через производственную мясорубку, словно фарш на колбасном заводе, протискивается очередная малобюджетка недели для американской кабельной телесети. «Рожаем шедевр», — как еще днем, при своих, выразился Вайет, вызвав улыбку у сотрудников «Плоти», каждый из которых за последние пять лет виртуозно овладел искусством формовки, свежевания и росписи латексных и фиберглассовых тел. «Плоть» всегда специализировалась по бандитским разборкам со стрельбой — они изготавливали десятки пельменей с бутафорской кровью и начиняли ими отливки с человеческих торсов, подсоединяя каждый пельмень к специальному электронному устройству, так чтобы все они синхронно взрывались по команде «мотор!». Не так давно «Плоть» всерьез переключилась на производство пришельцев. Работать с пришельцами по-своему проще, чем с людьми, ведь ни пришельцев, ни будущего никто никогда не видел; зачем ломать голову, если тут всегда смело можно дать волю фантазии.

Вайет поднимает глаза и смотрит в окно: солнце уже совсем низко. С улицы доносится шум машин, и все спешат домой отмечать превращение тысяча девятьсот девяносто девятого года в двухтысячный. Еще днем, после экстренно-эпоксидной вылазки в аптеку на Лонсдэйл, Вайет почувствовал, как тяжелый груз проблем перестал давить на плечи обитателей Северного Ванкувера. Уже, наверное, с месяц Вайета не покидало ощущение, что над городом завис невероятных размеров астероид, угрожая, как мешок с картошкой, шлепнуться вниз в любую минуту. Даже минувшее Рождество приобрело из-за этого мрачноватый оттенок. «Последнее Рождество века, — постоянно твердили родные Вайета, — что бы это ни значило».

Жена Вайета, Кэтлин (детей нет), честно высидела мучительно долгую церемонию ритуальной раздачи подарков в

доме его родителей — племянницы, племянники, прочие родственники — все буквально извертелись, делая Вайету с Кэтлин недоуменные знаки: почему нет детей?

И вот грозный астероид распался. Город тянется ввысь, как молодые побеги к солнцу, и Вайету становится немного жаль себя: он тут трудится в неурочное время, а все остальные сбежали пораньше и теперь давно уже дома готовятся встречать Новый год.

Вайет думает о сюжете фильма, в котором задействован пришелец, лежащий сейчас у него на коленях. Пшеничные блондины-пришельцы, под видом агентов по торговле недвижимостью, заманивают перспективных представителей человеческой расы в дома, тайно оборудованные для биологических экспериментов. Единственная земная пища, пригодная для пришельцев — противозачаточные таблетки. По ночам они врываются в аптеки города и разоряют их, убивая всех на своем пути.

Стоит ли говорить, что главный герой с героиней обнаруживают связь между кражей пилюль и торговлей недвижимостью и прибывают как раз вовремя, чтобы предотвратить вивисекцию двух очаровательных карапузов (в жизни — это распираемые гормонами, самодовольные тринадцатилетние монстры). В финальной сцене появляется «понтиак» модели «Санфайер» с открытым верхом, до отказа набитый голодными маклерами-пришельцами, в кольце из ружейных дул и полицейских машин с мигалками. Загнанные в угол, пришельцы выскакивают из фальшивой человеческой оболочки и предстают во всей своей истинной кошмарной слизисто-насекомой сущности, чтобы тут же погибнуть от пуль полицейских (тела начинены пельменями с кровью). Но прежде чем это случится, весь район будет разрушен до основания.

КОНЕЦ

Для кабельной сети выгода налицо. Без учета спецэффектов, весь фильм можно снять за двенадцать рабочих дней с минимальной съемкой на натуре — и это во времена небывалого падения канадского доллара. Добрая треть бюджета идет на финальную сцену, и Вайет чувствует — это свидетельство того, как высоко ценят на студии его мастерство.

Последние дни, Вайет работал тихо — как, впрочем, и все в мастерской: кроил латекс, смешивал анилиновые красители, проверял размеры стеклянных глазных Яблок, внимательно следивших за каждым оборотом колоссального и неотвратимого курвиметра истории. Но у самого Вайета голова была занята кое-чем посерьезнее цифр. Начиная с сентября, они с Кэтлин обошли

множество специалистов по бесплодию, и в Сиэтле, и здесь, в Ванкувере, но результаты — готовые, после бесконечных мазков, спровоцированных эякуляций, тестов на щелочную реакцию, анализов крови и бесконечных возвращений к истории личных отношений, — не позволяли сделать окончательный вывод.

— Что значит, вы не знаете? — набросился Вайет на доктора Арказяна. — Вы обязаны знать.

Из окна Ванкувер выглядел серым и хмурым, как будто город был не выстроен по частям, а отлит целиком из одного куска.

— Извините, Вайет, но однозначного ответа мы вам дать не можем.

— Дело в моей сперме? Это из-за меня?

— Нет. Вы конкретно тут не при чем.

— Тогда, Кэтлин? Нет яйцеклеток? Они больные, неполноценные?

Доктор Арказян пытался успокоить Вайета — определенного ответа нет. Вайет представлял, как его сперматозоиды несутся к яйцеклетке Кэтлин и вдруг, в последний момент, замедляют свой бег и по одному засыпают или умирают. Вайет представлял себе яйцеклетку Кэтлин в виде куриного Яйца — один желток, без белка — яйца, распространяющего усыпляющие для сперматозоидов испарения. А может, сама яйцеклетка спит? А сперматозоиды? Могут ли они спать и видеть сны? Это ведь только половинка живого существа… как вообще она может жить… а тем более видеть сны?

У Кэтлин нет ни сестер, ни братьев. Она вышла за Вайета с единственной целью, чтобы родить пятнадцать детей. Многочисленное семейство Вайетов действовало на Кэтлин, как мощное приворотное зелье — весьма распространенное явление, когда ты единственный ребенок в семье. И уж конечно, они использовали каждый шанс… Но…

Что же это было за «но»?

— Объяснение может быть только одно, — размышляя вслух, произнес Вайет в кабинете доктора Арказяна перед самым Рождеством. — Возможно, я что-то проглотил. Кэтлин что-то вдохнула. Какое-нибудь лекарство, которое мы принимали в детстве…

— Весьма и весьма вероятно, — обтекаемо отвечал доктор Арказян, мечтая поскорее выпроводить из кабинета эту бездетную пару, так и не получившую объяснения собственному бесплодию.

С тех пор Вайет постоянно думал о своем с Кэтлин месте в этом мире. Всю неделю он прокручивал в голове события прошлого, старался припомнить все, что его организм мог усвоить, чем могло пропитаться тело с 1964 года — года его

рождения: прививки в детстве; антибиотики, сульфамидные препараты и противогрибковые средства в подростковом возрасте; выхлопные газы, которыми он дышал два года, пока работал автомехаником; пищевые добавки, а по большим праздникам — конопля, кокаин, амфетамины и совсем недавно (и всего один раз) экстази, еще… Так… что же еще? В тысяча девятьсот восемьдесят шестом в Риме, странный запах, заполнивший воздух в открытом кафе. Пестициды для опрыскивания сада. Пестициды! Один Бог знает, что там намешано — и то вряд ли. Еще есть Кэтлин: ее противозачаточные таблетки — просто наверняка (хотя Кэтлин это и отрицает), пусть понемногу, но подтачивали ее репродуктивную систему.

Он откладывает пришельца в сторону, крепко обхватывает грудную клетку и делает глубокий вдох. Вот черт — химикаты, с которыми он работает! Теперь появились более чистые препараты, но долгие годы жизнь его была неразрывно связана с толуолом, ксилолом, всевозможными смолами…

Вайету становится тошно.

Он не всегда занимался изготовлением тел — это пришло позже. Начинал он как дизайнер миниатюрных моделей для кино- и телефильмов. Работа было что надо, он бы и не бросил ее никогда, но они с Кэтлин только поженились и нуждались в деньгах, потому что… Потому что хотели ребенка.

Одной из причин успеха Вайета на поприще дизайна миниатюр было то, что звездолеты инопланетян, изобретенные им, выглядели так, будто они действительно прилетели с другой планеты. Большинство других дизайнеров берут книгу о насекомых, выбирают подходящий экземпляр и строят его модифицированную версию в металле. Но только не Вайет. Он поступал иначе: шел в библиотеку и отыскивал в книгах молекулы медикаментов и пластмасс — формы, которым не указ суетные законы гравитации, света и биологии.

— Скажи честно, Вайет, где ты берешь свои идеи? — много лет назад допытывался Марв, его тогдашний начальник. — Все это так… свежо. Необычно.

Для Вайета истинная архитектура XX века создавалась на микроскопическом уровне: клонированные белки, сверхпроводники, патентованные моющие средства, лекарства, выдаваемые только по рецепту… Еще бы, одна молекула «венлафаксина» (антидепрессанта, также известного как «веллбутрин») покрыла первый взнос за дом. Ее форма послужила прототипом космического крейсера пришельцев в фильме категории «Б», который едва не провалился в кинотеатрах, но наверстал сборы на видео и заграницей. Вот это была молекула!

Только самые мерзкие и ужасные пришельцы могли придумать такое. Повезло им. И «венлафаксину» тоже.

В свое время Вайет хотел попробовать «венлафаксин». Из-за бесплодия он уже два года постоянно пребывал в напряжении, почти не вылезал из депрессии и все же отверг «венлафаксин», опасаясь за качество спермы. В итоге все обернулось плотной зависимостью от «ативана», крошечных и безобидных белых таблеточек, близких по своему химическому составу ко всем прочим успокоительным, таким как «занакс», «дарвон», «валиум». Стоило один раз пропустить прием, и Вайет чувствовал, что его мозг застывает как эпоксидка. Все попытки снизить дозу заканчивались полным провалом. По таблетке два раза в день — доза была окончательной и ненавистной. Вайет ненавидел свою зависимость, но не видел другого выхода. Хорошо еще, что никто, кроме Кэтлин, об этом не знал.

Кэтлин сама перепробовала уйму марсианских антидепрессантов и, в конце концов, выбрала старый добрый «элавил» — препарат, который во время Второй Мировой войны выдавали контуженным английским летчикам, после чего они, как ни в чем не бывало садились по самолетам и снова летели в бой. Жизнь ее потекла более спокойно (если не сказать, отрешенно), теперь Кэтлин способна вытерпеть даже рождественские каникулы — результат, о котором она не могла и мечтать.

Сейчас Кэтлин в Саскачеване, ухаживает за слегшим от алкоголизма отцом, счастливым обладателем печени, дряблой и разбухшей, как наполненный водой воздушный шар. Вайет, здесь в Ванкувере, получил приглашение на новогоднюю вечеринку к Донни и Кристин, но сильно сомневался, что пойдет. Дом Донни и Кристин — совсем не то место, где он всю жизнь мечтал встретить двадцать первый век. С раннего детства воображение рисовало картины — как проведет он эту необыкновенную ночь? Будет кушать желе из шампанского с Дайаной Росс на верхушке Эмпайр Стэйт Билдинг? Заниматься любовью в невесомости на борту космического корабля? Купаться в Японском море с дельфинами, говорящими на двух языках? Нет, Вайет никогда не представлял себя 31 декабря 1999 года в 11:59:59 в доме Донни и Кристин — на шестьдесят процентов пьяным от модного пива недели, с одной лишь мыслью о том, что нужно принять лекарство сразу после того, как часы пробьют полночь, — в доме, где о приходе Нового года возвещает песня U2 «New Year's Day», которую Кристин заводит из года в год с таким неизменным упорством, что ей благополучно удалось обратить это в маленький прикол.

И тут его осеняет: ни он, ни Кэтлин тут не при чем, — виноват весь этот проклятый век. Столетие крайностей. Столетие молекул, прежде невиданных во вселенной. Век действия и прогресса, деловой активности и злого рока. Век, постепенно пропитавший все существо Вайета: жировые клетки головного мозга и нейроны спинного мозга, плоть его ладоней и глаза, его печень, почки и сердце. Теперь век пульсирует в нем — век, от которого он никогда не сможет избавиться. Или все-таки сможет?

Вайет достает из держателя бумажный стаканчик — здесь эти стаканчики используют для разведения пластмасс, а не для питья.

Вайет наполняет его водой из-под крана в кафетерии и смотрит на содержимое. Безобидная прозрачная жидкость. А может не такая уж безобидная. Медь. Хлорка. Бактерии. Вирусы. Он оставляет стакан на столе и выходит через черный ход, погасив свет и включив сигнализацию.

На улице непривычно большое движение для этого района и времени суток — пять тридцать, все возбужденно готовятся к ночи. Идет сильный дождь, но дождь как раз не редкость в это время года. На шоссе в районе Лонсдейл небольшая заминка, но уже через несколько минут Вайет подъезжает к своему дому в Эджмонт Виллидж. На автоответчике два сообщения. Одно от Кэтлин, она перезвонит ближе к полуночи, и от Донни с просьбой захватить на вечеринку немного льда. Вайет стирает оба сообщения и стоит в передней: какие-то счета, разлохматившийся с краю половик, ботинки и непрочитанная газета.

«Я хочу, чтобы этот проклятый век, до вонючего атома, вышел вон из моего организма. Я хочу освободиться от него начисто. Что бы ни принес двадцать первый век — мне все равно, но я хочу, чтобы двадцатый век вышел из меня вон, и прямо сейчас».

Эта мысль пронзает Вайета. Она реальна, это не какой-то спонтанно возникший фантастический образ. В это мгновение Вайету становится ясно: он должен очиститься.

Вот и прекрасно.

В спальне он откапывает наручники — воспоминание о тех временах, когда они с Кэтлин еще могли заниматься любовью не прячась под покровом темноты. Оттуда он идет в холл и натягивает, одну поверх другой, сразу три куртки проходит через раздвижные стеклянные двери и выходит в темноту — на площадку обшитого деревом балкона. Здесь он садится на белый пластмассовый табурет за $9.95 — дешевка, дерьмовенькое сиденье, из тех что собираются в компактные штабеля; они, появившись в один прекрасный летний день года два назад, стерли с лица земли все прочие стулья для патио. «Абсолютный лидер в своей категории», — как сказал продавец.

Он садится на этот стул и пристегивается наручниками к металлическому ограждению. Не давая себе опомниться, он выбрасывает ключ подальше в кусты, туда, где с альпийским задором стремительно бежит местный ручеек.

И вот именно сейчас, когда шум ручья сливается с шумом дождя, в то же время наступает тишина. Полная тишина. Дождь стучит по капюшону напяленной сверху желтой куртки.

Сначала это раздражает — резкий контраст между пробирающим холодом снаружи и приятным теплом, оставшимся в доме. Но потом глаза привыкают к влажной и густой темноте, кожа к промозглости, а уши к звучанию непогоды и окружающего пространства.

«Вот именно так я и хочу встретить Конец Двадцатого Века», — говорит про себя Вайет. — «В одиночестве… наедине с самим собой… со своими мыслями… в процессе очищения».

Он смотрит на часы. 10:45 — как пролетело время. Понимая, что все еще смотрит на часы, он снимает их и швыряет в ручей, вслед за ключом от наручников.

Его начинает бить дрожь. Пальцы рук одеревенели от холода. Температура тела стремительно падает. До него доносится шум машин, разъезжающих по предместью. Слышны какие-то хлопки — это у самых нетерпеливых вырвался преждевременный салют.

Очень скоро зубы Вайета начинают стучать, и он думает: уж не ошибка ли все это? Он приподнимается со стула и хочет потянуть за перекладину ограждения, но поскальзывается, и стул отскакивает в дальний конец балкона, попутно ударяя Вайета по колену, так что он оседает на мокрый деревянный настил. Именно в этот момент раздается телефонный звонок, и Вайет проклинает себя и весь мир. Телефон звонит десять раз и умолкает. А буквально через полминуты в городе поднимается оглушительная пальба, праздничные толпы начинают ходить ходуном, радуясь появлению на свет трех новеньких нулей.

Прощай, тысяча девятьсот девяносто девятый.

Еще через час свистопляска заканчивается. Мир не перевернулся. Здесь мало что изменилось — или это не так? Вайет не может уснуть — он не сможет спать еще несколько дней; для его организма такие понятия как «сон» и «ативан» давно неразделимы.

Температура тела продолжает падать, и он пытается докричаться до соседей, чтобы те пришли и избавили его от безумной идеи, но шум дождя, сливаясь с шумом ручья, перекрывает все крики, и даже ему самому собственный голос кажется сдавленным, еще до того как слова вырываются из окончательно задубевшего тела. Попытка высвободиться лишила

последних сил. Похоже, он застрял всерьез.

Около трех часов ночи мозг восстает против своего хозяина. Глаза забегали — еще немного, и случится припадок. Костлявая рука стиснула череп. Дыхание сделалось прерывистым и натужным. Он ощущает каждый свой вдох, но как бы издалека, продолжая удаляться все дальше и дальше.

«Холодно, — думает он. — Холодно». Этим все и закончится — холодом. Все три куртки промокли насквозь. Ему кажется, что в доме снова звонит телефон, но он не уверен, что ему не почудилось. Ему хочется лишь одного — чтобы скорее закончился этот холод. Мечтая об этом, он вспоминает, как впервые попробовал «ативан», который сразу ему понравился. Он вспоминает шутливый разговор с терапевтом на тему гипотетической зависимости.

— А что если я подсяду на эту штуку?

— Не подсядете.

— А что если я все-таки подсяду, а фабрика, производящая «ативан» сгорит — что мне делать тогда?

Оба натужно рассмеялись.

И вот сейчас в Тихом океане, где-то там чуть западнее Гонолулу, окончательно завершается век. Пересекается международная линия смены дат, и в это время Вайету мерещится горящая фабрика; будто он стоит у огня и греет руки, греет тело, греет внутренности, — и оставляет двадцатый век, а двадцатый век оставляет его.

notes

Примечания

1

начало века (фран.)

2

ребенок-злодей (фран.)

З

беспризорница (нем. — англ.)

4

Common Gateway Interface — технология передачи анимационного движения по Интернету

золотистый стафилококк (лат.)

6

Моя вина (лат.)

квашиоркор — тж. детская пеллагра

8

Бонг (bong) — специальное устройство для курения марихуаны, в котором наркотический дым пропускается через воду.

9

Понимаете (итал. лом.)

10

Дублинцы также верят (или утверждают, что верят) в то, что тачку придумали для того, чтобы научить жителей Керри ходить на задних ногах. С другой стороны, жители Керри говорят, что для того, чтобы приютить всех сумасшедших в Ирландии, нужно построить одну лечебницу в Белфасте, одну — в Лимерике, а Дублин просто накрыть крышей.

11

Достопочтенный Фаллоу ежедневно посвящал свою четырнадцатимиллионную паству в различные сокровенные тайны. Например, что рок-музыку придумали масоны, или что НЛО — это бесовское наваждение, а все феминистки — ведьмы, лесбиянки и пожирают человеческое мясо на сходках сатанистов.

12

Патафизическая Эра. Саймон обратился в патафизическую эру, когда узнал, что Альфред Жарри, основатель учения, родился 08.09.1873 по языческому летоисчислению. Поскольку этот день в соответствии с католическим вероучением также является днем рождения Всеблагой Девы Марии, а в соответствии с мифом, созданным Джеймсом Джойсом, — днем рождения Молли Блюм, то Саймон тотчас же почувствовал в таком совпадении реализацию теории синхронности и подпал под обаяние слова. Но особенно Саймона, как нам еще предстоит увидеть, вдохновило развитие «патафизики» в Жарри в патапсихологическую теорию, произведенное профессором Тимоти Эф. Икс. Финнеганом. (Стоит ли говорить о том, что восьмое сентября является днем «1-го абсолюта в патафизическом летоисчислении.»)

13

По мнению «Энциклопедии социальных изобретений» (Издательство Института социальных изобретений, Лондон, 1990) первый некоммерческий расчет в электронной валюте произошел между Ванкувером, Канада и Сан-Диего, США где-то в 1982 году. Такая валюта не требует выплаты процентов банкиром и остается невидимой для фискальных организаций. Как пишет Т. С. Мэй: «Хорошие системы криптографии, такие как RSA (открытый алгоритм) и PGP (pretty good privacy), обеспечивают такой уровень шифровки информации, что для преодоления его не хватит всех вычислительных мощностей Вселенной.» tc-may@netcom.com

14

«Общество Незримой Руки» основано на утверждении Адама Смита, что Незримая Рука руководит всеми свободными рынками, а также на поправке профессора Тимоти Эф. Икс. Финнегана, что и несвободными рынками (т. е. рынками с государственным регулированием, монополиями, заговорами и коррумпированными системами) руководит та же самая Рука. «То, что можно нарушить — не есть Дао; то, что можно обойти — не есть Закон Природы; то, что можно отвратить — не есть Незримая Рука». Финнеган, «Кошмар и Пробуждение». (Издательство Королевского патапсихологического института)

15

Некоторые исследователи предполагают, что последние двенадцать параграфов этого текста представляют собой провокацию из патапространства, организованную Саймоном Муном и его сообщниками из «Общества невидимой руки». Эта теория, скорее всего, плод романтического воображения — того же рода, что и разнообразнейшие домыслы о том, кем на самом деле был Уильям Шекспир.

16

Лола, на самом деле родилась в 1358 АХ и пребывала в мире сем до 1393 АХ. Она покинула его на космическом корабле, отправившемся на Сириус.

(араб.) «мир войны», неисламский мир

(латин.) после написания «Улисса»

19

Профессор Финнеган. в дополнение к основанию патапсихологии (занимающейся изучением занятных, но малопонятных ментальных феноменов, которые не возможно точно воспроизвести или даже просто вспомнить к шести часам утра следующего дня) создал также КСИПН (Комитет сюрреалистических исследований пределов нормального). КСИПН утверждает, что ни один человек, событие или место никогда не являлись нормальными во всех отношениях, или даже в среднем, и что те, кто верит в нормальность, пали жертвой абстракции. «Не существует таких вещей, как нормальный европеец, нормальная собака, средний закат солнца или даже обыкновенная симфония Бетховена», — писал Финнеган в своей книге «Жизнь после жизни».

20

Мозес Хорвитц (Моу Ховард) (1897–1975) — знаменитый американский комик, киноактер. В комическом киносериале «Three Stooges», снимавшемся при его участии с тридцатых по пятидесятые годы, участие принимали также его братья Джером и Самуэль Хорвитц (Ховард), а также Ларри Файнберг.

21

Насчет Мозеса Хорвитца в связи с этим замечанием ничего нельзя утверждать точно (издатели будут крайне благодарны за любую информацию на эту тему), так что, скорее всего, замечание миссис ван Дорен относится к ее роману с Киссинджером. Именно после этого приключения она сказала: «все, чем он мне запомнился — это грязные носки и дурной запах изо рта».

от Эриды — древнегреческой богини раздора и хаоса. Течение, проповедующее жестко альтернативную позицию по отношению ко всем проявлениям «общественного мнения», а также произвольное обращение с формальной логикой и сочетаемостью различных элементов в речи. То же самое, что «дискордисты».

23

(ирл.) дружище

24

Чарльз Хой Форт (1874–1932) — американский писатель и журналист, основатель уфологии как дисциплины.